ФРАНСУАЗА САГАН

Жан-Клод Лами

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Франсуазы Саган, едва появившись на литературном небосклоне, стало символом раннего успеха и всемирной славы. Эта восемнадцатилетняя девушка из благополучной, счастливой семьи была, возможно, избранницей судьбы: она любила легкую жизнь — и ранний успех на литературном поприще предоставил ей возможность жить весело и беззаботно; любила мужчин — и ее мужьями были самые красивые и яркие мужчины из ее окружения; любила лошадей и автомобили, рулетку и ночные клубы — и всегда оставалась самой собой, несмотря на все жизненные перипетии, начиная от семейных и автомобильных аварий и заканчивая увлечением наркотиками. Все эти увлечения отразились и на творчестве писательницы, романы которой посвящены вечным темам любви, измены, верности и предательства.

- Франсуаза Саган
  - В Поисках Саган
  - Улица Юниверсите
  - Писатель восемнадцати лет
  - Кажарк
  - Детство
  - В войну
  - Юность
  - Франсуаза и ее отец
  - Девушка своего времени
  - Мадемуазель никто
  - Первые интервью
  - Здравствуй, успех!
  - Франсуаза и Сен-Тропе
  - Друг Бернар
  - Дети века
  - Путешествия и репортажи
  - Авария
  - Она водила босиком
  - Первое замужество
  - Искусственный рай
  - Франсуаза-журналистка
  - Поездки с друзьями
  - О деньгах
  - Искусство рисковать
  - Любовь — игра

- О любви
- Второе замужество
- Молодая гошистка
- Франсуаза и Франсуа
- "Весь Париж"
- Правдивая ложь
- Огни рампы
- Приходи на артистов взглянуть…[353]
- Вопросы доверия
- Друзья Франсуазы
- В поисках настоящего времени
- Пока я пишу…
- Последняя глава
- Здравствуй, печаль!
- Основные даты жизни Франсуазы Саган
- Произведения Франсуазы Саган
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114

- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202

- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246

- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290

- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334

- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378

- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396

Франсуаза Саган

В Поисках Саган

Франсуаза Саган для меня восхитительна. Подобно тому, как для нее — Сара Бернар, которой она посвятила книгу, а для очень многих — Эдит Пиаф, вызвавшая, как автор книги «Здравствуй, грусть!» и великая трагедийная актриса, отзвук в сердцах людей всего мира. Личность Саган причастна той звездной легенде, обращаясь к которой человечество подпитывает свое воображение. В книге о ней я стремился объединить образ, приобретший со временем мифические черты, и реальность ее отчаянно-энергичного жизненного ритма. Я взял на себя роль чуть ли не Шерлока Холмса, детектива, расследующего замечательную историю ее жизни и удивительного писательского дара, который позволил ей уже в начале творческого пути в глазах окружающих сравняться с Колетт, при всем своеобразии ее собственной индивидуальности.

На протяжении трех лет я был поглощен личностью и творческой судьбой Франсуазы Саган, пытаясь раскрыть тайну ее исключительной популярности. В Кажарке, в Ло, где она родилась, в Сен-Тропе, ставшем символом «красивой жизни», в Сен-Марселене, в Дофине, пристанище ее детских лет, — везде я искал ее следы, те вехи, которые помогли мне написать о ней.

Когда я поведал ей о своем проекте, она, кажется, была удивлена. Ее история — это романы, пьесы, воспоминания, то, о чем она написала «В память о лучшем». А по поводу всего того, что о ней часто пишут, улыбнулась: «Дыма без огня не бывает», позволив мне тем самым говорить обо всем. У Саган воистину героическое, пламенное сердце.

Жан-Клод Лами

Улица Юниверсите

Франсуазе Саган и ее близким, без которых не появилась бы эта книга.

Воспоминания, которые возникают без видимой необходимости, нужны нам для того, чтобы осознать, что с годами мы становимся все более далекими от пережитого, что события прошлого уже не имеют с нами ничего общего, чтобы задуматься о том, что однажды станет со всей нашей жизнью.

Э.-М. Сиоран[1]. Эта роковая проницательность

Париж. Седьмой округ, улица Юниверсите, дом 30. В 1948 году Рене Жюйар открыл здесь свой издательский дом. Это знаменитый издатель, который коллекционирует литературные премии. Пять Ренодо, три Фемина и три Интераллье[2] за послевоенные годы. Франсуаза Куарэ постучалась в эту дверь 6 января 1954 года.

Чтобы не делать ставку лишь на белую обложку с зеленой каемкой, она отправляется также в издательство «Плон», расположенное в частном отеле на улице Гарансьер. Отпечатанная на машинке рукопись лежит в желтой папке, наверху, справа, надписано: «Франсуаза Куарэ, 167, бульвар Малешерб, Карно 59–81, родилась 21 июня 1935 года».

В издательстве «Жюйар» скромная молоденькая девушка, совершенно утонувшая в огромном плаще, с маленьким треугольным личиком, бледность которого оттеняет каштановая челка, протягивает пакет Мари-Луизе Гибаль, помощнице Иветты Бессис, громогласной и деятельной пресс-атташе.

«Когда я смогу получить ответ?» — спрашивает ее Франсуаза, заполнив необходимые документы. Мари-Луиза едва ли намного старше, но ей кажется, что эта особа держится как дикарка.

В «Плон» обязанности литературного директора выполняет Шарль Оренго, и другая молодая женщина, Мишель Брутта, секретарь худсовета, получает из рук все такой же сдержанной Франсуазы Куарэ экземпляр «Здравствуй, грусть!». Между улицей

Юниверсите и улицей Гарансьер, расположенными недалеко друг от друга, судьба кинет монету — орел или решка? — первому роману незнакомки…

Рене Жюйар мечтает быть Бернаром Грассе[3] или Гастоном Галлимаррм[4] послевоенного времени. В отличие от Грассе, вяло стремящегося к писательству и одержимого амбициями, граничащими с мегаломанией, Жюйар — деловой человек, который руководствуется девизом своего инструктора по вождению самолета: «Безопасность — в скорости».

Публикуя быстро и много, он становится серьезным конкурентом Гастона Галлимара. В разгар междоусобицы, когда «НРФ» все чаще получает Гонкуровскую премию, появление Саган оживило атмосферу соперничества между двумя соседними издательскими домами.

Удивленный возрастом Франсуазы Куарэ, литературный директор издательства «Жюйар» Пьер Жаве, который каждое утро распоряжается о том, чтобы ему принесли доставленные накануне рукописи, принимается за чтение «Здравствуй, грусть!». Убедившись, что первая фраза далека от понятия «стиль»: «Прохладным весенним утром обольстительный лейтенант Х… рысцой удалялся от замка на своей рыжей лошади…», — он тут же почувствовал свежесть в манере письма этой восемнадцатилетней девушки.

Через двадцать страниц текст совершенно его покорил. Он уведомляет Рене Жюйара о своей находке и просит Франсуа Ле Гри, самого скрупулезного чтеца издательства, ознакомиться с этой рукописью в первую очередь. На следующий день Ле Гри представляет свой отчет Жюйару. Произведение мадемуазель Куарэ, «которое едва составит книгу в 225 страниц», ему очень понравилось; там нет ни одной фальшивой ноты: «Это роман, где жизнь струится, как из источника, где автор осмелился воссоздать неприкрытую ложной стыдливостью психологию пятерых персонажей — Реймона, Сесили, Анны, Эльзы, Сирила — настолько живо, что мы никогда не сможем их забыть».

Франсуа Ле Гри, иначе говоря Грикс, или Гриз[5], «немного забавный в парике, который он один считал незаметным», бесконечно влюблен в гармонию французского языка и страдает от малейшего диссонанса. С неугасаемым энтузиазмом он обращает внимание на синтаксические ошибки, отсюда следующий комментарий: «Перо мадемуазель Куарэ весьма бойко скользит по бумаге. Это мешает заметить многочисленные ошибки, которые могли бы, при условии нахождения соответствия, заставить исчезнуть этот замечательный эффект счастливой легкости. С первой строки я останавливаюсь на

“Этому незнакомому чувству… я не решаюсь дать прекрасное имя грусти”[6]. Оскорбление благозвучия и синтаксиса. Автор пишет “слушанию неудержимого смеха” вместо: “чтобы услышать этот смех”[7]. Я подчеркнул много подобных ошибок — чтобы их заметить, не требуется исключительного внимания, и исправить их не составляет труда. Надо отметить, что ее стиль столь естественен и классичен, что в большинстве случаев для наклонения сюбжонктиф прошлое несовершенного вида[8] могло бы быть использовано как более органичное, чем настоящее, что встречается редко. Однако мадемуазель Куарэ настойчиво от этого отказывается. Другой и столь же удивительный пример неряшливости — само название книги, навеянное последними строками, где автор нам рассказывает, что в сумерках наступающего вечера она видит незнакомца, который произносит: “Bonjour Tristesse”. Не лучше ли было бы написать “Bonsoir Tristesse”[9] и не выиграло бы от этого название?»[10]

Поэтический шарм плохо согласуется с суровостью придирчивого интеллектуального взгляда. Ни Франсуаза, которая взяла это название из поэмы Элюара[11], ни Жюйар, заботившийся о сохранности стилистики романа, который ему сразу понравился, не обратят внимание на эту ремарку Ле Гри. Этот немного старомодный чтец Жюйара, в период между двумя войнами являвшийся директором «Ревю эбдомадэр» и открывший Жюльена Грина[12] и Жоржа Бернаноса[13], отклонил, однако, первые рукописи Маргариты Дюра[14] и Кристиан Рошфор[15].

В конце концов все сходятся на том, чтобы еще раз посмотреть текст, что поручено Морису Гуго, главному корректору издательства «Жюйар». Пьер Жаве маленького роста, у него всегда какой-то потрепанный вид, помятое лицо. Морис Гуго, напротив, напоминает генерала Дуракина с проступающими через жилетный карман часами.

Он живет на площади, занимая комнату в большом доме под самой крышей, где царит постоянный беспорядок, повсюду разбросаны книги и кипы бумаги. В этом хаотическом нагромождении разнообразного хлама Морис Гуго с удовольствием извлекает откуда-нибудь перед посетителем бутылку водки, неизменно предлагая гостю вместе выпить. Это в основном начинающие авторы, едва закончившие лицей. Суровый грамматик и утонченный ценитель языка дает им уроки безукоризненного французского на уровне, значительно превосходящем программу лицея.

Франсуаза Куарэ взбирается на четвертый этаж в его логово образованности, чтобы услышать, как этот человек, придерживающийся роялистских взглядов, со старомодной

приветливостью будет петь ей дифирамбы, исправляя то орфографическую ошибку, то стилистическую неточность, обращая внимание на повторы и делая более прозрачной пунктуацию. «Здравствуй, грусть!» в самом деле будет запущена в производство, и дата ее выхода будет назначена на 15 марта.

Рене Жюйар родился в Женеве в начале века и имеет двойное гражданство, французское и швейцарское, и поэтому вынужден был дважды служить в армии: швейцарской, где «распевают песни», и французской, «где пьют красное вино».

Высокий, темноволосый, в больших очках в черепаховой оправе, он обладает особенным шармом, которым пользуется с соблазнительной властностью, непринужденно завоевывая доверие окружающих. Этот игрок, который любит идти ва-банк, тут же почуял редкую птицу в молодой застенчивой девушке, своей манерой бормотать при встрече что-то невнятное напоминающей его друга Пьера Лазарева, генерального директора «Франс-суар».

Приняв решение опубликовать роман, он без обиняков берет все под контроль, и с этого момента дело быстро идет на лад. Его цель: достичь продажи двадцати тысяч экземпляров. Он прочел «Здравствуй, грусть!» после обеда у Эмиля Роша, президента Экономического совета. Жюйар любит читать ночью, и его слуга Марко часто застает его по утрам в кресле с рукописью на коленях. Он весьма заинтересован романом молодой девушки, о которой ничего не известно, кроме того, что она студентка. Он берет карандаш, чтобы исправить некоторые бросившиеся ему в глаза ляпы, делает пометки, вновь просматривает рукопись.

Четыре часа утра; прикорнув ненадолго, он вновь берет в руки роман, просматривает несколько страниц, все более и более убеждаясь, что ему удалось открыть поистине диковинную птицу. Теперь он торопится скорее подписать контракт, ведь другой издатель, быть может, тоже сейчас читает рукопись и тоже думает о публикации. Эта мысль ему невыносима, Рене Жюйар снимает трубку телефона:

— Алло! Телеграмма по телефону?

На другом конце провода его просят произнести по буквам имя Куарэ[16]. «Да, да… Куарэ с “зед” на конце, — нетерпеливо повторяет он, потом диктует: — Вас ждут в издательстве ровно в одиннадцать часов. Не ошибитесь во времени».

Никогда еще Рене Жюйар не приходил так рано, хотя жил рядом, в 14-м доме по улице Юниверсите в большой квартире, где несколько раз в месяц собирались гости в гостиной, обставленной мебелью времен генерала Лафайета, из рода которого происходила жена издателя Жизель Асэйи. На этих светских

обедах присутствовали многие знаменитости артистического мира и политики. Там, что называется, бывал «весь Париж», который Кармен Тессие назвал в своей ежедневной рубрике «Франс-суар» «сборищем сплетников»[17].

Маленькая бестия заставила понервничать своего будущего ментора. В одиннадцать часов мадемуазель Куарэ не пришла на встречу, предпочтя все утро проспать под неусыпным оком старенькой служанки Юлии Лафон. Жюйар просит секретаршу перезвонить. Отвечает Юлия:

— Я не могу беспокоить мадемуазель.

— Это от Рене Жюйара, издателя. Ему необходимо ее видеть именно сегодня.

— Мадемуазель спит. Перезвоните… Перезвоните через два часа.

В конце концов была назначена новая встреча на семнадцать часов, на этот раз дома у издателя.

Чтобы придать себе мужества, она выпила большой стакан коньяка и попросила свою подругу, Флоранс Мальро, дочь Клары и Андре Мальро, сопровождать ее на улицу Юниверсите. В черном «бьюике», который она время от времени одалживает у отца, чтобы отправиться на левый берег послушать оркестры Клода Лютера и Андре Ревельотти в клубе «Вьё Коломбье» или потанцевать в «Сен-Жермен».

— Ваши родители читали книгу? — спрашивает Рене Жюйар.

— Нет. У моего отца есть другие дела, а моя мать… она бы этого не одобрила.

— Мне нужна подпись вашего отца на контракте, потому что вы несовершеннолетняя, — продолжает Жюйар.

Разговор происходит в библиотеке. Франсуаза нервничает. Но издателю уже удалось установить доверительные отношения, которые явятся залогом успеха.

Желая узнать, действительно ли эта девушка великолепная романистка, как он предполагал, Рене Жюйар подвергает ее трехчасовому допросу. Эта книга автобиографична? Он заинтересован сюжетом, который его очень тронул, и проявляет настойчивость:

— Сесиль, это не вы? А ваш отец, он очень похож на Реймона, да?

— Сесиль — это девушка моего возраста, у нас есть что-то общее во вкусах, только и всего. Реймона я выдумала, на самом деле такого человека я не знаю. Понимаете, это действительно вымышленная история.

Рене Жюйар слушает, как Франсуаза рассказывает о своем детстве в Кажарке и Сен-Марселене, о большой квартире на

четвертом этаже дома 167 по бульвару Малешерб, где царит двадцатидвухлетняя Юлия из рода Ло, которая служит у Куарэ с 1931 года, о старших брате и сестре, Жаке и Сюзанне, о своих родителях, о ее лучших подругах, Веронике Кампьон и Флоранс Мальро, связь с которой позднее была потеряна. Он наконец успокаивается. Перед ним действительно настоящая романистка в том смысле, в каком это понимал Флобер: «Автор в своем творчестве должен присутствовать повсюду и оставаться невидимым».

Значимость для себя этого «свадебного соглашения» издателя и автора он ощутит на конференции, объявленной в Брюсселе. Прочтя «Через месяц, через год», он любезно объяснит ей, что эта книга, возможно, будет иметь меньший успех, чем две предыдущие, но в смысле вклада во французскую романистику это важный шаг. «Тогда, — вспоминает он, — она подошла ко мне осторожно, как всегда, положила голову мне на плечо и сказала: “Лишь бы только это длилось!”»

Публикуя «Здравствуй, грусть!», Жюйар открывал писателя по призванию. Можно было предполагать успех, по меньшей мере сравнимый с успехом Франсуазы д’Обон[18] («Как полет кречетов») и Франсуазы Малле[19] («Обитель бегинок»), впоследствии Малле-Жорис. Бернар Грассе прославился, опубликовав «три М» (Мориака[20], Моруа[21], Морана[22]), Жюйар публикует трех Франсуаз.

Роман Франсуазы Саган был встречен шквалом недоброжелательной критики, прошел даже слух, что Морис Гуго совершенно переписал рукопись и что вообще ее автор Пьер Куарэ. Беспочвенные слухи, однако, быстро улетучились.

После этого долгого разговора Рене Жюйар спрашивает, сколько она хочет в качестве аванса в расчете на будущие продажи. Она не знает издательскую систему расчетов и рискует попросить 25 тысяч[23] франков, уточняя, что, вероятно, преувеличивает. Без колебаний Жюйар дает ей вдвое больше и сообщает изумленной девушке, что первый тираж составит 5 тысяч экземпляров вместо 3 тысяч, обычных для первого романа.

Он думает, что необыкновенная молодость автора явится источником дополнительного интереса. Поэтому издателю приходит счастливая идея поместить в книгу фотографию Франсуазы с ее взглядом маленькой испуганной белочки. И вспоминая «Беса в крови» Реймона Радиге[24], он пишет: «Дьявол в сердце».

Писатель восемнадцати лет

Небо плачет дождем над Парижем. 17 января 1954 года. Большая американская машина медленно движется к кафе «Флор», за рулем отцовского «бьюика» — молодая хрупкая девушка со спутанными волосами. Она в восторге от своей новой роли романистки. Выйдя от Рене Жюйара, она столкнулась с Мадленой, дочерью художника Жана Суверби, которая живет напротив, на улице Верней. Молодая женщина ждет ребенка. Ее семья уже давно поддерживает дружеские отношения с Куарэ. Радостная Франсуаза хлопает по карману пальто и говорит Мадлене: «Я подписала контракт с Жюйаром на книгу, которую только что написала». Поздравляет ее с будущим малышом и торопится поделиться своим счастьем с Вероникой Кампьон, которая нетерпеливо ерзает на одной из скамеечек, где иногда устраиваются Сартр[25] и Симона де Бовуар[26], чтобы читать и работать.

Две подружки-студентки приходят сюда, где витает экзистенциалистская атмосфера, которой они проникаются, читая «Тошноту». Как с трофеем, с чеком в руке Франсуаза устремляется к столику Вероники.

«Слушай, дорогуша, можешь заказывать виски. Я буду знаменитой женщиной. Буду ездить на «ягуаре» и куплю себе шикарное манто. У меня есть издатель, это Рене Жюйар, замечательный человек».

Нужно позвонить Флоранс Мальро, она, должно быть, у отца, Андре Мальро[27], в доме из красного кирпича на улице Виктора Гюго в Булонь-сюр-Сен.

Напротив «Флор», в ресторанчике «Липп», где Франсуаза иногда завтракает со своим отцом, начинают собираться завсегдатаи, которых окидывает благодушным взглядом властитель здешних мест Марселей Казес. Время возвращаться на бульвар Малешерб, но сначала надо подбросить Веронику домой на площадь Европы, за вокзалом Сен-Лазар.

Когда входит Франсуаза, опьяненная больше вином, чем сегодняшним успехом, родители сидят за столом.

— Я теперь писательница. Я заключила контракт с Жюйаром, нужно, чтобы папа его подписал…

Ей отвечает мать:

— Лучше бы ты вовремя явилась к обеду. Пойди причешись, прежде чем есть суп.

Мари Куарэ плохо переносит богемные наклонности дочери и ее неряшливый вид.

«Если бы хоть это заставило тебя начать причесываться», — добавляет она, а ее муж тем временем молча забавляется происходящей сценой. Никто из домашних не читал «Здравствуй, грусть!». Рукопись не вызвала пылкого протеста, тем более возгласов о гениальности. Франсуаза лишь услышала: «Что это тебе в голову пришла такая история?» И то, что ей доставило удовольствие: «Это очень мило написано».

Мари Куарэ, узнав, что издательство собирается опубликовать книгу независимо от согласия родителей, близка к тому, чтобы рассердиться. В конце концов Пьер и Мари Куарэ соглашаются на публикацию романа, но просят дочь взять псевдоним. Фамилия Куарэ известна, и их может стеснить интерес к автору.

Франсуаза нашла свое имя у Пруста[28]. Листая один из томов «В поисках утраченного времени», она случайно наткнулась на «Сагант», имя жены Бони де Кастеллан, которая потом вышла замуж за Ели Талейран-Перигора, князя Саган. Имя хорошо звучало и сразу ей понравилось. «Куарэ» всегда стоило ей насмешек школьных товарищей, когда перед уроками учителя выкликали всех по алфавиту. Франсуаза под насмешливое шушуканье единственная поднимала руку на букву «Q». В браках Франсуаза Куарэ, или Саган, носила имена Шеллер и Вестхоф. «Совершенно неприемлемые для романистки имена, — говорит она. — Саган — это, по крайней мере, отчетливо и звучно».

Чтец в «Плон» и журналист «Пари-Матч» Мишель Деон[29] инстинктивно чувствует в восемнадцатилетней девушке зерно таланта. Секретарь худсовета Мишель Брутта, плененная романом с первой страницы, передает ему рукопись. В конце недели он возвращает рукопись Шарлю Оренго, советуя принять ее безоговорочно. На этот раз Административный совет «Плон» было не обязательно об этом уведомлять, поскольку, если бы эти господа принялись судить да рядить, проказница рисковала ускользнуть у них прямо из-под носа. Но Шарль Оренго тем не менее выждал три недели. В нетерпении узнать его мнение, Франсуаза наконец переступает порог издательства. Литературная дирекция «Плон» решает опубликовать рукопись с условием, что автор внесет в нее изменения. «Он просил переписать целые страницы — я категорически отказалась исправлять или выкидывать что бы то ни было», — вспоминает она.

Так Мишель Деон невольно упустит писательницу, которая побьет все рекорды продаж. Чуть позже они встретятся и между ними возникнет нежное дружеское чувство. Убежденный в таланте дебютантки, он предложил главному редактору «Пари-

Матч» написать о ней статью.

И получил отказ под предлогом того, что Франсуаза Саган неизвестна. Несколько месяцев спустя еженедельник отправляет его в Оссегор в качестве корреспондента. Между тем «Здравствуй, грусть!» завоевывает Премию критиков и роман собираются экранизировать.

«Во время путешествия по Франции, — вспоминает сегодня Мишель Деон из Французской академии, — я встретился с Франсуазой Саган на вилле, которую снял ее отец, около площадки для гольфа. Вероника читала вслух «Литейщика» Жоржа Огне. Атмосфера была не слишком веселая. Мы выпили вместе. Франсуаза показала мне свои стихотворения, одно из которых потом было напечатано в “Матч” с моей неподписанной статьей».

Роман «Здравствуй, грусть!» появился без предварительной шумихи, но поскольку патрон был убежден, что книгу отметят, в издательстве все были расположены к автору. Никто не сомневался, что книга будет продаваться.

«Мы рассчитываем на успех», — говорит один из сотрудников издательства, Жан Декамп, встречая на лестнице Роланда Прета, который работает в коммерческой дирекции. Его брат Жан, также представляющий издательство, уже предупредил его, что книга должна разойтись весьма бойко, несмотря на отсутствие рекламы.

Действительно, через несколько дней после выхода романа в свет стало очевидно, что необходимо переиздание. Рене Жюйар и Пьер Жаве в отпуске, Роланд Прета один принимает решение выпустить еще тираж в три тысячи экземпляров. «Я бы решился на четыре тысячи», — говорит, вернувшись, Жюйар, а Жаве недоволен поспешно принятым решением даже при том, что оно имело положительный результат.

Франсуаза Саган, будто заклиная дурную судьбу после такого замечательного дебюта, обещает Роланду Прета, которому она посвятила «Здравствуй, грусть!»: «Роланду Прета, чьей прилежной ученицей я являюсь», — 1 франк за каждую книгу, проданную после стотысячного экземпляра. В итоге в декабре 1955 года она подписала чек на сто тысяч франков служащему Рене Жюйара, который совершенно не рассчитывал на подобный подарок.

17 марта 1954 года, как только появился ее роман, Франсуаза Саган отправляется за экземпляром «Здравствуй, грусть!» на бульвар Сен-Жермен.

С бьющимся сердцем она спрашивает у продавщицы, есть ли у нее «самая лучшая новинка». Ей предлагают с трогательной готовностью десяток книг, среди которых ее романа нет. Франсуаза набирается смелости и показывает книгу в белой

обложке с зеленым прямоугольником, на которой написано: «Здравствуй, грусть!» и внизу буковками поменьше: Франсуаза Саган.

— Мы ее получили вчера, — говорит продавщица. — Честно говоря, я ее вам не рекомендую. Ее написала маленькая бесстыдница. Я ее посмотрела и, право, мадемуазель, там какие-то отвратительные истории.

Франсуаза едва различает ее слова, берет свой экземпляр и уходит. Она заплатила за него триста девяносто франков, нормальную цену за роман в сто восемьдесят восемь страниц, тоненькую рукопись которого в сто шестьдесят машинописных листов Лена Ботрель, заведующая отделом производства издательского дома «Жюйар», доверила своей заместительнице Мадлене Верье со словами: «Посчитайте количество знаков!»

С «этим» Франсуаза Саган заработает сумасшедшие деньги и, оказавшись перед выбором из двух ролей: юной скандалистки или буржуазной писательницы, скорее предпочтет нечто третье. Под одобрительным взглядом продавщицы, убирающей в кассу триста девяносто франков, из которых сорок возвращаются автору, она чувствует себя и юной скандалисткой, и буржуазной писательницей.

Все зависит от того, как на это посмотреть, и Франсуаза, — которую так и не перестанут судить на все лады, — в тот день, в книжной лавке Латинского квартала, поняла, что самое главное — это репутация, пусть даже основанная на недоразумении.

Юго-восточные книжные магазины, особенно в Бордо, Биарицце, Байонне, в Тулузе и Каркассоне, активно пополняют свои прилавки продукцией Жюйара, и теперь, после того как в три недели были проданы полученные два десятка, требуют сотню или даже три сотни экземпляров «Здравствуй, грусть!». Рене Жюйар на этот раз не позволяет застать себя врасплох: третье переиздание — 25 тысяч экземпляров; следующее, накануне отпусков, 50 тысяч, — таким тиражом роман будет переиздаваться в последующие годы.

Книжные магазины Пуатье, Ангулема, Лиона срочно заказывают книгу. Весть о том, что восемнадцатилетняя девушка написала рискованный роман, мгновенно распространяется повсюду.

«Не позволяйте ему приходить к вам. Если его застукает ваша мать…» — говорят о тех, кто в возрасте меньше двадцати лет осмелился заявить о себе. Франсуаза Саган (ничего общего с Леонтин Саган, которая поставила «Девушек в униформе») окрашивает любовь в меланхолические тона и пишет о тоске, в которой пребывает поколение, терпящее кризис нравственности.

Как подчеркивает Франсуа Мориак, «эта романистка совершенно уникальна: она заставляет миновать взглядом хрупкость и обманчивую красоту тел, чтобы сказать, как Боссюэ, о тумане лжи и жалости, который колышется над ними, когда они сливаются в объятии»[30].

Он посвятит ей редакционную статью на первой полосе в «Фигаро»[31] в связи с Премией критиков, а потом окрестит «очаровательным монстром[32] восемнадцати лет» и «озорницей» — мрачновато-едкое[33] красноречие авторитета литературного мира. Статью обсуждают в буржуазных домах, где газета Пьера Бриссона воспринимается как выражающая убеждения состоятельного слоя общества.

Не лишенные колкости размышления академика на первой странице их любимого еженедельника приводят в смятение благонамеренных отцов и матерей, которые после появления романа «Здравствуй, грусть!» ужасаются по поводу того, как можно печатать подобный кошмар. Что говорить, если эта развязная несовершеннолетняя романистка заставляет самого Франсуа Мориака задаться вопросом о состоянии современной нравственности…

В самом деле, сама того не ведая, мадемуазель Франсуаза Куарэ, скромная молодая девушка из семьи потомков промышленников и мелкопоместных дворян, вскоре внесет свой вклад в грядущий переворот в общественном сознании.

Без тени смущения она станет вестницей эмансипации вместе с Брижит Бардо, появившейся надменно-обнаженной на пляже Сен-Тропе в фильме Роже Вадима, и Симоной де Бовуар. Автор книги «Женский пол» так вспоминала

свою неожиданную союзницу: «Франсуаза Саган… обладает милой способностью иногда выходить из своего образа чудного ребенка… я любила ее легкий юмор, ее сдержанность и естественность; расставаясь с ней, я всегда говорила себе, что в следующий раз мы поговорим еще лучше; а потом что-то не получалось, я даже не знаю почему.

Ей нравятся эллипсисы, аллюзии, недосказанности, она не оканчивает фразы, и мне казалось чересчур педантичным заканчивать мои, а разбивать их тоже было как-то странно, и, в конце концов, оказывалось, что сказать мне нечего. Она приводила меня в смущение, как это делают дети, некоторые подростки и все люди, которые говорят иначе, чем я. Я предполагаю, что сама в чем-то стесняла ее»[34].

Говорят, что восхищение обходится без дружбы, что оно самодостаточно. Так можно думать об отношениях Симоны де Бовуар и Франсуазы Саган, чего не скажешь о Сартре, к которому

Саган питала интеллектуальную страсть, имевшую источником общую этику и внутреннее благородство, столь редкое в век «безумный, бесчеловечный и коррумпированный»[35].

1954 год, когда Эрнест Хемингуэй[36] получает Нобелевскую литературную премию[37], явился венценосным для Симоны де Бовуар и Франсуазы Саган: роману «Мандарины» была присуждена Гонкуровская премия[38], а «Здравствуй, грусть!» получила Премию критиков.

В понедельник 24 мая жюри, состоящее из Жана Поль-хана, Эмиля Генрио[39], Жоржа Батая[40], Габриэля Марселя[41], Мориса Бланшо[42], Роже Кайуа[43], Марселя Арланда[44], Доминики Ори[45], Мориса Надо, Роберта Кемпа[46], Роберта Кантерса собралось у директора издательства «Дё Рив», чтобы присудить Премию критиков, которую первым получил в 1946 году за «Чуму» Альбер Камю[47].

Рене Дефе и его жена Симона живут на улице Фош в великолепной квартире в четыреста квадратных метров. Во второй половине дня туда входят присяжные — ставки сделаны. Вокруг Жана Польхана, тайного советника «НРФ», расположились представители влиятельного издательского дома «Галлимар». На подготовительном собрании клан издателя выдвинул Жака Одиберти[48]. Габриэль Марсель уже выразил согласие с его кандидатурой: «с этой неожиданной поддержкой дело было в шляпе»[49].

Однако не будем торопиться с заключениями, когда речь идет о результате еще несостоявшегося голосования! Симона Дефе, которая держится в тени, отдает предпочтение «посторонней» Франсуазе. Она не является членом жюри и пытается уговорить Габриэля Марселя отдать голос за «Здравствуй, грусть!».

Она, вероятно, находит убедительные аргументы, потому что в день голосования Габриэль Марсель утверждает перед растерянными коллегами, что роман Одиберти «Сад и реки» являет собой образец литературы, подобной «сфинктеру, который не функционирует»[50]. Это философское изречение изменило мнение большинства, и кандидатура Франсуазы Саган победила восемью голосами против шести. Одновременно и довольный и раздосадованный Габриэль Марсель даст следующий комментарий: «Эта девушка очень талантлива, но я не думаю, что ее книга рисует достойный образ французской семьи…» — что стоило ему характеристики «ретрограда» в «Очарованной утке» Рене Фалле[51].

С трудом отвоеванная победа не изменила планов Франсуазы — в тот день она собиралась со своим парнем на мотоцикле в Сенлис на дружескую вечеринку. Рене Жюйару пришлось

настаивать, чтобы она отказалась от поездки и, приняв вид благовоспитанной девушки, пришла на улицу Фош.

Поскольку она несовершеннолетняя и не может подписывать чек, она получает наличными сто тысяч франков, предоставленных меценатом Флоранс Ж. Гульд. На следующее утро мадам Куарэ, обнаружившей пачку ассигнаций в ящике комода, впору заподозрить, что ее дочь совершила вооруженное ограбление!

Франсуазу преследуют фотографы, подгоняемые Иветтой Бессис. Все только и говорят о ее юном возрасте. Столько же тридцать лет назад было Радиге. Правда, сложно сравнивать «Беса в крови», где герой — мальчишка, влюбленный в жену солдата, и «Здравствуй, грусть!», где семнадцатилетняя Сесиль, потерявшая мать, говорит о своем первом опыте сексуальных отношений с Сирилом, мальчиком из добропорядочной семьи, как о вещи самой естественной. С одной стороны, протест против войны через скандальную ситуацию, с другой — демонстрация аморальности на фоне личных внутренних проблем.

Это сопоставление объясняет тем не менее оценку критиков, включая Эмиля Генрио, само воплощение серьезности, которые после появления ее второго романа «Смутная улыбка» вновь проводят параллели. «Это мадемуазель Радиге», — восклицает он, а столь же восхищенному Роберту Кемпу она напоминает Бенжамена Констана[52]. Эти два знаменитых персонажа мира французской литературы познакомились с романисткой у Жюйара и имели возможность оценить ее острый ум.

Что касается обеда, поданного после коктейля, то присяжные суда критики тогда вряд ли смогли бы составить мнение о Франсуазе Саган, совершенно ошеломленной происходящим с нею: «удача», да, «удача»[53]. «Нас было восемнадцать человек за столом, — вспоминает Рене Дефе. Франсуаза посреди этого ареопага явно чувствовала себя неуютно и в буквальном смысле не могла рта раскрыть». Надо сказать, что она только что подверглась тщательному допросу под материнским оком пресс-атташе издательства Жюйара. Немного растерявшись, Франсуаза отвечала под непрекращающиеся фотовспышки.

Она весит 49 килограммов, ее рост 1 метр 66 сантиметров. Она никогда не делает макияж, не красит ногти, одевается в прямые черные юбки и пуловеры и всегда носит туфли без каблуков. Иногда ей приходится надевать вечерние платья.

Она живет с родителями; у нее есть комната, которая ей служит кабинетом, проигрыватель последней модели, пластинки (концерты Моцарта, Сиднея Бешета[54], Луи Армстронга[55]) и книги (Пруст, Чехов, Толстой, Жид[56], Элюар, Фолкнер[57],

Черные серии[58]).

Она любит читать, забравшись на обитый красным велюром диван и укрывшись шотландским пледом, курит «Честерфилд» и иногда пьет виски.

«Да, я написала мою книгу за один месяц двумя пальцами на пишущей машинке…» — повторяет она назойливым журналистам.

Обычная девушка, любит жить, смеется, танцует, проводит время с друзьями, слушает музыку, читает. Как и все остальные… У нее узкое лицо, а две ямочки едва смягчают серьезность обращенного к миру собственной фантазии взгляда, где блещут золотисто-коричневые искорки.

Статья Франсуа Мориака на первой странице «Фигаро» произвела эффект разорвавшейся бомбы, пророча Франсуазе звездную известность. «Падающая или “новая” звезда?» — называет он хронику в «Информасьон».

«Быть может, мы имеем дело с наследницей порочного гения Колетт[59] (и ситуация подобна — дочь с отцом и сын с матерью: кажется, «Здравствуй, грусть!» воссоздает атмосферу «Шери»)? Может быть, это всего лишь падающая звезда, рассекающая почти пустой литературный небосклон года?» — пишет автор романа «Змея в кулаке» Эрве Базен[60]. «Исключительная молодость Франсуазы Саган оставляет меня равнодушным, — констатирует он. — Мне дела нет, что ей всего восемнадцать: это ни о чем не говорит, ошибкой было бы полагать, что это явилось причиной ее успеха, наоборот, с точки зрения морали это обстоятельство — помеха для нее.

Сама Франсуаза выражает протест устами Сесиль: “Пожалуйста, не колите мне глаза моей молодостью: я никогда не прикрывалась ею — я вовсе не считаю, что она дает какие-то привилегии или что-то оправдывает. Я не придаю ей значения”[61]. В самом деле, у нее больше нет возраста — она уже не невинна, но и до зрелости ей далеко. Одни торопятся жить, другие отчаянно хватаются за жизнь — в этом обществе нет ощущения присутствия поколений, и кажется, будто исчезает “респектабельность старости”. Нет, в самом деле, у нее не больше молодости, чем было у Радиге (…)».

Заинтригованный Эрве Базен встретился с ней, желая пролить свет на образ Сесиль, мечтающей о «любви захватывающей, сильной и стремительно уносящейся в прошлое».

«Я сначала создала своих персонажей, а потом уже рассказ о них», — поведала ему Франсуаза Саган, которую он счел моложе, нежнее ее семнадцатилетней героини и, главное, чертовски умной. Вывод: между автором и персонажем нет ничего общего.

Кто тогда Сесиль?

Это непостижимая тайна романа «Здравствуй, грусть!», перед которой пасует добропорядочное буржуазное сознание. Потому что «грех — это единственный яркий мазок, сохранившийся на полотне современной жизни». Сесиль цитирует здесь Оскара Уайльда[62]. Остается только заключить, что Франсуаза Саган продала душу дьяволу. Франсуа Мориак возмущен. «Очаровательный монстр» не остается перед академиком в долгу: «Он очень любит возмущаться. Это свойственно его возрасту. К тому же у него к этому есть все основания, потому что в этом отношении у него просто талант. Он ругает мою книгу, вероятно, потому, что там нет понятия греха. Если бы жизнь не была сложнее!»

«Здравствуй, грусть!» продолжала порождать семейные ссоры. Это, конечно, не битва Эрнани[63], но родителей роман шокировал. Франсуазу Саган упрекали также в выборе среды, которую она изображает. Мишель Деон[64] в строках, посвященных романистке, после горячих похвал погрузившись в воспоминания, проявляет критичность:

«Новым в “Здравствуй, грусть!”, как и в последовавших затем романах, явился тон, легкий и меланхоличный, точно выражающий настроение юности, мягкую горечь, готовую сойти на нет, а также воссозданные с живостью мужские и женские характеры, близкие так удавшимся Колетт в нескольких романах, например, “Дуэт”, “Шери”, “Жижи”, где все очаровательно аморально. Жаль только, что Колетт подарила силу и страстность своего таланта персонажам сумеречного полусвета, жаль, что Франсуаза Саган своих персонажей берет из среды праздной или занятой благопристойным образом буржуазии, которая, подобно всей современной эпохе, живет в иллюзии собственной значимости. Среда не вульгарная, но заурядная, где, боюсь, мало живой естественности, которую Франсуаза Саган воссоздает неизвестно по каким данным — я ее вижу очень редко…»[65]

Представить Колетт и Саган на одной «скамье подсудимых» — значило желать найти между ними тонкую нить взаимосвязи, узаконивающей поэзию, которой блещет каждый оборот фразы у обеих. Имеет место совпадение, впрочем, оно ничего не объясняет: в 1954 году, когда умерла Колетт, в литературный мир пришла Саган.

Кажарк

Франсуаза Мари Анна Куарэ родилась 21 июня 1935 года в Кажарке, главном городе кантона Ло, в одиннадцать часов утра, когда стояла удушающая жара.

Рак сменял Близнецов. Сильное влияние Меркурия объясняет свойственную ей необыкновенную ясность сознания. Вместе с тем благодаря мощному влиянию Луны в Рыбах она принесла в мир безграничную силу чувства. Чтобы расцвести, ей был нужен космос. Ее парадоксальная натура выбивается из своего окружения. «По отношению к таким личностям, как Саган, — объясняет астролог Андре Газан, — лучше забыть о правилах логики и разума. Чтобы ее понять, нужно обратиться к области инстинкта, отдаться на волю ее безграничной способности ощущать».

Она родилась на три недели раньше положенного в красивом доме с фасадом из серых камней и шиферной крышей, имевшем характерный облик мелкобуржуазного жилища в сравнении с другими строениями, покрытыми местной черепицей. Здесь, на шестисотметровом бульваре, где принято прогуливаться в послеобеденное время, живут Лобарды, землевладельцы этой бедной страны, сплошь покрытой известняковыми плато.

Семейные корни теряются в глубине времен. Устроившись в Марсильяке, семья на протяжении поколений осуществляла административное управление аббатством этого маленького города. Семейный герб Лобардов изображен в Версале, в зале Крестовых походов, их предки воевали на Святой земле.

Мари Куарэ приехала в Кажарк в мае. Ее мать Мадлена Лобард настояла, чтобы она рожала в комнате на первом этаже, где Мари произвела на свет свою дочь и где родились двое других ее детей, Сюзанна и Жак. Традицию требовалось уважать, чтобы не навлечь неудовольствие духа Мадлены, личности весьма замечательной. Она была дочерью медика по имени Дюффур, рано осиротела и воспитывалась у тетки Фанни, женщины с сильным характером, авторитарной, но великодушной, которая привила ей принципы добропорядочности.

Выйдя замуж за Эдуарда Лобарда, который владел километрах в двенадцати от Кажарка прядильной фабрикой, расположенной на мельнице Сальваньяка в Авейроне, она стала знаменита благодаря двум обстоятельствам, которые вспоминают до сих пор в связи с именем бабушки Франсуазы Саган. Во время Первой мировой войны, когда ее старший сын Эли был убит в битве на Марне, она укрывала бельгийских беженцев. Не было

забыто также и то, что она взяла на воспитание сына швеи, больной туберкулезом.

От своей замечательной бабушки Франсуаза, которую близкие звали Франсетта или Кики, унаследовала внутреннюю силу и доброту нрава. Дед Эдуард и его брат Жюль Лобард наградили ее привычкой к праздности и вкусом к сибаритской лени. Братья исповедовали жизненный стиль, неуклонно толкавший их к ничегонеделанию. Их мать, девица Кальметт, вышедшая замуж за Пьера Лобарда в 1859 году, сумела извлечь выгоду из открытия на территории его владений в Созаке месторождений фосфата, разработка которых вплоть до начала века являлась источником семейного благосостояния.

Благодаря этой толковой женщине — речь идет о прапрабабушке Франсуазы Саган — Эдуард и Жюль Лобарды могли наслаждаться жизнью, не слишком заботясь о завтрашнем дне. Первый, по словам его сына Поля, президента Региональной секции коммерции и индустрии Парижа[66], «являл образ радушного мелкопоместного аристократа, считавшего работу занятием недостойным». Не имея привычки к действиям как таковым, он сделался жертвой знаменитого русского займа, который разорил многих буржуа того времени. Жюль прожил счастливую жизнь холостяка. «У меня была замечательная жизнь, мне не жаль уйти», — были его последние слова.

По свидетельству того же Поля Лобарда, его мать Мадлена «совершенно не занималась хозяйством. Ее дом напоминал временную стоянку». Это также объединяет Саган и ее бабушку по материнской линии. Франсуаза непрерывно переезжала, видимо, также полагая, что обладание отнимает очарование у вещей.

У Мадлены Лобард есть шкаф, набитый книгами, который стоит на чердаке дома в Кажарке. Здесь вперемежку лежат книги Пьера Лоти[67] и Клода Фаррера[68], славных, но забытых ныне представительниц модной женской литературы 1900-х годов: Люси Делару-Мардрус[69], Жерар де Гувиль, Марселла Тинайр, Жип[70]. Среди этих книг валялся обветшавший томик Колетт, казавшейся одно время значительной, но с течением времени заставившей в этом усомниться. Как ни странно, три тома Достоевского, Монтень[71], Марсель Пруст («Исчезнувшая Альбертина»), дешевые издания, которые вполне удовлетворяют страсть к чтению домохозяек и их домашних. Этот чердак, где летом стояла удушливая жара, был заколдованным миром мечтательной юности Франсуазы.

«Помнится, пот выступал у меня крупными каплями, но я сидела не шелохнувшись в глубоком, давно протершемся плюшевом кресле, случалось, дивясь шагам прохожего, который

рискнул осматривать город в час сиесты»[72].

Это час, когда время застывает в неподвижности; Франсуаза, уткнувшись в Пруста, только что переступила порог его сказочной вселенной, взяв томик «Исчезнувшей Альбертины». Попыталась погрузиться в «Поиски…», но, начав «По направлению к Свану», нашла роман скучным, и ее восхищение перед писателем, которого родители обсуждали, прочтя в отрывках, вдруг сникло в одно мгновение. Вместе с тем в четырнадцать лет она совершила настоящее открытие: плененная испытанным волнением, она почувствовала в первый раз желание выразить тайну жизни, завесу которой лишь приоткрывает художник.

«А еще, тоже читая Пруста, открывая это бесподобное творческое безумие, эту страсть, не подвластную никакому контролю и в то же время всегда отчетливую, я поняла, что писать — не пустое слово, не приятное времяпрепровождение (…) Я открыла, что талант писателя — подарок судьбы, которым она награждает немногих, и что жалкие потуги ничтожеств, пожелавших сделать на писательстве карьеру или искавших, чем бы занять время, кощунственны»[73].

Франсуаза ощутила тогда горячую веру в эту правду жизни и выразила ее в собственной книге. В прошлом году в Сен-Марселене, в Изере, где отец с января 1940 года управляет заводом Компании по производству электроэнергии, она испытала восторг от «Яств земных» Андре Жида.

Это было в начале июня. День обещал быть замечательным, несмотря на то что над Дофине и горами Веркора лил дождь.

«Я хотела, — говорит Франсуаза[74], — как Рембо[75], как Жид, идти по полям на заре до изнеможения, ослабеть от голода и прилечь у стога сена перед восходом. Только я никогда не теряла сил и, когда я брела от дома при первых лучах солнца, я волей-неволей возвращалась, чтобы съесть несколько тартинок. Моя собака сопровождала меня и указывала мое местонахождение пронзительным лаем и постукиванием хвоста по садовой дорожке, одновременно требуя тартинок и заботясь о моей безопасности. Если бы не она, я могла бы так уйти очень далеко».

Предаваться созерцанию природы очень рано стало для Франсуазы необходимостью, одним из содержательных моментов жизни. В возрасте трех лет, когда семья Куарэ приезжает из Парижа в Ло, Кики, едва выйдя из машины, несется в бабушкин сад. Потом ей уже не хватает этого волшебного мира детских забав, и она поднимается по дороге мимо Шапелет, старой часовни с облупившейся штукатуркой, и здесь, в одиночестве, вдали от людской суеты, смотрит на город, расположенный на

правом берегу Ло, на границе с Руергю. Девочка часто сопровождает деда к мельнице Сальваньяка. Эдуард Лобард в костюме из белой альпаги, который он носит круглый год, словно униформу, обычно едет туда в двуколке. Раймонда, дочка мельника, радостно встречает подружку, они отправляются вместе к старому замку, расположенному по соседству, на поиски таинственной двери.

С риском сломать шею, подвергаясь опасности пораниться при падении, Франсуаза лазает по деревьям и карабкается по крутым косогорам. У нее мальчишеские замашки, она легко находит общий язык с компанией городских ребят, которые носятся по улицам Кажарка, испуская индейские вопли, натягивая самодельные луки и бряцая деревянными мечами. Дерзкий характер побуждает ее присоединяться к самым старшим. Местный автомеханик Жанно Роке вспоминает: «Она хотела быть с нами, когда мы играли в жандармов или воров, прятались в пустых полуразрушенных домах в старом городе. Кики была с нами везде, ничего не боялась, всегда была готова ввязаться в какую-ни-будь историю».

Известность его подруги детства никак не отразилась впоследствии на его отношениях с ней, он продолжал называть ее Кики или Франсеттой, как и раньше. Они вместе играли в тьерсе и карте, смотрели по телевизору трансляцию скачек. Вместе переживали. Однажды они выиграли по пятьдесят тысяч франков.

Вскоре самое величественное животное, покоренное человеком, завладело вниманием Франсуазы — отец подарил Франсетте лошадь по имени Пулу для прогулок по Сен-Марселену. Бесстрашная девушка со стреляющим стрелами ружьем за спиной стала ездить верхом по городским улицам, вызывая зависть местных ребятишек. Она останавливается на площади Арм перед лавкой суконщика и потом всегда просит у него лесенку, чтобы взобраться опять в седло. В каникулы ее лучшая подруга Анна Мазорик, лионка, которая со своей косой, уложенной вокруг головы, на нее похожа, как сестра, взбирается позади нее на Пулу, и девушки беззаботно и весело под заливистый аккомпанемент снующего внизу пса Бобби отправляются навстречу приключениям.

Время военное. Рядом с Дофине, где резвились дети, — Веркор, прибежище партизан. Впрочем, летом 1942 года Кики и Анна не ощущали давления происходящих в мире событий. Напротив, они пользовались упоительной свободой, вдыхая поэтичность пространства и времени, которую Франсуаза позже воссоздаст в романе, напитанном той атмосферой:

«В мае луга уже склонялись под властью лета. Высокая трава,

пылающая от солнечного жара, опускалась ниц, засыхая и трескаясь, тянулась к земле…»

Или еще:

«Это был свирепый поток, такой ясный, такой светлый, что сияние на его поверхности, смягчая яркость, вызывало чувство облегчения, поток, который свободно низвергался прямо из Веркора и медлил, казалось, здесь мгновение, отдыхая в нескольких естественно возникших углублениях в скале, а потом летел опять вниз еще более стремительно…»[76]

Подружки, обожающие прятки и всегда готовые к новым открытиям, забираются в самые отдаленные уголки развалин древнего замка, бесстрашно спускаются в лабиринты подземелий. Однажды после такой насыщенной событиями прогулки Франсуаза с исцарапанными коленками, в одежде, приведенной в весьма плачевное состояние, попросила разрешения взять домой такую же грязную, как и она сама в этот момент, бездомную собаку, которая ее сопровождала всю обратную дорогу. Пьер Куарэ легко поддавался капризам дочери — Кики решила, что отныне Бобби останется с ней.

Собаки и кошки всегда были неотъемлемой частью семьи Куарэ. Франсуаза с теплотой вспоминала о таксе, которую отец превратил в собаку на колесиках. К старости Калин отказали задние лапы — она вызывала надолго оставшееся в памяти домашних ощущение жалости и тоски. Не найдя врача, который облегчил бы ее страдания, Пьер Куарэ, инженер, получивший диплом Индустриального института Севера, сконструировал устройство, к которому она смогла приспособиться. Калин получила возможность передвигаться по огромной квартире на бульваре Малешерб и даже стремительно преодолевать коридоры. Сложности у нее были на виражах.

«Тебе надо только научиться поворачивать!» — подтрунивал над ней Куарэ со свойственной ему мягкой иронией. Он родился в Бетюне, в Па-де-Кале, 26 августа 1900 года в семье гражданского инженера, происходившего от потомков испанских завоевателей Карла V, и наследовал их иберийскую гордость, которая придавала дополнительный оттенок его благовоспитанности и некоторой надменности. Его речь отличалась меткостью определений, он мог задеть за живое насмешкой, часто довольно колкой. В самом деле за видимой холодностью и изысканным зубоскальством пряталось нежное и великодушное сердце.

Его чувство юмора можно оценить по истории, которую рассказывает Франсуаза Саган:

«Опаздывая к обеду, отец входит, весело напевая: “Я несусь

галопом… галопом… галопом!” Но внезапно по ошеломленным взглядам сидящих за столом понимает, что ошибся этажом. Тогда, нисколько не смущаясь, он поворачивается и удаляется со словами: “Я возвращаюсь галопом… галопом!”»

Он умер от сердечного приступа 2 января 1978 года, оставив в памяти тех, кто его близко знал, образ человека блистательного ума, о котором продолжали говорить, даже не будучи уверенными в возможности однажды постичь обаяние его личности и разгадать вполне смысл его шуток. Его близкий друг, инженер-автомобилист Жан-Альбер Грегуар, один из первых разработчиков конструкции передней тяги, описывает в одной из своих книг[77] завтрак, на котором они оба присутствовали:

«Хозяин с холодным видом пренебрегал задачей создания застольной атмосферы. Скромное угощение также ей не способствовало. Куарэ попытался спасти положение, рассказывая истории, в чем он был большой мастер. Я часто думал, что дар воображения Франсуаза Саган унаследовала от отца, который вполне мог бы блеснуть в сатирическом романе…»

Детство

«Через пятнадцать лет, немного пресыщенную, меня потянет к привлекательному человеку, также слегка утомленному жизнью. Мне нравится воображать лицо этого человека. У него будут такие же маленькие морщинки, как у моего отца…» Знойным летом 1953 года Франсуаза предается прелестной неге, и пустынный Париж, изнывающий от августовской жары, вторит своим дыханием ее счастью. Как приятно работать в одиночестве над рукописью в пустой квартире на бульваре Малешерб, куда проникают лишь слабые отзвуки города. Ей нравится образ Сесиль, которой она дала имя одной из своих племянниц, и ее история про сорокалетнего отца быстро летит вперед строка за строкой.

Вечером, когда ее собственный отец машинально спросит: «Слушай, ты не слишком скучаешь?» — она ответит, вспомнив этот день одиночества перед пишущей машинкой: «Скучаю? У меня просто потрясающие каникулы!» Пьер Куарэ устроил семью в Ландах, где после отъезда из Сен-Марселена он каждое лето арендовал виллу, иногда в Кап-Бретоне, иногда в Оссегоре. На вилле Мари-Клер или на вилле Лойла — каникулы текли спокойно и однообразно — оба дома представляли собой классический образ пристанища, куда устремлялись на автомобилях горожане, бегущие от суеты к уединению.

Куарэ выбрали баскский берег, живительный климат которого был полезен Франсуазе, выглядевшей ослабленной. Но за этой хрупкостью маленького птенчика крылась невероятная энергия и сила воли. На вилле Лойла на улице Гольф в Оссегоре, которую они сняли вновь в 1954 году,

Пьер Куарэ ощущал себя счастливым отцом, видя за завтраком на террасе загорелую Кики. 1 августа он готовится отправиться в Париж по делам. Оставив службу на заводе по производству электроэнергии, он нашел работу на американской фирме, которая доверила ему управление шлифовальным заводом в Аржантейле, где дети Куарэ и их друзья играли в полуразрушенных нежилых зданиях, в изобилии разбросанных по округе.

— Я еду с тобой, — сказала ему Франсуаза.

— Что такое? Тебе не нравится в Оссегоре?

— Да нет, дело не в этом.

Часом позже Франсуаза, одетая в легкую юбку и полосатую блузку, с саквояжем из рыжей кожи в руке, который она только что получила в подарок на свое восемнадцатилетие, садится

рядом с отцом в черный «бьюик», оставляя окружающих в недоумении по поводу своего внезапного отъезда. Она обеспокоена, чем — по ее загадочному виду судить сложно. Спрашивать было бы бесполезно, она не любит откровенничать. Даже в самом нежном возрасте Кики скрывает малейшую боль, самое ничтожное огорчение. В Кажарке, когда ей было одиннадцать лет, она подняла на ноги всю семью, которая ее разыскивала несколько часов. Ее нашли, когда уже стемнело, на дне ямы в руинах замка, стоящую на коленях — в мужественном ожидании она так и не осмелилась позвать на помощь.

Страсть к опасностям и эта удивительная стойкость характеризуют сильную личность Франсуазы, которая умела скрывать гордость за внешней беззаботной веселостью. В возрасте, когда девочки обычно заняты кукольными играми, она разгуливала вся в ссадинах и шишках. В этом хрупком теле таилось железное упорство. «Это настоящая крестьянка», — говорит ее давний друг журналистка Моника Готье, объясняя жизнестойкость Франсуазы, которую не могли сломить даже следовавшие одна за другой неудачи.

Ей едва исполнилось четыре года, когда эта «черноглазая чернослива», как говорил ее отец, впервые испытала страх. Во время лодочной прогулки по пруду в Виль-д'Аврей он хотел успокоить неугомонную Франсуазу и, присев с ней рядом, случайно перевернул лодку. До берега им помогли добраться игроки футбольной команды Франции, отдыхавшие перед матчем с Италией. Увидев промокших до нитки мужа с дочерью, Мари Куарэ решила, что над бульваром Малешерб разразилась жуткая гроза. Слова Кики, уже оправившейся от пережитого, мадам Куарэ запомнила на всю жизнь: «Мы с папой искупались прямо в одежде!» Эдмон Дельфур, полузащитник, теперь живущий в Корте, на Корсике, ловил поблизости рыбу, когда лодка опрокинулась: «Я тут же нырнул. Малышка плавать не умела, а глубина там была не меньше полутора метров. Отец помог мне ее подхватить. Так, ничего серьезного».

Несколько лет спустя, в июне 1944 года, на берегу другого пруда в Сен-Марселене Франсуаза вновь легко избежала опасности. Утром похоронили двух партизан, местные жители сопровождали их останки на кладбище. Возможно, об этом узнали немцы. Были ли это репрессии или случайное стечение обстоятельств, но домики Табака подверглись бомбежке пилотами Люфтваффе, которые, правда, могли их принять за казармы. Один из них, особенно злобный, в смертельно опасном пике опустился совсем низко над девушками, выбравшимися после купания на луг, — сестрами Куарэ.

«Мы бежали, не чуя ног, как зайцы, — рассказывала Франсуаза. — Я видела, как вокруг мелькала трава. Моя мать не нашла ничего лучше, как закричать: “Сюзанна, прошу тебя, оденься. Оденься, прошу тебя. В таком виде ходить нельзя!” Она обладала способностью держаться с царственным достоинством, что успокаивало многие буйные головы»[78].

Ироническое спокойствие в подобных обстоятельствах прекрасно характеризует мать Франсуазы Саган, обладавшей шармом непринужденной светскости. Летом 1939 года накануне объявления войны она внезапно уехала из Ло, чтобы пополнить в Париже у модистки ателье де Полетт свою коллекцию шляпок. Когда ее спрашивают об этой легкомысленной поездке в такое неспокойное время, Мари Куарэ оправдывается, что, предвидя долгое отсутствие, намеревалась забрать с бульвара Малешерб одежду.

Устроившись с детьми в Кагоре, чтобы Жак и Сюзанна могли продолжать учиться в городском лицее, она приспособилась к ритму провинциальной жизни, избавленная Юлией от значительной доли повседневных забот. В это время Франсуаза впервые ощутила себя француженкой: «Слушая по радио речь Гитлера, моя мать принялась плакать. “Почему ты плачешь?” — спросила я ее. Ответил брат: “Потому что Франция в опасности”. Мне было четыре года».

Лейтенант запаса инженерных войск Пьер Куарэ отправился на линию Мажино. Он провел там десять месяцев, потом его отозвала Генеральная энергетическая компания, которая разрабатывала машину с электрическим двигателем. Директор парижского бюро, координирующего работу цехов по созданию электрических конструкций Деля, принадлежащих этой компании, решил поручить этот проект инженеру Ж.-А. Грегуару, его соученику по колледжу «Станислас».

Друзья, оба помешанные на автомобилях, не теряли друг друга из виду все эти годы. Они даже встречались на гонках Париж — Ницца в 1926 году. Куарэ на «сизере» с объемом двигателя два литра и шестнадцатью клапанами и Грегуар за рулем «матиса» с объемом полтора литра с впускными клапанами. Отметим, однако, что отец Франсуазы Саган участвовал в этой гонке благодаря пилоту Бюссиену, инженеру главного завода, с которым он познакомился во время военной службы. «Бюссиен, — говорит Ж.-А. Грегуар, — обладал размерами и горячностью защитника-регбиста. Он веселил все четыре дня своих соперников по состязанию, ловко меняя свечи зажигания с помощью своего язвительного механика-любителя»[79].

В Лозере, куда он уехал после демобилизации, инженер Грегуар получал от Пьера Куарэ телеграммы с просьбой проехать через Лион, чтобы встретиться там с Генрихом Ре-ми, швейцарским техником, возглавляющим Генеральную энергетическую компанию. В приронской метрополии, превращенной в лагерь для беженцев, Пьер Куарэ ощущал усталость и равнодушие: «Несмотря на тяжесть положения, — отметит Грегуар, — наш друг старался сохранить комическое воодушевление, выдумывая посреди этого столпотворения забавные истории, пронизанные блистательным юмором»[80]. Успешно сотрудничая в деле, которым руководил Реми, он взял под свое руководство заводы Сен-Марселена и Понт-ан-Руаяна в Изере.

Разумеется, он продолжал участвовать в разработке машины с электрическим двигателем, тем более что создание первой модели было задачей срочной. «Машина на электричестве — это больше не шутка. Это необходимость, — провозгласил Анри де Реми. — Генеральная энергетическая компания должна создать ее возможно быстрее, чтобы предоставить возможность ездить на электричестве своим директорам и друзьям». Конструкция Тюдора обладала радиусом действия в пятьдесят километров и максимальной скоростью в пятьдесят пять километров в час, она стала любимой игрушкой Франсуазы Саган. Проказница Кики научилась водить эту бесшумную машину, окрашенную в великолепный небесно-синий цвет, с отделкой цвета красноватой меди, со светло-бежевым капотом. Холодным апрельским утром 1942 года автомобиль был представлен маршалу Петену во дворе отеля «Дю Парк» в Виши.

Семья Куарэ выехала из Кагора в Сен-Марселен и поселилась на зиму в Курс-Моран, в Лионе, пятисоттысячном городе, куда стекалось к тому же множество людей, оставленных на произвол судьбы. Префектура Ло по средам — дням поставки — благоухала трюфелями (урожай 1939 года был обильным — «мы ели трюфели, как картошку», — вспоминает Жак Куарэ), а в ронской префектуре с 1 августа 1940 года было принято решение о пайковом распределении провизии. Приходилось приспосабливаться к жестоким условиям существования.

«Когда моя мать чудесным образом нашла сумку с фасолью или, вернее всего, выменяла на черном рынке, — рассказывает Франсуаза Саган, — мы проводили вечера за большим семейным столом, усевшись будто для игры в лото и приговаривая: “Фасоль, жучок. Фасоль, жучок…” Мы перебирали ее два часа»[81].

Об этом времени у нее в памяти сохранился также случай с цесаркой, которую раздобыл где-то пропадавший весь день отец.

Преисполненный гордости за свой трофей, он явился домой.

«Все выстроились перед дверью, чтобы присутствовать при возвращении героя: мать, Юлия и мы, дети. Открыв багажник с видом победителя, отец провозгласил: “Посмотрите, что я нашел!” И цесарка со спутанными ногами взлетела и исчезла в небе Лиона»[82].

Так случилось, что она была вновь обретена, но уже другой семьей. Более тридцати лет спустя Франсуаза получила письмо лионца, описывавшего удивление его домашних, когда они обнаружили у себя на балконе цесарку, и радость, которую они испытывали, ощипывая птицу, свалившуюся на них прямо с неба.

Для Франсуазы новая жизнь совпала с ее первым учебным годом. Учиться она начала в старом монастыре, в школе «Ле Кур де ла Тур Питра». Как во всех французских школах, там поют: «Маршал, вот мы, перед спасителем Франции». Провозгласив похвалу дедушке Петену (встреченному овациями во время его визита 18 и 19 ноября 1940 года) и прославив Деву Марию, класс поедает витаминизированное печенье, которое каждое утро раздает монахиня. Для Кики это также время исполнения гамм на фортепьяно под руководством весьма оригинальной преподавательницы.

«Я ходила к бедной вдове, — говорит Франсуаза Саган. — У нее не было пианино, и она нарисовала клавиатуру на картоне, подписав диезы китайскими чернилами. Я должна была учиться играть, пользуясь этой своеобразной выдумкой. Мне было пять лет, и я не понимала, в чем польза подобных упражнений. Вуаль вдовы падала на черные диезы. Это было ужасно».

Таким удивительным молчаливым способом она приобщилась к столь любимой ею впоследствии классической музыке: Моцарт, Бетховен, Бах, Брамс — продажи их записей увеличились впятеро, когда вышел ее четвертый роман «Любите ли вы Брамса..»[83].

В войну

«Девочка моя, как ты провела день?» Во время обеда Жак, Сюзанна и Кики ждали, что отец будет их по очереди расспрашивать за столом. Пьер Куарэ поговорил со старшими, потом повернулся к Франсуазе, которая этого момента всегда боялась. Она начинала что-то мямлить, разговор быстро обрывался под смешки присутствующих по поводу ее тщетных попыток сладить с не желавшими слушаться словами. Ее мысли, однако, были молниеносны: ей требовалось сто уст и столько же глаз и ушей, чтобы не упустить ни одного впечатления.

Она чувствовала, что ей чего-то недоставало, ощущала необходимость писать, чтобы объяснить действительность. Инстинктивно Франсуаза, молчавшая поневоле, постигала значения слов, одержимая жаждой общения. В самом деле, это единственное, что оправдывало для нее существование, которое родители часто наполняли смыслом, свободно и легко высказываясь на разные темы.

Глубокой зимой 1941/42 года в Лион, расположенный в тылу, стекались люди, бежавшие с оккупированных территорий, и среди них деятели литературы и журналисты. Владимир д'Ормессон из «Фигаро», Эмиль Генрио из «Тан модерн»[84], Чарльз Моррас из «Аксьон франсэз» — они становятся местными знаменитостями, частыми гостями местной интеллигенции.

Мари Куарэ, которая обожает устраивать салоны (у себя на бульваре Малешерб она приглашала по пятьдесят человек), царствует теперь в Кур-Моран. В Лионе собралось небольшое светское общество парижан.

Здесь историк Жак Шастене, сотрудники Генеральной энергетической компании, Жан Кауфман, директор завода Совель в Вийёрбане, который выпускает электрические кузова для вывоза мусора. Удивительный человек, Ж. К. (как его все зовут) работал вместе с Пьером (его он, в свою очередь, называет П. К.). Во многом это его ученик, он также любит смешные истории, трубку и дружеские пирушки. Анри де Реми отправил его подальше от Парижа, поскольку он еврей, что не мешает ему часто приезжать в столицу под видом эльзасца.

Любители вместе пошутить и повеселиться, Куарэ и Кауфман мужественно прятали у себя евреев. Двое спасенных ими пожилых евреев, пересекших демаркационную линию в тележке для сена и намеревавшихся отправиться в Алжир, спрятались во Франции у Куарэ. Один случай Мари Куарэ запомнила на всю жизнь. Немецкий солдат ошибся этажом и позвонил в дверь. Она

ответила ему очень вежливо и, закрыв дверь, едва не упала в обморок.

«Было много бомбежек, — рассказывает Франсуаза Саган. — Мы никогда не ходили в бомбоубежище, потому что мать считала, что это бесполезно, но однажды бомбили настолько сильно, что мы спустились в подвал вместе со всеми. Я помню, что мама только что сделала себе укладку. Стены дрожали, с потолка откалывались и разбивались куски штукатурки, а мы спокойно играли в карты, ничего не боясь. Когда мы вернулись наверх, мама внезапно вскрикнула: в кухне сидела мышь!»

Жак Куарэ, воспитанник колледжа иезуитов, гордился своим положением руководителя сопротивленцев. Но он любил поспать и с трудом поднимался даже от воя сирены. Его сестра Сюзанна, имевшая способности к рисованию, посещала Школу изящных искусств и дружила с мальчиком из богемы, Жаком Деффореем. Конечно, никто тогда и не думал, что однажды он станет одним из основателей сети магазинов «Каррефур». Они поженятся в Сен-Марселене в августе 1946 года. Франсуаза присутствовала на свадьбе. «Я запомнил ее — девочка держалась очень естественно и непринужденно», — говорит Жак Деффорей, который принял несколько лет спустя Франсуазу и Веронику Кампьон в своем доме в стиле рококо в Ножен-сюр-Марн.

Франсуаза, у которой была своя комната в просторной квартире в Кур-Моран с окнами на Рону, чувствовала себя, несмотря ни на что, стесненно, ей хотелось бегать и прыгать, как на даче. Маленькая дикарка Кики не слишком хотела отправляться в школу после Сен-Марселена, где отец ей прощал все капризы. Она ждала с нетерпением конца недели, чтобы вернуться в «Ля Фюзийер»[85], в арендованный Пьером Куарэ дом близ Дофине, окруженный парком. Своим именем место было обязано святому Марселену, который проповедовал здесь евангельскую веру в IV веке. Чтобы в такое время остановить свой выбор на доме с подобным названием (здесь расстреляли в 1870 году приговоренных к смертной казни), нужно было быть человеком своевольным и способным бросать вызов судьбе.

«В нем крылось что-то дьявольское», — говорит Мадлена Габен, которая была его личной секретаршей на протяжении десяти лет. Приехав в Сен-Марселей, он нашел среди персонала завода электрического оборудования способную молодую женщину. Мадлена была сотрудницей коммерческой службы. «Уже два года я не занимаюсь стенографией», — предупреждала она. «Это не имеет значения». — «Но в конце месяца я ушла с завода, так как мой муж тоже там работал, а маршал Петен запретил, чтобы двое из одной семьи были наняты на одно

предприятие». — «Мне наплевать на Петена, вы остаетесь». «П. К., — вспоминает она, — нужно было беспрекословно подчиняться. Тот, кто сопротивлялся, оказывался за бортом. Но когда он кому-нибудь доверял, все шло хорошо. Это был очень умный человек, нас поражала его расторопность. Я не знаю, откуда он доставал материалы, которыми снабжал завод. Если вы в чем-нибудь нуждаетесь, он способен найти что угодно».

Франсуаза, для Мадлены Габен оставшаяся Кики, часто приходила к отцу на работу. «Она появлялась после полудня, — рассказывает Мадлена, — и я учила ее печатать на моей машинке “Ремингтон”. Это была дочка патрона, она вела себя требовательно, как избалованные дети, это меня немного раздражало. Но ее упрямство говорило о твердом характере. За рулем электрической машины или верхом на лошади — она выглядела так, будто делает все по-своему, не так, как другие».

В Сен-Марселене жизнь подчинена ритму военных событий, время от времени приносящих трагедию то в один дом, то в другой. Еврейские семьи переселяются сюда, спасаясь от преследований в оккупированной зоне, где евреев заставляют носить желтую звезду. Среди беженцев была Моника Серф, ставшая впоследствии певицей Барбарой. Барабанный бой сельских полицейских, который призывает всех дееспособных мужчин на главную площадь, страшнее облавы.

Пьер Куарэ отправляется в мэрию, чтобы узнать, что ожидает его мужской персонал. «Пусть остается на заводе, пошлите женщин», — приказывает ему обер-лейтенант, который управляет операцией. Март 1943 года. Лионский регион, как и вся территория страны, работает на нацистов. Учреждение С. О. З. (Службы обязательной занятости) ставит проблему: как избежать снижения доходности предприятий при принудительном сокращении рабочей силы? На заводе Генеральной энергетической компании все находятся в тревожном ожидании, надеясь избежать отправки в Германию, поскольку рабочую силу этого предприятия трудно заменить.

Во время завтрака жены рабочих, запертых в цехах, приносят им еду. К половине пятого пополудни мимо завода, не останавливаясь, проезжает немецкий грузовик, наполненный молодыми людьми. «Патрон удачно выкрутился, и мы тоже», — говорит старший мастер Андре Коллено, брат которого был механиком в Мермозе. — Месье Куарэ, — продолжает он, — однажды вызвали в Лион, где офицер Вермахта потребовал у него объяснений относительно некоторых его сотрудников. “У вас работают евреи!”, — кричал фриц. Месье Бертье, один из руководителей нашей службы, присутствовавший при этой сцене,

рассказывал, что он никогда не видел ни в одном человеке такой ненависти. Не выдавая своего беспокойства, месье Куарэ категорически все отрицал. “Как вы смеете говорить, что у вас нет евреев! А этот Шнайдер с завода в Понт-ан-Руан?..” Дело было серьезное. К счастью, оно не имело последствий. Самюэль Шнайдер ушел к партизанам, и, бравируя, Пьер Куарэ заменил его другим евреем, Жаном Давидом».

Для Франсуазы эти трагические годы стали большими каникулами, только немного беспокойными. «Я не слишком отдавала себе отчет в том, что происходило», — говорит она. Благодаря родителям, защищавшим ее и не терявшим в эти трудные времена чувство юмора, у нее было ощущение, что она участвует в большой игре, правила которой ей не совсем понятны. Были очень радостные моменты, как день, когда ей исполнилось шесть лет. Отец был в прекрасном расположении духа, и это объяснялось не только счастливой датой. Потом она узнала, что 22 июня 1941 года немцы начали оккупацию СССР. Было очевидно, что Гитлер встретит серьезный отпор.

Были другие яркие воспоминания. Однажды Пьер Куарэ ругал сопротивленца, который необдуманно припарковал грузовик, набитый оружием, в саду «Фюзийер». Машина, которую парашютом сбросили англичане, была срочно спрятана в маленьком лесочке, пока немцы не начали обыскивать дом.

«Когда этот парень хладнокровно вернулся за своим грузовиком, — говорит Франсуаза, — отец его чуть не поколотил. Из-за него все рисковали провалом. Я помню, как мы все стояли спиной к стене с поднятыми руками, пока солдаты Вермахта обшаривали подозрительные места».

Она вспоминает, как играла с молодыми немецкими солдатами в поезде по пути в Кажарк, к бабушке. В туалетах были расклеены петенистские листовки.

После освобождения произошел случай, который на нее сильно повлиял. Вместе с Юлией Франсуаза отправилась однажды в кинотеатр Сен-Марселена «Эден», и то, что она там увидела, повергло ее в сильнейший шок:

«Шел “Пожар в Чикаго” с Тирон Пауэр, но перед фильмом были новости. В 1946 году показывали съемки в концентрационных лагерях: метель, заметающая куски трупов. Это мое самое худшее воспоминание о войне. Я спросила у матери: “Это правда?” Она мне сказала: “К сожалению, да!” С этой секунды началась моя устойчивая ненависть к расизму[86]. Это одно из немногих убеждений, за которые я готова умереть немедля».

Она никогда не забудет стриженую женщину, которую вели

по улице. Возмущенная Мари Куарэ резко высказалась в присутствии дочери.

«Как вы можете так поступать? — вскрикнула она. — Это стыдно. Вы ведете себя как немцы. Вы их стоите». Франсуаза была в глубоком недоумении от такой реакции:

«Я сказала себе: “Послушай! Все не так просто!” Сначала я поняла, что все не есть черное или белое. Мир, поделенный между Добром и Злом, заключал в себе нюансы. И в этом факте было гораздо больше двусмысленности, чем я себе представляла».

Когда американцы и Первая французская армия освободили долину Роны, Кики любовалась молодыми танкистами, готовыми покорять девичьи сердца лучезарными улыбками, плитками шоколада и жевательными резинками. В Лионе она марширует рядом с победоносной колонной солдат в сопровождении матери. «Эта атмосфера праздника, эти ребята в хаки, великолепные, загорелые, некоторые из них приходили к нам обедать домой. Все это меня очаровывало», — говорит Франсуаза Саган, которой тогда было десять лет. Она с азартом училась играть в теннис. В Сен-Марселене ей удалось однажды победить более опытную жену нотариуса. Юношеская горячность и поддержка брата Жака и Бруно Мореля, который был старше ее на пять лет, помогали ей выигрывать и у других, еще более серьезных противников.

С Бруно Кики познакомилась летом 1941 года. Он был сыном Шарля Мореля, промышленника из Понт-ан-Руан, который жил на широкую ногу в нависшем над Изером замке на реке Соне. Куарэ поселились поблизости. Это был настоящий рай для детей, получивших в распоряжение бассейн, построенный немецкими военнопленными. Франсуаза предпочитает общество старших мальчиков, но и они часто не могут соперничать в прыткости с этой хрупкой девушкой с повадками озорного мальчишки. «Я вижу ее, — вспоминает Бруно Морель, — на качелях, взлетающей под самое небо. Она казалась акробаткой». Он вспоминает, как она храбро сжимала в руке деревянную саблю: «В пылу схватки я ударил ее между бровей. Она и виду не подала, что ей больно». Эта способность стойко выносить боль у нее с того дня, когда она рассекла себе губу, упав с лестницы в «Фюзийер». Раздосадованная выступившими слезами, бормоча: «Я не хочу умирать», Франсуаза поклялась себе научиться владеть своими эмоциями и прятать страдание, насколько это возможно. Совсем скоро ей пришлось пройти испытание: играя на дудочке, она поранила нёбо и на этот раз волю слезам не дала. Она сдержалась, вывихнув себе коленку, и не заплакала, поднимая окровавленную голову, когда ее сбил велосипедист. «Я та, которая себя ранит, — констатирует Франсуаза Саган, вспоминая

шишки и царапины своего взбалмошного детства, и прибавляет, на этот раз намекая на что-то более важное: — Я сама — затяжной несчастный случай».

Юность

«Когда Франсуаза ходила в школу, я совсем ею не занималась», — говорит Мари Куарэ. Она перепоручила все заботы Юлии Лафон, которая выполняла обязанности гувернантки и кухарки. Ее дед, Люсьен Лафон, был мельником в Промильяне, деревне близ Керси, откуда она уехала на службу к Куарэ. «Почтальон мне сказал, что эта семья ищет работницу», — рассказывает эта самоотверженная женщина. Сначала ей поручили присматривать за Жаком и Сюзанной, четырех и семи лет.

В то время Юлия была проворной молодой девушкой. Ее стремление служить в буржуазной семье, имевшей в округе хорошую репутацию, объяснялось ее планами на будущее. Она приняла на себя заботу о большой квартире на бульваре Малешерб, «странную квартиру, напоминающую жилище “семьи Буссардель”[87], где неудачно были распределены комнаты и устраивались большие приемы», — объясняет Франсуаза[88], которая девчушкой разъезжала там на своем ослике на колесиках.

Конечно, в обязанности Юлии входило заботиться о душевном спокойствии Франсуазы. Она стала ей второй матерью, посвящала много времени малышке, невероятно упрямой, которая разговаривала с ней, взобравшись на табурет. Почти каждый день во второй половине дня они ходили в парк Монсо, а когда семья жила в Лионе, во время войны, в парк Тет д’Ор. Перед прогулкой Юлия всегда поражалась, как неряшливо одета Франсуаза. «Она совершенно не обращала внимания на свой костюм», — говорит ее мать. Что не мешало ей иногда кокетничать, как, например, в тот непогожий день, когда она захотела обновить красивую шляпку.

«По-моему, пойдет дождь, надень лучше старую шляпку», — сказала ей Юлия. «Нет, нет, я хочу новую».

«Когда мы возвращались, — рассказывает Франсуаза, — я случайно посмотрела в зеркало и обомлела — не предупредив меня, мне надели старую шляпку. Это вызвало во мне бездну негодования по отношению ко взрослым. Меня обманули, а я, думая, что на мне новая шляпка, еще лукаво посматривала на всех».

«Из детства мне запомнилась еще одна история. Чулки и косы у меня были до колен. А в моем классе некоторые девочки носили короткие и завитые волосы. Надо мной смеялись, и однажды я вернулась домой с просьбой сделать мне стрижку. Я так замучила мать, что на следующий день меня отвели в парикмахерскую.

Я была младшей, и мне шили одежду в ателье. В юности я совсем не обращала внимания на свой костюм. Впрочем, я ничем не отличалась от других девочек. Все одевались очень просто. Я помню, что у меня была черная юбка, немного длинноватая, с разрезами по бокам».

Сегодня Юлия лукаво улыбается, вспоминая об этих далеких временах. В душе она хранит образ неуправляемой малышки Франсуазы. Юлия была глубоко предана семье, с которой делила радости и горести на протяжении более полувека.

На двадцатилетие ее службы дому Пьер Куарэ купил ей в Кажарке, на Тур де Виль, домик, наследную собственность кюре. Этим он хотел выразить Юлии Лафон признательность за то, что она была ангелом-хранителем его детей, особенно Франсуазы, с которой всегда было много хлопот.

По возвращении в Париж Кики с трудом приспосабливалась к городской жизни. Привыкнув резвиться на свежем воздухе близ Дофине, она плохо переносила замкнутое пространство квартиры, пусть даже очень просторной. Поблизости была расположена школа «Луиз-де-Беттиньи», которой руководили чопорные старые девы. Классы занимали несколько небольших домов пансиона, обращенных к парку, где ученики на переменах играли в мяч. На фотографии, сделанной в 1946 или 1947 году, она, грустная и задумчивая, среди тридцати семи учеников пятого набора вокруг мадемуазель Шарезье, учительницы словесности.

Умная, милая, но чересчур болтливая — так характеризует ее Жаклин Майар, посетившая будущую романистку в «Луиз-де-Беттиньи».

«Я была просто ужасна, — вспоминает Франсуаза Саган. — В конце концов меня выставили за дверь. Я подвесила бюст Мольера в петле в дверном проеме класса, когда нам читали невыносимо скучные лекции. Потом, во время игры в мяч, я кому-то поставила синяк, уже не помню кому. Много было всяких приключений. Я не осмеливалась обо всем рассказывать матери, когда мне было двенадцать-тринадцать лет. Я скрыла, что меня выгнали. Около трех месяцев перед каникулами я бродила по Парижу, не слишком удаляясь от дома. Я все же боялась! Утром я вставала в 8 часов, с деловым видом брала портфель и уходила…»

Юлия провожала ее, осмотрев с головы до ног: косы, уложенные короной, куртка из ткани «пепита», плиссированная юбка. С видом ученицы, направляющейся в школу, она пересекала бульвар Малешерб под взглядом полисмена, который дежурил перед испанским консульством, расположенным по соседству. И, дойдя до угла улицы Добиньи и улицы Жоффруа, сворачивала в

город. Родители узнали об обмане, когда она в начале учебного года вернулась домой очень сконфуженная.

Принятая в «Луиз-де-Беттиньи» как ученица, уже исключенная из других школ, она не могла больше прибегать к увертками и должна была решиться сказать правду. Признание, пусть позднее, смягчило вину. Несколько дней спустя тема была закрыта. В глазах Пьера и Мари Куарэ во всей этой неприятной истории не было ничего драматического. В поступке Кики они видели не школьную проблему. Их дочка считалась скандалисткой — значит, она хотела таким образом проявить свою личность. Ее наглость, так раздражавшая учителей, компенсировалась ясностью оригинального, способного к открытиям ума.

«Она очень быстро делала задания по французскому и высказывала очень интересные мысли. Например, процитировала однажды Ганди, которую другие девочки в классе едва знали», — говорит Соланж Пинтон. «Она действительно очень выделялась», — прибавляет Жаклин Маллар, которая сохранила в памяти образ Франсуазы, «читающей во время лекции или с отсутствующим видом качающейся на стуле». «В этом было что-то притягательное», — продолжает Соланж, вспоминая суровую атмосферу школы на улице Мишельанж, «Мэнтенон», дававшую степень бакалавра, куда они перешли летом 1952 года. Девушки, учившиеся вместе в «Луиз-де-Беттиньи», теперь слушали вместе лекции под неусыпным оком директрисы, мадемуазель Нурри, приверженницы жесткой дисциплины, и учителей, не склонных давать поблажки.

Находясь здесь на правах пансионерок в течение полутора месяцев, они должны были ликвидировать свои пробелы и подготовиться к октябрьским экзаменам. Вместе с Вероникой Кампьон, которая стала ее близкой подругой, и Ядвигой Ландграссе, с которой они сразу нашли общий язык, Франсуаза учится в классе «Б», где в программу входят английский и немецкий языки. Девушки живут по трое-четверо в одной комнате, и с момента пробуждения в шесть часов утра до вечерней зари их день жестко расписан. Лишь с часу до двух, построенные попарно, они в тесном ряду идут на прогулку близ Булонского леса. «Эти прогулки мне были невыносимы своей монотонностью и чувством неловкости, которое я испытывала в этом самом настоящем стаде девчонок», — напишет Франсуаза в своей первой опубликованной новелле: «Бродяга моего детства»[89].

— Слушай, у тебя на шее чернила…

Вероника сидела за Франсуазой и заметила у нее на шее

пятно от шариковой ручки, которое, без сомнения, не укрылось бы от бдительного ока мадемуазель Нурри.

— Какая разница, — ответила Франсуаза.

Вероника Кампьон, дочь промышленника из Бетюна, родного города Пьера Куарэ, была потрясена беспечностью одноклассницы. Они обменялись заговорщицкими улыбками, и с тех пор началась дружба на долгие годы.

Образ подруги-одноклассницы, поверенной всех ее тайн, тесно связан с моментом триумфального вступления Франсуазы в литературу. Была еще одна посвященная — Флоранс Мальро. К трио иногда присоединялся Бруно Морель, с которым Франсуаза подружилась во время войны, когда жила в Сен-Марселене. Все вместе они часто сидели в кафе «Бриар» на площади Клиши. Оттуда он ехал в Сен-Жермен-де-Пре на 95-м автобусе, предпочитая заднюю площадку.

Компания часто собиралась у Франсуазы: слушали джаз, пили виски, курили «Честерфилд». «Мне не очень нравится эта девушка, — говорила мадам Кампьон своей дочери. — Она слишком развязная». Это не мешало Веронике делать то, что ей заблагорассудится, и продолжать веселиться от души в обществе Франсуазы…

По воскресеньям Пьер Куарэ обычно отправлялся с дочерью в ресторан. «Я часто ходила с ними, — говорит Соланж Пинтон. — В основном в Латинский квартал. Эти выходы были для меня настоящим бальзамом на сердце, потому что в остальное время я чувствовала себя узницей». Говоря о школе «Мэнтенон», Франсуаза заметила: «Там я открыла силу слабости». Она рассказывает о том, как ей удавалось перехитрить классную наставницу:

«Я ненавидела ходить зимой в бассейн “Молитор”, который был расположен совсем близко. Там была жавелевая вода. Я говорила, что жавелевая вода плохо на меня действует, и делала вид, что падаю в обморок.

Всегда находилась девочка, которая кричала: “Мадемуазель, мадемуазель, Франсуазе Куарэ плохо! Она не выносит жавелевую воду”. “О, Господи! Господи! — бормотала наставница, — ей нужен свежий воздух”. И оп! Можно было наслаждаться свободой — купание длилось час, — пить мартини в соседнем кафе с таким чувством, будто ты выпиваешь сильный яд!»

Надо сказать, что Франсуаза удивляла своих друзей, осушая стаканы виски в возрасте, когда ее родители пьянели от капли алкоголя. «Она хотела казаться значительной, — считает Соланж Пинтон. — Прятала в комнате бутылки “Скотча”, чтобы пить тайком». Она постигала магию алкоголя, как Сесиль, героиня

«Здравствуй, грусть!», которая произносит с иронией: «…Если ты пьян, можешь говорить правду — никто не поверит»[90].

Для Кики алкоголь был связан с ощущением причастности миру взрослых. Ей казалось, что так она входит в их вселенную, становится им равной. Отсюда, наверное, неприязнь Сесили к «студентам университета, грубым, поглощенным собой и еще более того собственной молодостью», и интерес к сорокалетним мужчинам, «с умиленной галантностью» и сквозившей в обхождении «нежностью одновременно отца и любовника»[91]. На самом деле Франсуаза общалась с молодыми людьми двадцати пяти — тридцати лет, парнями из компании гренобльцев или приятелями ее брата Жака, неисправимого гуляки.

Одним из излюбленных мест встречи был ресторан в фольклорном стиле на углу улиц Жакоб и Сен-Бенуа под вывеской «Ассасэн»[92]. На первом и втором этажах кутила молодежь, певшая хором песни караульных солдат. За столами размещалось от четырех до шести человек; разговаривали громко, сопровождая речь бурной жестикуляцией. Пили, смеялись, кричали во все горло. Утоляли голод стряпней, приготовленной Жерменой. Кувшинчики красного вина согревали сердца и будили воображение. В этой сутолоке что-то пытался исполнить гитарист. Туда часто приходили неизвестные авторы-исполнители, свободные поэты, создававшие там свой репертуар, как Лео Ферре в начале своей карьеры.

Собирались также в Сен-Жермен-де-Пре на перекрестке Мабиллон, на террасе «Рюмери Мартиникэз». Танцевать ходили в клуб «Сен-Жермен», погребок, приспособленный под дискотеку Жан-Клодом Мерлем, или в «Кентукки».

Чем безумнее, тем смешнее, — казалось, такой девиз был у Жака Куарэ, который всегда был рад новоприбывшим, особенно обольстительным девушкам. Его близость с сестрой, граничившая порой в глазах окружающих с неприличием, привносила в жизнь Франсуазы глубочайшую нежность. В 1955 году они устроились в трехкомнатной квартире на улице Гренель, рядом с посольством СССР, перед которым часто проходили манифестации. Это один из самых сумасбродных периодов в жизни романистки. Там прошли два года, на протяжении которых «дни и ночи не оправдывали существования»[93].

Благодаря своей репутации Франсуазе Саган вольготно жилось этой разгульной жизнью, которую обычно называют «артистической».

«Я не могу не быть признательной этому милому, немного примитивному образу, который отражает мои бесспорные слабости: любовь к скорости, морю, ночному бодрствованию,

всему, что ослепительно ярко или черно, что нас губит и тем самым помогает понять, кто мы есть на самом деле. Ибо, лишь показав крайности своего “я” со всеми его противоречиями, симпатиями, антипатиями, приступами ярости, можно понять самый краешек — вы же видите, я говорю, лишь самый краешек, — того, что называется жизнью, по крайней мере, моей жизнью…»[94]

Чтобы избежать суда общественного мнения, ей оставалось только одно — делать то, чего она хочет, а она хотела праздника. «Меня всегда соблазняла перспектива прожигать жизнь, пить, оглушить себя»[95]. Требовательная, желающая всего и сразу, Франсуаза обладает несгибаемой волей. Она нуждается во внешнем действии, чтобы быть внутренне спокойной. Боясь скуки, как чумы, она принадлежит к той благородной расе непосед, которые верят в случай, и, конечно, вполне способна ощущать себя счастливой, даже если это счастье не могло стать сюжетом для романа.

Франсуаза и ее отец

«Я в “Уазо”[96] и весело щебечу», — жизнерадостно сообщает она своему другу Бруно Морелю из обители «Уазо», на улице Понтьё, престижной религиозной школы для девочек из буржуазных семей. Несколько месяцев спустя ее выставят за «бездуховность». Франсуаза никак не могла вписаться в рамки традиционного образования, требовавшие подчинения жесткому своду правил, ее восприятие мира совершенно не соответствовало той строгой системе воспитания, которой придерживались подобные школы.

Она плохо переносила эту регламентированную школьную жизнь и постоянно стремилась улизнуть. В прошлом году Кики была столь же озорной пансионеркой в «Сакре-Кер-де-Буа-Флери» в Тронше, пригороде Гренобля. Еще раньше она, поправляя здоровье, провела четверть в колледже «Клартэ», расположенном в горах, в Вийар-де-Ланс, на горно-лыжном курорте в двадцати километрах от Сен-Марселена. Ее отец, несмотря на занятость, приезжал к ней каждую неделю и радовался ее свежести и здоровому румянцу.

Их близость не нуждалась в выражении, они просто чувствовали единение, независимо от степени высказанности каждым своих душевных тайн. Пьер Куарэ проведет десять лет в Сен-Марселене и только после внезапного исчезновения Анри де Реми 6 сентября 1949 года, что неблагоприятно скажется на его карьере в Генеральной энергетической компании, уедет в начале 1950 года в Париж. В это десятилетие, несмотря на черные годы оккупации, он нашел веселого застольного приятеля в лице Рене Гутэна, хозяина «Отель де Франс», известного замечательной кухней. Городских знаменитостей, например, аптекаря и антерпренера, он имел обыкновение разыгрывать, и самые замечательные из этих розыгрышей не раз привлекали к себе внимание историков этой эпохи.

Известный в Сен-Марселене человек, мельник папаша Трамон, понес убытки из-за весьма грубой шутки. Однажды ночью приятели покрасили красной краской еще зеленые помидоры в его саду. Представьте себе, как должен был бы чувствовать себя мельник, взирая на чудом, будто по мановению Святого Духа, созревшую за ночь плантацию. Другой их жертвой стал директор вокзала, куда они отправили посылку, якобы пришедшую из колоний, где находился один из его племянников. Когда он ее открыл, то вместо экзотических фруктов увидел в ящике булыжники.

Имея такого отца, шутника и насмешника, она не могла не вырасти проказницей. Это одна из главных черт ее характера, что отмечали все журналисты после выхода «Здравствуй, грусть!». Среди них Жак Робер, который сделал первый репортаж о Сен-Жермен-де-Пре и окрестивший «экзистенциалистами» молодых людей, прожигавших жизнь в ночных погребках. Его статья[97] отражает это свойство личности эмпульсивной лауреатки Премии критиков. «Очень редко молодые девушки в жизни проявляют чувство юмора, — подчеркивает он. — Поэтому они часто скучны… Франсуаза Саган с этой точки зрения действительно ненормальна. В ней столько юмора, сколько может быть в пожилом англичанине, который смеется в усы уже лет семьдесят… Я знаю, откуда она берет это бесконечное веселье… Сопровождая ее на обед, я столкнулся на лестнице с ее родителями.

— Месье, — сказал я отцу (высокому красивому мужчине), вы позволите мне похитить вашу дочь?.. (Было подходящее время, чтобы он ответил утвердительно.)

— Месье, — ответил мне этот отец с суровостью, от которой мне стало не по себе… — я очень хочу, чтобы вы ее похитили, но с одним условием — что вы ее никогда не вернете обратно!

Я оказался в дурацком положении. После чего насмешник повернулся к дочери и все с той же интонацией произнес:

— Иди, дитя мое… Но будь внимательна, половина одиннадцатого — последний срок.

Я был обескуражен…

— Как? — говорю я Франсуазе, когда мы вышли из дома… — Нужно, чтобы вы вернулись в половине одиннадцатого, мы ничего не успеем друг другу сказать.

— Там видно будет! — говорит она мне с насмешливым сожалением. — Папа шутил. Папа всегда шутит… Он ужасно хладнокровный».

Молодые люди отправились в Сен-Жермен-де-Пре, поскольку Франсуаза не пропускала случая где-нибудь потанцевать. В эпоху «Табу» и «Роз Руж» она была слишком юна, и по возвращении в Париж захотела исследовать новые места, где можно развлекаться, слушать джаз и бесконечно говорить обо всем.

«Я села на автобус, — рассказывает она, — и вышла на первой остановке, Сен-Жермен, там, где Палата депутатов. Я искала завсегдатаев, но никого не было. Зашла позавтракать в ресторан, набитый господами с орденом Почетного легиона. Странно! Потом вернулась к себе, думая, что повидала Сен-Жермен-де-Пре. Все это меня разочаровало…»

В эту ночную жизнь пятидесятых годов, когда жажда свободы

уничтожила многие предрассудки и все стало считаться дозволенным, ее посвятил брат. После развода с англичанкой, на которой он женился в 1948 году, Жак Куарэ вернулся к холостяцкому образу жизни, бережно лелея свои удовольствия. Сравнивая себя с девушками ее возраста, Франсуаза говорит без ложной скромности:

«Забавно, что мои подруги делятся на две категории… Те, которые позволяют все с мальчиками, и те, которые не позволяют ничего… Я на них не похожа. Для меня отдаться мужчине не составляет проблемы, но при одном условии: если при виде этого мужчины у женщины замирает сердце…»

Словно маленькая дикая кошечка она мечтала об этой яростной страсти, понимая, как и Сесиль из «Здравствуй, грусть!», что она знает о любви очень мало: «Встречи, поцелуи и усталость». Он ростом метр девяносто, его зовут Луи Нейтон. Это первый флирт Кики. Нежный и забавный гигант из Гренобля совсем не обратил внимания на худенькую девушку, которую Бруно Морель представил ему в замке Соны во время вечеринки. Он на одиннадцать лет старше ее и отдает предпочтение сердцам, воспламеняющимся более стремительно. Хозяин дома, Шарль Морель, проникновенно исполняет на фортепьяно «Опавшие листья», песню Жозефа Косма[98] и Жака Превера[99].

Луи Нейтон был одаренным рисовальщиком, способным в несколько штрихов карандашом создать портрет, но пошел по стопам отца и стал агентом по обмену. На стажировке в Париже он встретился со своим лучшим другом Бруно Морелем и молодым декоратором, также из Гренобля, Ноэлем Дюмолярдом, который живет в маленьком ателье на улице Бардинэ в четырнадцатом округе. Полагая, что счастье заключается во вседозволенности, трое друзей нахальничали вовсю.

Они были заводилами в компании и на танцевальных вечеринках, которые постоянно организовывал кто-то из приятелей, и вваливались без предупреждения к Франсуазе на бульвар Малешерб с твердым намерением оживить царящую там атмосферу томности и покоя. «Это было в мае 1953 года, в среду, во второй половине дня. Мы выделялись среди приходивших туда парней, потому что им явно не хватало фантазии, — вспоминает Луи Нейтон. — Кики, казалось, скучала. Мы потанцевали и возобновили знакомство. Мне нравилось, как она смотрит, немного лукаво. Девочка с Соны стала очаровательной молодой девушкой. Я считал ее способной удивить кого угодно и чувствовал, что она ко мне неравнодушна, мы много потом виделись и писали друг другу».

В тот же вечер в своем открытом «пежо» Луи увез Франсуазу в Булонский лес. Но романтическая прогулка оказалась недолгой. Молодые люди едва успели обменяться поцелуями, как посреди ночи раздались выстрелы. Чуть позже рядом с машиной остановились двое полицейских и попросили их возможно скорее покинуть это место. Ее первое письмо к Луи Нейтону, которому пришлось вернуться в Гренобль, полно нежности:

«Мой дорогой Луи, я рада, что ты написал мне. С тех пор, как ты уехал, я брожу по Парижу и тоскую.

Наш последний вечер был очень счастливым и очень, очень грустным, особенно в конце. Я вспоминаю твой откровенный взгляд, темные деревья и ужасные выстрелы в темноте. Не нужно друг друга забывать. Впрочем, я и не собираюсь. У тебя забавная прическа, почти желтые глаза, ты красив, тебя зовут Луи, ты незабываем. Я растерялась, когда ты приехал в среду. Мне казалось, что ты лицемерил, а ты этого не делал».

Луи Нейтон сопровождал свои письма маленькими смешными зарисовками; Франсуаза свои — небольшими рассказиками из обычной жизни. Она вспоминает, например, свой визит с матерью в театр:

«Ничего особенно не происходит. Вчера вечером я была с Мари на генеральной репетиции “Служанок” Жана Жене[100]. Понять ничего было невозможно. Сзади сидел критик (знаменитый, к тому же: Роберт Кемп!!!). У него эмфизема. Были моменты, когда сцена оставалась пустой и зрители сидели в растерянности, да еще за мной постоянно раздавалось это “тууу, тууу”, я все время сдерживалась, чтобы не расхохотаться, и Мари тоже. Ну да ладно! В конце концов, это вполне соответствовало этой сумасшедшей журналистской жизни под девизом: “Нос по ветру, перо в чернильницу”».

Во время отдыха на баскском побережье она описывает свой день:

«В девять тридцать я съедаю персик, в одиннадцать купаюсь, в два читаю или играю с семьей в бридж, в пять принимаю ванну, в семь аперитив; ем в положенное время».

В одном месте она замечает: «Я ненавижу экскурсии. Мы ездим где-то долго и возвращаемся на прежнее место. Не стоит труда». Потом вдруг следует ремарка ex abrupto: «Я только что посадила жуткое пятно, но у меня нет ни ластика, ни пятновыводителя, чтобы его убрать, не порвав ткани».

Порой в строках звучит ностальгия: «Я чувствую себя такой одинокой и далекой от тебя…» «Я скучаю, погода хорошая, сгорел бассейн “Делиньи”. Если сгорит Булонский лес, я не знаю, где я найду тебя, твои следы». «Что мы будем делать в Гренобле в

воскресенье? Пойдем в кафе или в кино? Вчера было пасмурно… Я не выходила. Хотела тебе написать и не смогла, меня охватила какая-то тошнотворная грусть (см. Ж.-П. Сартр, “Тошнота”, с. 35)». Франсуаза и Луи писали друг другу примерно по два письма в неделю, обменивались впечатлениями, строили планы. В это время, в 1953–1954 годах, из-за забастовок на почтах с письмами были перебои, а встретиться им было еще труднее.

Луи Нейтон, который называл Пьера Куарэ Теофилем[101], иногда приезжал в Париж. Перед его визитом Кики пишет ему:

«Одна мысль, которая пришла тебе наконец в субботу, меня утешает. Мы пойдем везде вместе гулять. К несчастью, мои родители здесь, но если ты постараешься, они меня с тобой отпустят, я надеюсь, по крайней мере».

Однажды в игривом настроении она напишет:

«Если ты хочешь шикарных и изощренных развлечений, поедем в “Ага Кан” в Довиль на восхитительной машине с острым носом, в которой постоянно плавятся подшипники».

Описывает прогулку с сестрой Сюзанной: «Мы путешествовали с сестрой. У меня оплавилось два подшипника, и мы отправились домой автостопом, чего она терпеть не может». Франсуаза жадно любила книги и искала то, что могло возбудить ее воображение: «Ты мне говорил про книгу о ведьмах и черной магии. Как она называется и кто ее написал? — спрашивает она, потом уточняет: — Я сейчас читаю безумно интересное эссе Альдуса Гекели[102] о владельцах Лу-дэна и истории кюре Грандье. Скажи, а ты что? Я ее буду читать, пока мой отец сидит с “Фигаро”».

Проезжая через Гренобль, Франсуаза назначает Луи Ней-тону свидание в кафе «Англе», «где есть замечательный апельсиновый сок». После этих нескольких часов, проведенных вместе, переписка оживляется. Одно из писем Франсуазы начинается очень нежно: «Дорогой мой», но тут же она пишет: «Как забавно, что я написала “мой дорогой”. Я вслух бы такого никогда не произнесла, разве только в “Англе”». «Если бы мы не избегали осторожно этого слова, я бы тебе сказала, что люблю тебя», — бросает как-то она.

В этом целомудрии много меланхолии, которая всегда заставляла ее сомневаться в действительности любви. Когда ей задают вопрос: «Сентиментальны ли вы?» — она отвечает: «Да, очень, но лишь иногда»[103]. Сердечная смута проявляется у нее в смеси горячности и нежного смирения, когда она пишет Луи Нейтону, который уклоняется от прямого ответа:

«Я не знаю, люблю ли я тебя. Быть может, потому, что мы всегда говорили друг другу только нежное и приятное, а когда

действительно любят, говорят друг другу вещи ранящие и тяжелые. Но все это теории, и мне тебя не хватает».

Много позднее, поселив во многих сердцах тоску и познав меру своей страстности, она вернется к своему пониманию любви. «Любить, — скажет она, — это значит любить счастье любимого».

Девушка своего времени

«Чем трагедия напоминает жизнь?» Ответ Франсуазы Саган: «Всем». В шестнадцать лет она сдала экзамен на бакалавра по французскому, своему любимому предмету, с результатом 17 из 20. Задание, где она блеснула, было предложено отстающим в октябрьскую сессию. На июльском устном экзамене она промямлила что-то в тоске и отчаянии и провалилась. На следующий год ее также постигла неудача после того, как она изобразила Макбета перед остолбеневшей преподавательницей английского. Не в состоянии ответить, она решила использовать все возможности и, несмотря на жуткий страх, решилась изобразить сцену Шекспира в пантомиме. Увы! Эта выходка экзаменатора не позабавила, и она получила 3 из 20. Это было на октябрьской сессии, когда ей все же удалось сдать философию благодаря блестящему сочинению о Паскале.

Результат устроил профессора по философии М. Беррода из «Кур Гаттемер» на улице Лондр, нового института, где жизнь для нее протекала в непринужденной обстановке. «Франсуаза, — скажет он, — одна из лучших учениц. У нее живой ум и особенное понимание философии, под литературным углом зрения. Ее отличала скорее легкость, чем глубина мысли. Мораль интересовала ее больше, чем собственно чистая философия».

Философские разговоры, которые она вела со своей подружкой по «Кур Гаттемер» Флоранс Мальро, а затем — с Вероникой Кампьон, с которой они сошлись в институте Мэнтенона, касались в основном войны и ужасов, которые ˚на порождает. «Мы все были узниками нацистских концлагерей», — говорит Флоранс, которая стала потом женой Алена Рене, постановщика «Туманной ночи». Этот явленный кошмар послужил толчком для понимания того, как следует проживать хрупкие мгновения счастья на краю бездны.

«Каждый обязан прокричать себе правду», — писал Сартр в «Мухах». Франсуаза скажет: «Для меня мораль выражается в самоограничении, добровольном отказе от некоторых вещей. Например, от подлости, низости. Это вопрос чуть ли не эстетики». В свете этого и предвидя вполне неопределенное будущее, она остро осознает правду времени, вершащего судьбами людей. Это станет одной из главных проблем, доставлявших ей невыразимое мучение. Она так писала об этой главной истине[104]:

«Я понимала, что всякая спешка с моей стороны была бы так же нелепа, как и промедление. На всю жизнь. Я все знала. И понимала, что это знание ничего не стоит. Или стоит лишь

моментов просветления, в которых, в моем понимании, заключена единственная правда. Когда я говорю “истинный”, это значит для меня “содержательный”, и это тоже глупо. Я никогда не испытаю пресыщения. У меня всегда будет питающая меня страсть, совершенно определенная. Но эти моменты счастья, преданности жизни, если их хорошенько вспомнить, превращаются в своего рода обертку, утешающий пэчворк, который мы, дрожа от одиночества, надеваем на нагое исхудавшее тело».

Франсуазе, в сознании которой постоянно присутствовали мысли о смерти, были глубоко необходимы независимость, веселье, безумный смех. Хитроватая, обладавшая живым и пытливым умом, она всегда умела себя занять, считая скуку «тепловатой и безвкусной», но «могущественной настолько же, насколько страх». «Когда я скучаю на каком-нибудь обеде, то ухожу совершенно больная и разбитая», — сказала как-то романистка корреспонденту[105], который счел, что в ее первых книгах это чувство сравнимо по значимости с сартровской тошнотой.

Писатель-католик Жорж Гурдэн напишет по этому поводу: «Нежная, мучительная безнадежность, витающая, словно туман, в коротких рассказах, которые сочиняет Франсуаза Саган, несмотря на бесспорную моральную нищету, не столь глубока. Легкая грусть, которая овевает ее персонажей, недостаточна, чтобы вполне точно охарактеризовать их крайний индивидуализм. Идея морали расширяется до масштабов планеты, затрагивает идею неравенства. Франсуаза Саган — писательница, кажется, это игнорирует. Однако нет в литературе великих произведений, которые бы не содержали эту проблематику несчастья в широком разрезе истории»[106].

Бог знает почему, но Франсуаза осталась равнодушна к историческим драмам, сотрясавшим ее время. Вот как она вспоминает момент, когда был убит в 1963 году в Далласе президент Кеннеди:

«Я одевалась, чтобы идти обедать с друзьями. Тогда я была замужем за американцем Бобом Вестхофом. Мы включили телевизор. Боб вдруг сказал, что никуда не пойдет. Он был подавлен. Я все же поехала и в такси обо всем забыла. Я была так потрясена, что забыла. Только в один момент мне опять пришло в голову, что только что умер Кеннеди. В ресторане об этом никто не знал. За соседним столом заплакали американцы. Для меня это убийство разрушило определенное представление об Америке, связанное с послевоенной рекламой жевательной резинки и молоком с послевоенной датой на упаковке. В молоке

вдруг появилась кровь. Это было началом нашей эпохи насилия»[107].

Но в сердечных драмах и нищете эпохи она умела найти источник вдохновения. Мы обращаемся к сердцу, когда жизнь дает осечку. «Иногда обороты ее мысли удивляют», — замечает романистка Мадлена Шапсаль. Поделившись с Франсуазой своими проблемами на любовном фронте, она получила неожиданный ответ: «Ну и что? Какая разница? Оставьте его! Найдите другого!»[108] «Ей нравятся хрупкие существа, потерявшиеся собаки без ошейника», — замечает журналист и писатель Вольдемар Лестьен. После попытки самоубийства он найдет у своей подруги желаемое утешение, но в то же время это не помешает ей отчитывать его, как мальчишку, который только что сделал большую глупость.

Памятуя слова Уильяма Фолкнера, считавшего, что «нет ничего лучше, чем прожить то недолгое время, что нам отпущено, дышать, чувствовать жизнь, понимать ее», Франсуаза всегда умела оставаться на плаву. Несмотря на то что она подчас рискует жизнью, она умудряется проявлять восхитительное своеволие по отношению к неизбежности происходящего. Откуда этот ясный, умный взгляд, так рано проникший в тайны души, в сокровенные глубины человеческой жизни? Шанталь де Кернавануас училась на «Кур Гаттемер» и была одной из самых близких подруг Франсуазы. Когда журналисты Анри Готье и Жан Марвье беседовали с ней по поводу книги, посвященной автору «Здравствуй, грусть!», после случившейся с ней 14 апреля 1957 года автокатастрофы[109], она отметила ее проницательность: «Жуткая трезвость мысли не могла ей позволить надолго привязаться к какому-нибудь существу». В телевизионной передаче[110] Франсуаза объяснится относительно замечания своей давней подруги: «Это была очень романтическая девушка. Если мальчики ждали меня в “Веспа”, у выхода из школы, она тут же воображала, что я кидалась в их объятия». Это было время флирта и побегов из школы, недозволенных прогулок по полному тайн Парижу. Франсуаза испытывала страх перед толпой, зато ей были интересны отдельные люди, ее составляющие, поскольку в душе каждого таилась какая-то история. «Столько непрочитанных романов», — говорила она себе.

Ей хотелось поймать одного барашка из стада, сделать из него героя, выставить его в ярком свете прожекторов. С высоты триумфальной арки она смотрит на восхитительную городскую суету. Приливы и отливы волн человеческого муравейника притягивают и одновременно пугают ее. Она сидит часами в барах и кафе, обычно недалеко от вокзала Сен-Лазар, где только

что открылся один из первых сервисов самообслуживания. Она бродит по кварталу Марэ, по набережным Сены и в погожие дни усердно посещает бассейн «Делиньи», где публика отличается некоторым снобизмом, что вполне соответствует ее пожеланиям. Она знакомится с другими девушками, болтает о книгах, фильмах, о планах на будущее. Соланж Пинтон, одна из ее школьных подруг, хорошо запомнила обещание, которое дала ей Франсуаза: «В первый день года, когда нам будет исполняться по двадцать пять, давай встретимся на Эйфелевой башне. Посмотрим, что с нами тогда будет».

Соланж встретит Франсуазу раньше, но, дав ту клятву, не решится подойти. «Кики стояла в магазине и подписывала книжки “Смутной улыбки”. Рядом с ней был Жак Ланзман, который тоже писал посвящение на титульном листе своего романа. Заметив меня, она мне кивнула, приглашая подойти. Я почувствовала, что краснею, как помидор, и, смутившись, отвернулась. Ее известность вдруг заставила меня стесняться. Я уже не узнавала в ней свою подругу».

Увлеченная непреодолимым водоворотом удовольствий, обещаний и упреков, Франсуаза принадлежала теперь взглядам окружающих. Отсюда наблюдение «Жижи литературы 54-го»: «Факт того, что люди пишут мне и читают меня, очень меня устраивает, но то, что они на меня смотрят…» Плата за известность угнетает ее, ей приходится к этому привыкать. «Я от этого почти ощущала вину, — замечает она. — Слава буквально душила меня»[111]. Но встреча с успехом позволила ей проникнуть в мир взрослых и войти в настоящую жизнь. Произошло превращение молодой девушки в романистку:

«Я долго всех заставляла думать, что пишу роман. Я напускала на себя таинственность, чтобы возбудить всеобщее любопытство. Наконец мне это наскучило, и я в самом деле стала писать… Писать — это всего лишь мифомания, более амбициозная, чем другие, потому что ложь, замечательная ложь требует таланта. Забота о правдивости убивает воображение. Прежде дамы от литературы писали о том, что их коллеги-мужчины полагали желанным для юных девушек. Теперь девушки пишут о том, чего они хотят в действительности».

В семье Франсуазы Саган никто не обращал внимания на то, что младшая дочка пытается что-то писать. «Кики, — говорит Мари Куарэ, — читала мне рассказы, которые она отсылала в журналы. Ни один не был опубликован, но я отметила, что у моей дочери богатое воображение. В четырнадцать лет она начала пьесу. Сюжет был забавный: женщина, обиженная своим любовником, решает выйти замуж. Но ее муж, хирург, начинает

рассказывать в деталях за столом о проведенных операциях. Она испытывает отвращение и покидает нового мужа ради прежнего любовника». В один прекрасный день Франсуаза сообщила матери: «Знаешь, я написала книгу!» Никакой реакции. «Я абсолютно не придала этому значения», — вспоминает Мари Куарэ. И не от равнодушия — она всегда производила впечатление особы, занятой исключительно собой, как кокетливые и непосредственные женщины в некоторых американских комедиях.

Их очаровательные реплики часто выражают несоответствие кажущегося и реального. По этому поводу Жан-Поль Фор[112], один из людей, очень значимых в жизни Франсуазы, рассказывает такую историю: «В то время у Франсуазы, жившей на улице Виллерсексель, на седьмом этаже, жила птичка. Мы разговаривали с адвокатом Роландом Дюма[113], которого я хотел ей представить и который впоследствии стал ее защитником, когда появились ее родители. В этот момент птичка подала голос, который оказался похож на детский лепет. “О! У Кики ребенок!” — воскликнула Мари Куарэ, а ее муж тут же подхватил: “Быть не может — я вам точно говорю: наша дочь никогда бы не сделала ребенка, не предупредив нас”».

Это замечание Пьера Куарэ говорит о том, насколько у Франсуазы были близкие и доверительные отношения с родителями, какое взаимопонимание царило в этой семье.

«Они всегда уважали мою свободу действий и мыслей, — объясняет Франсуаза Саган. — Когда мне было три, четыре года, я брала книгу и проводила часы, сидя на стуле и разглядывая ее, повернув наоборот, и каждый раз вежливо спрашивала у мамы, для меня ли это. Она мне говорила: “Да, да, ты можешь читать”»[114].

Позднее родители убрали из библиотеки книги, которые считали слишком откровенными. Однако они все же опасались, как бы Кики их не раздобыла.

Она радовалась всему, что попадало ей в руки. Кокто, Колетт, Сартр, Камю, Превер, русские романисты, которых хвалил Мальро, «Шабаш» Мориса Сакса[115] и «Страница жизни», автобиография музыканта-джазиста Мецца Мецц-рова. К этому списку стоит добавить также Стендаля и детективы. Самое сильное впечатление на нее произвели[116]: «Яства земные» Андре Жида, прочитанные в тринадцать лет, «Бунтующий человек» Альбера Камю — в четырнадцать, «Озарения» Артюра Рэмбо — в шестнадцать. И, конечно, Пруст, который, по ее словам, научил ее всему.

Мадемуазель никто

— Но кто же вы?

— Никто, — ответила Франсуаза Куарэ. Жаклин Одри только что заметила совсем молоденькую девушку, которая последовала за ней тайком во время съемок ее фильма «За закрытыми дверями» по Сартру. Так Кики ухитрилась проникнуть в студию «Билланкур» на съемочную площадку, где после полудня в октябрьский день 1953 года Одри, снявшая «Жижи», работала с Даниэль Делорм и Жаком Дюби.

Маленькая племянница президента Третьей Республики, Гастона Думерга[117], Жаклин Одри была одной из тех редких женщин-режиссеров, которые имели успех. Благодаря своей сестре Колетт Одри, преподавательнице филологии в лицее «Мольер», которая участвовала в создании «Тан модерн», она посещала собрания экзистенциалистов. Ее кинематографические версии романов Колетт и дружба с Жан-Полем Сартром и Симоной де Бовуар притягивали Франсуазу, жадно впитывавшую любую новую интеллектуальную информацию.

За жутким декором комнаты отеля из пьесы Сартра «За закрытыми дверями» она видела другую вселенную, родственную ей. Притаившись в студии, она наблюдала за развитием событий, когда один из участников съемки заметил ее: «Разве вы не знаете, что находиться на площадке во время съемок запрещено? Ладно, оставайтесь, где стоите, у нас нет времени».

В сорок пять лет «мадам»[118] французского кино, в замшевой куртке и коричневых брюках из габардина, курящая «Плэер сюр Плэер», сохранила неуловимый шарм, имевший источником одновременно ее хрупкость маленькой зрелой женщины и удивительную живость ума. В глубине души «мадемуазель Никто», как она назвала Франсуазу, напомнила ей ее собственную молодость этим образом настоящей бестии, который она тоже любила, когда одевалась в красную кожу и называла себя «хитрой лисичкой».

Воспользовавшись перерывом, Жаклин Одри обратилась к девушке, вызвавшей у нее симпатию своим лукавым и проницательным взглядом. «Вы собираетесь заниматься журналистикой?» — «Нет, вовсе нет, я студентка. Я только хотела посмотреть, как делается фильм». — «Хорошо, — заключила Одри, — приходите, когда хотите, только не мешайтесь. Будьте внимательны, рабочие не любят, когда у них вертятся под ногами…»

На следующий день Франсуаза вернулась на съемочную

площадку, на этот раз более уверенно, под шепоток съемочной группы, которая сочла, что это протеже «мадам». Жаклин Одри в самом деле приглашала ее несколько раз, они вместе завтракали, и между режиссером с серебристыми волосами и студенткой с повадками опрятной домашней кошечки установились дружеские отношения. Меньше всего озабоченная провалом на экзамене по пропедевтике, Кики думала только о своем романе и поэме Элюара «Сама жизнь», в которой есть ностальгические строки:

> Прощай же грусть
> И здравствуй грусть
> Ты вписана в квадраты потолка
> Ты вписана в глаза которые люблю
> Ты еще не совсем беда
> Ведь даже на этих бледных губах
> Тебя выдает улыбка
> Так здравствуй грусть (…)[119].

В конце августа Франсуаза закончила печатать на машинке свою рукопись, написанную за шесть недель в кафе Латинского квартала «Кюйас». Она заставила трепетать свою героиню под впечатлением от Пруста, Оскара Уайльда, Ницше[120] и статей «Сине-ревю». Из беззаботного холостяка-коллекционера юных девичьих сердец отец Сесиль превратился в результате во вполне весомого литературного персонажа.

«Кажется, “мадемуазель Никто” написала роман. Если бы ты смогла это посмотреть, это было бы мило с твоей стороны». Жаклин обратилась, естественно, к своей сестре Колетт, чтобы с ее помощью рукопись дошла до издателя. Одри, которую привлекала незаурядная личность Франсуазы, старалась помочь ей открыть новые горизонты. Она даже подумывала, не сделать ли ее своим секретарем, но из-за нерешительности родителей протеже этот проект не осуществился.

Колетт Одри прочла рукопись и была приятно удивлена: «Меня восхитила удивительная элегантность ее письма. Она уже была оригинальна, в тексте не было тяжести и самолюбования. Было изящество, свидетельствовавшее о глубокой ясности мысли». Она являлась членом редакторского совета «Тан модерн» и хорошо знала Рене Жюйара, издававшего журнал Жан-Поля Сартра: «Мне казалось, что он интересуется жизнью молодежи. У него Франсуаза имела наибольшие шансы не остаться незамеченной. Но я указала ей также точный адрес издательства “Плон”».

В «Бар-бак» на улице Бак, открытом до зари, где часто

собирались писатели Антуан Блондэн[121], Альбер Видали, Луи Сапэн, Поль Гимар, Колетт Одри назначила встречу мадемуазель Куарэ: «Я прочла ваш роман. Он не слишком большой, но я думаю, что он хорош. Только я бы изменила конец». По ее мнению, после разрыва с отцом Сесили следовало бы, чтобы Анна погибла в автокатастрофе, но обстоятельства катастрофы не надо было бы описывать.

«Конец должен быть сильным, — советует Колетт Одри. — Драма Анны — драма сорокалетней женщины, которая вдруг начинает в себе сомневаться. Это подходящая жертва. Зачем делать из нее эту равнодушную красавицу, которую Сесиль и ее отец встретят однажды случайно в ночном клубе? Ее краткое приветствие — совсем не то, что от нее можно ожидать после коварных попыток Сесили от нее избавиться». Она решила отправить своего донжуана-отца в объятия Эльзы, только что покинутой им любовницы, и таким образом не позволить когда-то соблазненной им Анне, склонной к морализаторству и утонченному пониманию жизни, стать в их кругу третьей лишней.

В самом деле, свадебные проекты носятся в воздухе. Сесиль с ужасом предвидит конец своего главенствующего положения в доме и своей чудесной свободы. «Мы не впадаем в восторг по поводу этой разрушительной ранней зрелости Сесили; во все времена молодые девушки могли отличаться талантами», — пишет Марсель Тибо по поводу «Здравствуй, грусть!»[122]. Возможно, он думал о семнадцатилетней Розали де Ваттевиль, героине романа Оноре де Бальзака[123], «в которую вселился Вельзевул», когда она вернула письма Альберта Саваруса, подделала его почерк и разлучила его с графиней, в которую он был страстно влюблен, что его заставило стать картезианским монахом.

Франсуаза Саган, которая тогда не слишком много читала Бальзака, ничего не знала об этой вероломной Розали из «Альберта Саваруса», романа, опубликованного в 1842 году. Она удивляла своих приятелей, когда скромно сообщала, что читала Стендаля, Жида и Пруста, весело добавляя, что Саган и Стендаль[124] — два соседних селения Восточной Пруссии. Несмотря на свой страх перед журналистами, «которые заставляют говорить неизвестно что», Франсуаза не уклонялась от разговора. Она говорила очень быстро, глотая слова. Ее ответы, которые нужно было ловить на лету, всегда были по существу. Она казалась защищенной своим умом, вглядываясь в других, как и в себя, с исключительной проницательностью.

В богатой буржуазной гостиной своих родителей она была сначала маленькой благовоспитанной девочкой, заботившейся о

том, чтобы гости чувствовали себя хорошо: «Где вы хотите присесть?.. Вам будет удобнее в кресле… Хотите что-нибудь? Может быть, сигарету?.. Вот пепельница…» Дениза Бурдэ, пришедшая на бульвар Малешерб брать интервью, так описывает молодую романистку: «Она, словно кошка, бесшумно перемещается в пространстве, где доминируют желтый на сатиновой обивке и цвет воды, и наконец устраивается на красном велюре дивана. Она восхитительна, когда выжидательно смотрит на собеседника, с иронией, которая задевает даже тогда, когда она умеряет свою улыбчивую снисходительность. В выражении ее глаз читается меланхолия мудрой проницательности, будто данной богатой событиями долгой жизнью. Этот взгляд необыкновенно глубок, а еще мягкие черты лица носят отпечаток детства»[125].

«Когда я начала свою книгу, мне было очень тоскливо, — рассказывает Франсуаза. — Я не осмеливалась перечитать на следующий день то, что написала накануне, так я боялась почувствовать себя униженной, если это оказалось бы плохо. Я говорила себе, что могла бы, конечно, лучше, и старалась использовать все возможности».

Записывая в школьную тетрадку наклонным почерком, почти без помарок, она расскажет историю Сесили и ее отца: «Первое, что я делаю, это пишу начальную фразу книги», — произнесет она немного напыщенно.

Роман был завершен в два с половиной месяца. Чтобы отпраздновать это событие, она кидает в огонь свой дневник. Эти страницы, писавшиеся изо дня в день на протяжении трех лет, не соответствуют больше наступающей эре. Превращение Франсуазы Куарэ во Франсуазу Саган произошло незаметно. В семье никто не выказывал удивления, видя ее за работой. Ее брат и сестра тоже пытались писать, но застревали на первой главе.

«Мои родители, к счастью, никогда мне не задавали вопросов по поводу того, что я делаю…» — говорит Франсуаза. Дискуссии по поводу «Здравствуй, грусть!», казалось, оставили их совершенно безучастными. Во всяком случае, они не хотели вмешиваться публично во все это, и их отношения с Кики были прежними. Так сказать, скандальный чудо-ребенок в фетровых тапочках, чтобы не испачкать паркет. У Куарэ каждый старался проявить уважение к окружающим, но высказывать свою точку зрения не запрещалось. Критическое сознание Франсуазы сформировалось в эпоху, когда традиционные ценности были поставлены под сомнение, и это, конечно, проявилось в семье. Речи, которые она произносила по поводу крушения общества благосостояния, пекшегося о своей материальной защищенности,

не могли оставить равнодушным ее отца.

Он считал интересным это новое понимание жизни. Человек с апломбом, привыкший смотреть фактам в лицо, он не считал нужным чему-либо удивляться. Он принимал вещи такими, какие они есть, и воспринимал свою дочь соответственно. «Кстати, и небесполезно это подчеркнуть, он не ощущал себя как отец писательницы и автора “Здравствуй, грусть!”, хотя часто утверждалось обратное», — пишет американская журналистка Курт Риесс в главе своей книги «Рождение бестселлеров», посвященной Франсуазе Саган.

О родителях, которых безгранично обожает, Франсуаза всегда говорит с почтением: «Мы болтаем, будто мне столько же, сколько им, я часто зову отца Пьером, а маму всегда Мари. Почему? Потому что она очень рассеянная. Если я говорю “мама”, она не отвечает. Но, когда я обращаюсь к ней по имени, отзывается всегда». Пьер Куарэ и Мари Лобард поженились в Кажарке 3 апреля 1923 года, а познакомились у общих друзей в Сен-Жермен-ан-Лайе, «маленьком гарнизонном городе, чьи зажиточные жители придерживались старых порядков». Эта первая встреча была для них как удар молнии, и молодые люди с тех пор всегда были вместе.

Как в «Гостье» Симоны де Бовуар, здесь пришлось избавляться от соперницы. Анна, возлюбленная ее отца, погибнет по дороге в Эстерель. Несчастный случай или самоубийство? Последние строки книги не прольют свет на эту загадку:

«Но иногда на рассвете, когда я еще лежу в постели, а на улицах Парижа слышен только шум машин, моя память вдруг подводит меня: передо мной встают лето и все связанные с ним воспоминания. Анна, Анна! Тихо-тихо и долгодолго я повторяю в темноте это имя! И тогда что-то захлестывает меня, и, закрыв глаза, я окликаю это что-то по имени: “Здравствуй, грусть!”»[126].

Выход романа «Здравствуй, грусть!» пришелся на время, когда молодежь нуждалась в раскрепощении, в том, чтобы ощущать себя наравне со взрослыми. Молодые обретали свободу. Раньше все было иначе, и поэтому история Сесили многих шокировала. Семнадцатилетняя девушка, которая занимается любовью ради удовольствия, а не ради рождения ребенка, — это было неслыханно. Франсуазе было приблизительно столько же, и она, конечно, вызывала любопытство.

В год, когда был написан роман «Здравствуй, грусть!», она уверенно сказала Флоранс Мальро:

«Я заработаю этой книгой много денег и куплю “ягуар”!»

Обескураженная такой уверенностью Фло ждет не дождется, когда можно будет увидеть рукопись и убедиться в таланте

Франсетты, которую она зовет «маленькой испанкой», потому что та посещает лекции в Институте испановедения, на улице Гэй-Люссак. Но однажды у нее в руках окажется первая версия романа. «Я прочла его ночью и была ошарашена», — рассказывает она. В шесть часов утра Флоранс Мальро в восторге позвонила подруге, чтобы поговорить о Сесили. «Ты — писательница», — сказала она. Реакция Вероники Кампьон была такой же, она посоветовала Франсуазе пойти к ясновидящей на улицу Аббэ-Грульт.

Благоприятна ли ее судьба? Взглянув на ее руку, гадалка сразу провозгласила: «Вокруг вас сияет слава…» Франсуаза не выказывает никакого удивления и ждет пояснений.

«Я никак не отреагировала даже тогда, когда она мне сообщила, что я только что написала книгу. Я даже подумала, что она могла об этом догадаться при помощи телепатии. Но когда она сказала мне, что мой роман пересечет океан, я почувствовала себя преисполненной амбиций».

Франсуаза сразу решает перепечатать рукопись начисто:

«Это стоило мне двести франков, которые я заняла у Вероники. Но результатом я осталась довольна: аккуратные листы и, сверх того, удовольствие слышать признание, что роман привел в восторг даму, которой была поручена работа».

Оставалось только найти издателя, чтобы чудо осуществилось. А пока рукопись, напечатанная в трех экземплярах, лежала в ящике. И вновь началась свободная жизнь. Дружба Франсуазы и Флоранс, подпитываемая бесконечными совместными чтениями, сделала их неразлучными. Они так хорошо понимали друг друга, что их единство, казалось, было единством близнецов. Кстати, они были похожи друг на друга внешне, их в самом деле можно было принять за близнецов.

Они учились вместе в «Кур Гаттемер» и, в год сдачи экзамена по филологии встретившись вновь во время записи на пропедевтику, инстинктивно почувствовали, что необходимы друг другу, чтобы, ни о чем не сожалея, вкусить полноту жизни. Вместе было веселее. В этом настроении они продолжали свое обучение в Сорбонне, среди шумливых прыщеватых сокурсников, принимавших себя чересчур всерьез.

«Она была такая естественная, горячая, свободная, она покорила меня своим потрясающим обаянием», — говорит Флоранс Мальро, которая захотела представить ее своему отцу. Он принял подругу дочери в большой белой гостиной, где было всегда много света от огромных окон, в своем доме на Булонь-сюр-Сэн, в нескольких сотнях метров от Парк дэ Пранс. Она была

очень смущена и не могла поначалу вымолвить ни слова. Андре Мальро с нежностью улыбался собеседнице, внимательно слушавшей его. «В ней есть шарм, есть изюминка», — произнес он, когда дочь спросила его, какое впечатление произвела на него Франсуаза.

В разговорах девушек часто звучала тема Ло. Флоранс провела несколько месяцев в оккупации в Лозес-Сабаделе, рядом с Грама, где попал в переделку «полковник Берже», как звали Мальро товарищи по Сопротивлению (он был ранен и взят в плен 2 августа 1944 года, а затем препровожден в тюрьму Сен-Мишель в Тулузе). Франсуаза вспоминает Мадлену Лобард и общение с братьями Жюлем и Эдуардом. Они делили семейное гнездо в Кажарке, два дома, объединенные переходом, обнесенные оградой с их инициалами из кованого железа на воротах.

В апреле 1956 года Франсуаза Саган, погруженная в безмолвное горе, будет присутствовать на погребении бабушки. Церемония состоялась на маленьком кладбище в Созаке. Семейный склеп семьи Лобард под кипарисами соседствует со склепом семьи Дюфор, к которой принадлежала усопшая. Для Кики это испытание совпало с празднествами по поводу свадьбы принца Монако, на которых она присутствовала из любопытства вместе с Еленой Гордон-Лазаревой, директором «Эль», пришедшей вместе с представителями «Франс-суар», газетой ее мужа.

Из Сен-Тропе Франсуаза приехала к Елене, поселившейся в «Отель де Пари» в Монте-Карло. Прибытие Грейс Келли на борту «Конститюсьон», который пришвартовался недалеко от вновь перекрашенного розового дворца Гримальди; гидросамолет Онассиса, осыпающий молодоженов дождем из красных и белых гвоздик — официальных цветов княжества; праздничная толпа, — Кики так хотелось забыть о ней в тот момент, когда там, перед разверстой могилой, ее охватило ощущение безысходности.

За рулем своего черного «ягуара» она отпускала педаль акселератора только в случае крайней необходимости, она мчалась как метеор, чтобы заглушить скоростью печаль. Что она скажет родителям там, за городом, где смерть собрала всю родню. Думала ли она тогда о том, что напишет в своем единственном полицейском романе?

«Как мы все-таки жестоки к нашим мертвым! Стоит человеку умереть, как его торопятся упрятать в черный ящик, поплотнее закрыть тяжелой крышкой и зарыть в землю»[127].

И Франсуаза Саган, которую мысль о смерти побуждает ценить прелесть жизни и ее удовольствия, однажды воскликнет:

«Умереть, да, но уткнувшись кому-нибудь в грудь, когда

земля дрожит под ногами или вовсе теряет свою прелесть. Мне кажется, что я чувствовала бы гордость, безумие, поэзию… это последняя и единственная возможность узнать, что у меня есть решимость, что я могу бросить вызов, что я дорога своим близким, что меня любят, и что угодно еще, и что Бог ничего с этим не может поделать…»

Однажды романистка развлекалась сочинением собственной эпитафии. Рембо, который, лежа на кровати в марсельском госпитале, сказал с яростью в голосе своей сестре: «Я околею, а ты будешь ходить под солнцем», — мог бы принять ее на свой счет. Судите сами:

Здесь покоится
Неутешающаяся
Франсуаза Саган.

Первые интервью

«Почему вы пишете?» На вопрос, заданный «Либерасьон» четыремстам писателям, Франсуаза Саган ответила: «Потому что я это обожаю». Почти тридцать лет спустя ее о том же спросил «Экспресс»[128], и она почти так же коротко ответила: «Потому что я это люблю, мне это нравится». Ее просили также назвать любимых ею современных писателей. Она сразу произнесла имена Сартра и Мальро и не упомянула сотрудничавшего в журнале Франсуа Мориака, который со своей стороны проявил заинтересованность в молодой романистке в своем «Блокноте», появившемся на неделе.

Прочитав ее второй роман, он вступил в полемику с теми, кто считал, что «нет ничего более юного, чем эта разочаровывающая книга…». Лауреат Нобелевской премии на это отвечал, что, напротив, второй роман Франсуазы Саган представляет истинную жизнь молодежи. «Что еще говорит о себе молодежь, как не то, что написала Франсуаза Саган? А старость? — спросите вы. Ну что ж. Это в первую очередь то, что отделяет безнадежность от грусти. В конце жизни “Здравствуй, безнадежность!” перекликается с “Здравствуй, грусть!” ее начала. Молодость грустит, а старость теряет надежду, если только им не удается обрести Бога».

В «Последней премии», его громкой статье в «Фигаро», он сожалел, что жюри Премии критиков, высказавшись относительно общественной ситуации, не отметило «произведения, которое отдает дань духовной жизни Франции». Академик провозгласил себя тогда защитником романистки, проявив, однако, сдержанность в оценке моральности романа «Здравствуй, грусть!», ни в коей мере не умаляя ее литературного достоинства. Некоторые писатели становятся заметными с первой строчки. В какофонии романов того времени он разглядел этого «очаровательного восемнадцатилетнего монстра».

Свобода тона его раздражала. Как можно было не страдать, не испытывать угрызений совести, не ощущать греха в подобных ситуациях! Они не были знакомы, и только благодаря посредничеству Жюйара между Мориаком и Саган установились дружеские отношения. Издатель пригласил обоих на банкет, где присутствовал литературный ареопаг и блистательная плеяда критиков, чьи известные подписи украшали приглашение, посланное ими своим друзьям.

Франсуа Мориак и Франсуаза Саган очень быстро друг другу понравились, что вызвало всеобщее удивление. Свидетелем

встречи был Жерар Мург, хорошо знавший обоих. «Все ждали взрыва, вспышки. А они стали спокойно беседовать», — пишет автор «Клубка змей»[129]. Франсуа Мориак сразу почувствовал ее застенчивость, но и ее внутреннюю силу: она говорила на одном с ним языке.

Однако у нее было иное, новое, непринужденное, более свободное отношение к христианству, тому, которое он знал и исповедовал. Ему было свойственно чуткое внимание к окружающим, эта манера наделять их чертами, делающими их незабываемыми… И впредь было не важно, что мораль двух писателей была различной. Правда по эту сторону Пиренеев, неправда — по другую. Как бы то ни было, он очень хорошо знал так любимого ею Паскаля. Удивительный тет-а-тет. И, конечно, эта школьница, которую он измучил критикой, была его продолжательницей. Он предчувствовал, быть может, уже по ассонансам, которые оставило в нем эхо первой книги этой незнакомки, что она будет вести поиск в том же направлении, что и он, но с большей безотчетной свободой и с меньшей глубиной, из которой проистекают основы человеческого сознания.

Франсуа Мориак не уделил никакого внимания своим собратьям, посвятив все время речной прогулки общению с девушкой с горящими глазами, которая советовала ему не верить в Бога. Вопросы веры не мешают, впрочем, католическому писателю полагать, что юная романистка более близка к благодати, чем некоторые верующие. Она потеряла веру в двенадцатилетнем возрасте, после смерти маленького кузена — трагического события, потрясшего Франсуазу своей нелепостью.

«Я была против того, чтобы некто, обладающий могуществом, злоупотреблял своей силой», — скажет она Эммануэль д'Астье де ла Вижери, беседовавшей с ней в мае 1966 года[130].

Франсуаза была крещена в маленькой церкви в Кажарке, прелестном образце архитектуры XIV века, и воспитана в традициях католицизма. Подростковый кризис тринадцатичетырнадцати лет совпал для нее с отъездом семьи в Лурд.

«Я тогда начала читать Сартра и Камю. Моя жажда справедливости и счастья наталкивалась на зрелище человеческой нищеты. Это меня окончательно убедило: существование Бога — обман. Я ничего не имею против христиан, все люди, обладающие какой-либо мистической страстью, достойны уважения, но с тех пор я действительно атеистка».

Когда по поводу ее будущей свадьбы с издателем Ги Шеллером — она заключила брак в мэрии 13 марта 1958 года— расползлись слухи, Саган поняла, до какой степени утвердилась

за ней скандальная репутация неверующей. По радио можно было услышать, как она говорила: «Бог мне безразличен». Это было чересчур для аббата Бро, старого кюре Кажарка, который ее крестил «во имя Отца, Сына и Святого Духа». Он считал Франсуазу девушкой из хорошей семьи, но ветреницей, ставшей нигилисткой из-за своего снобизма:

«В своих книгах она афиширует презрение по отношению к моральным принципам, которые защищает церковь. Если она раскаялась, если церковная свадьба для нее не только светская формальность, мы услышим ее». «Кажарк, — прибавляет аббат Бро, — не нуждается в славе автора “Здравствуй, грусть!”. Задолго до появления на свет мадемуазель Саган июньским утром, но 1760 года, 16-го числа, здесь родилась Мари-Антуанетта Пелрас, которая вошла в историю более достойным путем, путем веры. Став по воле Провидения сестрой Генриеттой, она была приговорена к смерти Фуке-Тинвилем и казнена на гильотине в возрасте тридцати четырех лет. Но она продолжает жить благодаря Бернаносу, который сделал ее одной из героинь своих “Диалогов кармелиток”».

Кажарк может гордиться этой мученицей-монашкой, но дитя этих мест, чей дом украшает почтовые открытки — Франсуаза Саган. Тайком проникшая в студию «Билланкур», согласившаяся именоваться «Никто», словно подражая Улиссу, отвечающему Циклопу в «Одиссее» Гомера, она нашла себе место в бурных политических новостях. Начало триумфального шествия «Здравствуй, грусть!» совпало в самом деле с уничтожением вьетнамской артиллерией укрепленного лагеря. Едва закончилась Индокитайская кампания, осложнилась ситуация в Северной Африке.

В начале лета 1954 года Куарэ уехали в Оссегор. На большой вилле, снятой родителями, Франсуаза жила спокойно и счастливо, не заботясь о суматохе, возникшей вокруг ее романа. В одиннадцать часов с четырьмя племянниками и племянницами, матерью и сестрой Сюзанной она отправляется на пляж. Растрепанные волосы, загорелое тело, это лучшее время дня перед привычным аперитивом на террасе, приготовленным Юлией. После полудня дети отдыхают. Потом Франсуаза всех везет играть в теннис на «бьюике» с откидным верхом, который очень экзотично смотрится на улицах Оссегора.

В этом году Луизон Бобэ выигрывает второй раз «Тур де Франс», а в прессе появляется его роман-фельетон о разбитом сердце княгини Маргарет, которая вынуждена была развестись с Петером Таунзендом. Другая книга, имевшая тогда большой успех, — «Записки майора Томпсона» Пьера Даниноса[131].

«История О» Полины Реаж[132], выпущенная в свет Жан-Жаком Повером, одним из будущих издателей Франсуазы Саган, была продана лишь в нескольких сотнях экземпляров.

Молодая романистка очень мило приняла журналистов, приехавших к ней в Оссегор, и совсем не пыталась их шокировать. В «Эль»[133], в статье Колетты Гиманс, которая отправится вместе с Франсуазой год спустя во Флориду, сдержанно сообщается: «Юная знаменитость проводит каникулы с семьей». Выражения «Пари-Матч»[134] более яркие: «Франсуаза Саган, маленькая, совершенно обыкновенная девочка, зарабатывает миллионы и боится темноты». Мишель Деон, анонимный автор этого очерка, раскрывает ее легендарный образ, рассказывая о том, как она ездит на машине, как проводит солнечные дни, во что играет, как веселится:

«Если она не за рулем автомобиля, — значит, гуляет, засунув руки в карманы джинсов, или загорает на пляже. Вечером встречается с друзьями, катает шары — ей часто везет — и постоянно допоздна танцует в баскском баре. Слушает музыку. Моцарт и Равель — ее самые любимые композиторы. Говорят, что “Здравствуй, грусть!” свидетельствует об испорченности, о циничности автора. А эта испорченная девушка боится ночной темноты и малейшего шороха. Бои быков, которые она впервые увидела в прошлом году, вызвали у нее отвращение. Правда, теперь она страстно за ними следит».

Во время долгого и непоследовательного разговора Франсуаза Саган во многом доверилась своему собеседнику, чуткому, как и она сама, ценителю литературы. Мишель Деон чувствовал, что ему близка эта восемнадцатилетняя девушка, одаренная, наделенная блестящим умом, еще и потому, что несколькими годами раньше встретил на баскском берегу героиню своего первого романа «Я не хочу ее забыть»[135]. Образ Оливии витал над ними неотступным воспоминанием, к которому примешивались тени влюбленных, отблески потерянной любви, возродившейся в литературном произведении. Франсуаза Саган рассмеялась, когда Мишель Деон сказал ей, что ее книгу многие считают написанной опытным автором. «Обожаю писать, — говорит она, — мне никогда не приходила в голову мысль прибегать к чьей-то помощи». Она, кстати, начала второй роман, что нисколько не удивило элегантного Мишеля, приехавшего на спортивной машине.

Он убежден, что не ошибся — ее голос принадлежит только ей, и никто из многочисленных подражателей не сможет воспроизвести его подлинное звучание. Ее следующая книга, которая, возможно, будет названа «Solitude aux hanches etroites»

по строке из Элюара — история встречи. Двадцатилетняя девушка из провинции знакомится в Париже с сорокалетним женатым мужчиной, который учит ее жизни, причем настолько успешно, что она понимает, что ей необходимо его покинуть.

Роман, названный в итоге «Смутная улыбка» и посвященный Флоранс Мальро, начинается фразой из Роже Вайяна[136]: «Любовь это то, что происходит между двумя людьми, которые любят друг друга». Это чувство — помеха веселью и способ избавиться от одиночества в повседневной жизни. В этом драма человечества: будни, череда обыденных событий, в которых люди редко отдают себе отчет. Им нужно любовное потрясение, которое может разрушить рутину, заставить их поверить в свое собственное существование. Элюар, Аполлинер[137], Расин, говорящие о любви возвышенно, являются для Франсуазы образцами настоящего, природного таланта.

Писать по вдохновению — высшее счастье, но поэзия не терпит и тени неловкости. «Я написала столько не самых лучших стихов! А “не самое лучшее” в поэзии — это безнадежно», — говорит Франсуаза Саган. Одно свое стихотворение она прочла Мишелю Деону в Оссегоре. Вот оно:

Беззвучно сердце.
Так безмолвием владеет
Без скипетра стареющий король.
Простите ль вы ему,
Возможно ль обрести прощенье?
Или несчастная душа,
Сдержав со строгостью сомненья,
Искать пойдет, как бедный ослик[138],
Средь камней, лугов и на губах
Своей усталости горчаще-нежную полынь?

Здравствуй, успех!

Что нужно, чтобы книга издавалась астрономическими тиражами? «Здравствуй, грусть!» обладает прелестью шедевра, к тому же лишенного всякой претенциозности и появившегося в нужное время. Гений Франсуазы Саган в том, что она сумела преподнести публике то, что она хотела, в тот момент, когда она этого хотела. В 1954 году этот небольшой роман, который молодые люди читали тайком от родителей, взбудоражил всю послевоенную литературу. Он был написан без прикрас. Его автор инстинктивно, с нескромной мудростью юности почувствовала, что нужно всего лишь рассказать о смятении семнадцатилетней девушки и ее коварстве, одновременно невинном и порочном. В аннотации на обложке говорилось, что «этот роман, поэтический и чарующий, — свидетельство исключительного таланта».

Состоятельная семья, две степени бакалавра, год пропедевтики в Сорбонне (провал в июне), Премия критиков — визитная карточка, которая бы ничем не выделялась, если бы не нужно было прибавить: «Не воспринимает себя Франсуазой Саган». Ни успех, ни деньги, ни, тем более, возникшая суматоха не изменили ее отношения к самой себе, своей семье и друзьям. Одаренная своего рода божественной интуицией, она мечтала от имени всего поколения, лишенного свободы и находившего определенную компенсацию в чтении ее романа с гедонистской моралью. «Есть недоразумение Саган, — пишет Шарль Бланшар[139]. — Оно происходит от того, что она собой представляла до многообещающего успеха. Если “Здравствуй, грусть!”, как любой другой роман-дебют, вышла бы в трех тысячах экземпляров, это можно было бы назвать обещанием. О сотне тысяч так уже не скажешь. В первую очередь, если бы не проницательность критиков, потерпел бы поражение словарный состав. Читателей не волновали проблемы определений и грамматики, они смотрели в суть».

Несколько дней спустя после выхода «Здравствуй, грусть!» служба продаж Жюйара бьет тревогу: мы помним, что Роланд Прета с некоторым опасением распорядился о печати еще трех тысяч экземпляров. Но тираж нужно быстро увеличивать. К роману проявляют интерес литературные агенты из-за границы. Первым предложил контракт издатель Джон Муррей (издательский дом, основанный в XVIII веке), в каталоге которого присутствовали громкие имена классиков: Байрон[140], Теннисон[141], Теккерей[142]. В Италии 20 тысяч экземпляров французского издания были проданы еще до того, как появился

перевод у Бомпьяни, второго издателя, проявившего интерес к роману.

Анне Рив, занимавшейся продажей прав на издания, роман «Здравствуй, грусть!» принес много хлопот, им интересовались все: «Роман был переведен на четырнадцать языков. Это был рекорд для издательства, особенно за такие сроки. Как руководитель службы, я торжествовала, но лично меня это вовсе не забавляло, это было слишком просто». Первый тираж в 10 тысяч экземпляров вышел в Соединенных Штатах, в нью-йоркском издательском доме «Дютгон», 25 февраля 1955 года, а полтора месяца спустя «enfant terrible французской словесности», как писала американская критика, не приехала на презентацию книги, которая разошлась миллионом экземпляров.

Факт достаточно редкий — книга была издана на латыни в Бразилии тиражом в полторы тысячи экземпляров: «Tristitia Salve» Франсиски Саган. Первая фраза романа («Это незнакомое чувство, преследующее меня своей вкрадчивой тоской, я не решаюсь назвать, дать ему прекрасное и торжественное имя грусть»[143] — «Sur ce sentiment inconnu dont l'ennui, la douceur m'obsedent, j'hesite a apposer le nom, le beau nom grave de tristesse») звучит так: «Sensu ignoto, cuius taediun, cuius suavitas me capiunt tristitiae julchrum nomen et grave induere sane haesito». Для лицеиста, измучившегося над «Анналами» Тацита или «Комментариями» Юлия Цезаря, разбирать Саган, безусловно, было забавнее. И ничего странного нет в том, что отрывок из книги был специально переведен для японцев, изучающих французский язык.

Двести экземпляров, не входивших в коммерческий план и изданных помимо «достойной партии для бумажного производства Приу», были преподнесены Рене Жюйаром своим сотрудникам на Новый год. Наступивший 1954 год был удачным для Саган и ее по-отечески внимательного издателя. Юная романистка, чье следующее произведение ожидали уже с нетерпением, совершенно не отдавала себе отчет в баснословных суммах, поступавших на ее счет. Однажды она осторожно спросила у Иветты Бессис, достаточно ли на ее счету денег, чтобы ей выдали сто или двести тысяч франков. Ей кажется, что ее просьба не совсем уместна, но ей так понравилось пальто из пантеры, которое она видела в кинорекламе…[144]

«Малышка моя, я не думаю, что это проблема», — ответила, улыбаясь, пресс-атташе. Состояние Франсуазы Саган уже насчитывало более пятидесяти миллионов, она купила подержанный «ягуар X/440», который присмотрел ее брат и за который она заплатила наличными миллион триста тысяч франков по курсу Роже Лоуера. «Объездив» этот спортивный

автомобиль, она купила новый, черный, с кремовой обивкой, стоивший приблизительно в два раза дороже. Позже она приобретет спортивный «гордини». «Это замечательно. На скорости двести сорок километров в час он отрывается от земли, как самолет», — восторгалась она, опробовав свое новоприобретение на восточной автотрассе. Вероника Кампьон отправилась с ней в мастерскую «Амеде Гордини», на бульваре Виктор в Париже, чтобы полюбоваться на «этого железного коня, с виду такого спокойного, словно спящее животное, которое можно разбудить поворотом волшебного ключика»[145].

Трудно было устоять перед этим болидом, доведенным до совершенства великим конструктором, которого газеты с пиететом именовали «кудесником». За рулем этой машины Франсуаза могла в полной мере вкусить прелесть скорости. «Мы три раза объехали площадь Трокадеро, — рассказывает Ги Шеллер. — Эта машина нуждалась в постоянном контроле управления».

Скорость любили в семье, воспринимали как нечто могущественное и непреодолимое. «Мои родители, — говорит Франсуаза, — оба умели чувствовать этот восторг, любили открытые автомашины. И обожали ездить очень быстро». В то время, когда Поль Моран ехал на автомобиле через Европу, Мари и Пьер отправлялись в Довиль или на Лазурный Берег в машинах с открытым верхом.

«Они часто оставляли нас у моей бабушки, в Кажарке, или у бабушки по отцу, в Сен-Жермен-ан-Лайе, и исчезали, — делится романистка детскими воспоминаниями с Пьером Демероном[146], известным журналистом. — В двенадцать-тринадцать лет, — добавляет она о своем детстве и своей жизни подростка, — я задумала роман, который начинался с автокатастрофы. Замысел родился в Кажарке, три года назад, когда я только начинала писать. Героиню звали Люсиль Сен-Леже. То же имя носит героиня романа “Сигнал капитуляции”. И я о ней совершенно забыла. Это странно, правда? От одного рассказа до другого лет двадцать, а я взяла то же имя и ту же фамилию. Я была очень удивлена, когда это обнаружила. Роман начинался с момента, когда заносит машину. Там находится Люсиль Сен-Леже. Машина переворачивается, а радио продолжает говорить. Текст здесь обрывался…»

Эту выдуманную драматическую историю Франсуаза Саган переживет в реальности вместе со своими друзьями: Вероникой Кампьон, Вольдемаром Лестьеном и Бернаром Франком[147], которые окажутся вместе в ней в ее «астон мартине», потерпевшем аварию.

«В девятнадцать лет у меня было меньше иллюзий, я была гораздо скептичнее настроена, чем теперь», — высказывается Франсуаза Саган в американском журнале[148]. «Здравствуй, грусть!» принесла ей известность, богатство и тоску.

«Я вдруг стала писательницей, — говорит она. — И у меня не было выбора — надо было продолжать. Я была несчастна. Я хотела быть Прустом или Стендалем, но я не была на это способна».

Однажды в автобусе она села напротив женщины, которая читала ее роман. Как жестоко было разочарование, когда дама начала зевать! Не в состоянии вынести это удручающее зрелище, Франсуаза вышла на две остановки раньше. Эта неизвестная читательница показала ей с неопровержимой очевидностью, насколько шатка слава, которую она влачит «как тяжелую ношу». Десятки тысяч экземпляров, проданные только во Франции[149], а теперь более двух миллионов, скандальная героиня, которая занимается любовью и не собирается выходить замуж. Это шумное вступление в литературу повлекло за собой отъединенность от окружающего мира, за исключением близких.

«Это было ужасно, — объясняет она. — О вас говорят, как о чем-то чужеродном. Говорят что-то лживое. Вас заставляют выносить нелепые разговоры. Сначала с этим было нелегко смириться. Я считала, что вся эта возня вокруг меня совершенно лишена смысла. Я все время испытывала отвращение. Я перестрадала, глубоко перестрадала это состояние, когда кажется, что ты совершенно незащищенная идешь по площади».

Франсуазе ничего не оставалось, как принимать мрачный вид на разнообразных приемах, где на нее смотрели как на феномен. Но в обществе своих друзей она вновь становилась веселой, смеялась и озорничала, словно маленькая шалунишка, а не жертва известности: «Мы должны понять, что у нас есть только наша кожа, кости, манера ходить и право ничего не иметь».

Единственный момент, когда она почувствовала свою значимость — вручение Премии критиков. Иветта Бессис, пресс-атташе Жюйара, обрекла ее после этой процедуры на общение с целой толпой журналистов и фотографов. В сером платье, украшенном жемчужным колье, в перчатках матери, которые ей не совсем впору, Франсуаза Саган, спокойная и покорная, под взглядами всех этих людей произносит мысленно фразу: «Послушай, это то, что зовется славой». Это длилось только мгновение, и, как ни странно, она испытала лишь мимолетный всплеск удовольствия. Так вот она, слава: вопросы, ответы и лукавое кокетство с правдой.

Рене Жюйар приехал поздно и скромно присутствовал при

первом столкновении своего чудо-автора с прессой. Увидев Роберта Кантерса, одного из членов жюри, он спросил: «Скажите, только без всяких окололитературных соображений, кто голосовал за нее? Молодые или пожилые?»

Зарождавшаяся битва поколений утихла после искусного вмешательства Симоны Дефе и Габриэль Марсель, за которым последовало неожиданное выступление философа в защиту юной романистки, сильно ее удивившее. На следующий день другой член жюри, Эмиль Генрио из Французской академии, посвятил большую часть своего фельетона «Литературная жизнь» роману, получившему премию[150].

«Присуждая премию с двумя голосами преимущества мадемуазель Франсуазе Саган за “Здравствуй, грусть!”, — считает он, — литературные критики, составлявшие вчера жюри, сошлись во мнении относительно таланта автора, но, однако, не в том, чтобы рекомендовать публике аморальную книгу, где блистательно воссоздан образ истинного чудовища. “Здравствуй, грусть!” — маленький шедевр цинизма и жестокости, который даже до Премии стал литературным событием сезона. Жюри Премии критики лишь явилось на помощь успеху, чтобы его констатировать». Ниже Эмиль Генрио вновь подчеркивает важность книги, но опять возвращается к ее шокирующей неординарности: «Неоспоримый талант виден в достоверном воспроизведении внутренней механики персонажей, но от такого безразличия к добру и злу в столь нежном возрасте по спине пробегает холодок даже у того, кто немало повидал и прочел».

Теперь чопорное достоинство академика кажется тем более нелепым, что рядом с ним в жюри Премии критики сидел Жорж Батай, искавший «крайность желания… и мучительную радость», Жан Польхан, написавший предисловие к «Истории О»[151] и Доминика Ори, которой приписывалось ее авторство. С одной стороны, горячий скандал вокруг «Здравствуй, грусть!», с другой — приглушенные разговоры вокруг таинственного произведения, подписанного псевдонимом Полина Реаж.

Франсуаза и Сен-Тропе

Став символом свободной молодежи пятидесятых годов, Франсуаза осталась все той же Кики для своих родителей. В квартире на бульваре Малешерб жизнь не изменилась. Однако теперь много встреч с журналистами, и непрерывно раздаются телефонные звонки Франсуазе. Сначала мадам Куарэ не слишком хорошо восприняла превращение своей дочери в мадемуазель Саган. Когда ее спрашивали, она отвечала: «Вы ошиблись, здесь таких нет!»

Пьер Куарэ, напротив, был в восторге от всей этой суматохи, которая придала его жизни дополнительный колорит. Нельзя сказать, что ему приятно было нарушение домашнего уклада, но превращение дочери в звезду, без сомнения, ему льстило. Он собирал в большой папке для эскизов вырезки из газет и не скрывал отцовской гордости за чудо-ребенка. «В кулуарах представительства Генеральной энергетической компании на улице Боети, — рассказывает Ж.-А. Грегуар, — он ходил со стопкой книжек “Здравствуй, грусть!” и раздавал их своим самым значительным коллегам». По закону он обязан вести дела дочери и подписывать контракты с иностранными издательствами. Франсуаза, только что получившая огромные деньги, спросила отца: «Что мне делать со всеми этими деньгами?» — «В твоем возрасте лучше всего их бросать на ветер». Этот ответ ее успокоил, и, легко потратив вознаграждение за авторские права, она продолжала непринужденно проматывать сотни старых миллионов. Пьер Куарэ рад также нескольким новым друзьям Франсуазы и даже принимает некоторых за семейным столом. Один из самых странных станет известным композитором-авангардистом. Это Мишель Магн, который представляется как «мастер инфразвука». «Испытывайте страх и выражайте свою реакцию на музыкальных инструментах», — просит он своих музыкантов. Вся эта какофония, тоскующее единство разнообразных звучаний, будет записана и повергнет всех в оторопь, огласив зал Гаво 13 июля 1954 года. В двадцать четыре года Мишель Магн вызвал этим невероятным представлением больше свиста, чем аплодисментов, и удостоился статьи в «Пари-Матч». Статья появилась рядом с интервью Франсуазы Саган, взятом в Оссегоре Мишелем Деоном. Дикарка изящной словесности соблазнила юного принца, музыканта-скандалиста.

«Вместе мы на многое способны», — думает Мишель Магн и, не колеблясь, звонит Франсуазе: «Я ваш гениальный сосед по публикации в “Матч”. Моему почтовому голубю нужна голубка».

Чем вызвал любопытство романистки, которая пригласила его выпить на бульвар Малешерб. Молодые люди сразу друг другу понравились, и это вылилось впоследствии в крепкую дружбу и плодотворное артистическое сотрудничество. Среди экспериментальных творений Мишеля Магна был удивительный фрагмент под названием «Самообслуживание», во время которого ударные воспроизводили шум примерно трех десятков бьющихся тарелок.

Этот насмешник, которого Кокто[152] назвал «великолепный сумасшедший», действует, как его музыканты, когда его приглашают на завтрак. У Куарэ он не преминул выкинуть свой обычный номер. Франсуаза предупредила родителей: «Вы увидите, Мишель может совершенно спокойно разбить тарелку о голову». «Это был милый мальчик, немного ненормальный, — говорит Мари Куарэ. — Мы попросили его подождать, пока придет Юлия, чтобы посмотреть, какая у нее будет реакция. А она и глазом не моргнула!» Со временем Юлия научилась принимать невозмутимый вид, свойственный благовоспитанности, и стала воздерживаться от комментариев. Это не мешало ей красноречивым молчанием проявлять свое одобрение или недовольство.

«Однажды вечером, — рассказывает Мари Куарэ, — мой муж вернулся в убийственном настроении. Во время ужина он был угрюм и ни с кем не разговаривал. Вдруг Юлия отказалась ему что-то подать. “Ну вот, у себя дома я или нет?” — воскликнул Пьер и заговорил как обычно, будто ничего и не было. На стенах столовой висели картины Жана Суверби, который выставлялся в большинстве музеев современного искусства. Он должен был украсить настенной живописью на мифологический сюжет фронтон огромного камина в Созаке, где живут дядя Франсуазы Поль Лобард и его жена Лилиан. Там Кики научилась ходить и в первый раз взобралась на лошадь. Хозяин дома был искусным наездником и любил верховые прогулки».

В семье любили живопись и верховую езду. В Сен-Жер-мен-ан-Лайе, где у Жана Суверби была своя мастерская, родители Пьера Куарэ, которые дружили с художником, доверили ему художественное воспитание своей дочери Мадлены. Она обладала талантом, ее ждала блистательная карьера, которой помешала разбившая радужные перспективы трагическая гибель в возрасте двадцати восьми лет. Высокая, худенькая, со светлыми волосами, она таинственным образом исчезла с пакетбота «Л’Иль-де-Франс» посреди Атлантики. Она вышла замуж за канадца английского происхождения, преподавателя греческого, и возвращалась одна из-за начавшихся семейных конфликтов.

Их дочка Франс, которой было два года, в сопровождении своей гувернантки прибыла в Гавр к своему дяде Пьеру Куарэ. Что произошло между небом и океаном во время этой поездки летом 1933 года? Мадлену могла унести в море сильная, захлестнувшая палубу волна, по крайней мере нет оснований утверждать, что буря разразилась у нее в душе. Некоторые из ее произведений украшали квартиру на бульваре Малешерб, и в этих импрессионистских пейзажах совсем не прослеживался мотив такого загадочного трагического конца этой Офелии.

Сюзанна Куарэ училась в Школе изящных искусств в Лионе и пыталась заниматься живописью, но дар Мадлены наследовала в большей степени ее дочь Сесиль. Чтобы спокойно работать, она обновила дом в Кажарке и устроила там мастерскую. Франсуаза же, судя по ее немногим работам, предпочитала примитивизм. Две ее картины удостоились высокой оценки: «Игроки в карты», проданные Дрюо в 1971 году, и «Появление», проданное галерее «Шарпентье» в 1963 году в пользу организации «Исламская молодежь», главой которой была баронесса Алике Ротшильд, стремившаяся облегчить переселение детей в Израиль. Она любила раздавать свои работы друзьям, например Франсуа Гуглиетто, любителю безумных ночей в «Эскинад», баре в Сен-Тропе, перемещавшемся на зиму в Межев. Ему она подарила небольшую картину, изображающую двух игроков в карты за столиком бара «Ле де жэмо»[153].

Бывший распорядитель церемонии дольче вита «Сен-Тропе-де-Пре», по выражению Аннабеллы Бюффэ[154], истинный эксперт в этом вопросе, хранит как реликвии ее картину и десятки фотографий, запечатлевших праздники, шутки, эскапады этих чудесных летних дней в Сен-Тропе. Автор этой удивительной истории, сложенной из негативов, — местный фотограф Жан Апонт.

«Жанно доверяли, потому что он никогда не позволял себе продавать свои фотографии прессе, несмотря на самые соблазнительные предложения, — говорит Франсуаза Саган. — Эта профессиональная порядочность позволила ему присутствовать при незабываемых сценах. Иногда я порядком напивалась и к тому же была не одна…»

21 июня 1956 года «Роллей» Жанно запечатлеет потрясающее событие: Франсуаза празднует свое совершеннолетие в «Эскинад». Она задувает свечи торта между двумя своими преподавателями ча-ча-ча Франсуа Гуглиетто и его приятелем Жаном. Всеобщее веселье, пустые бутылки виски. Это первый летний день, она среди друзей. Здесь ее брат Жак, Анабелла, Мишель Магн, Бернар Франк, Вероника Кампьон, Флоранс Мальро, и Кики чувствует

себя совершенно счастливой. Она подарила себе моторную лодку небесно-голубого цвета и теперь имеет право играть в казино. В празднике принимают активное участие Жорж Кессель, двоюродный брат Жозефа Кесселя[155], Александр Астрюк[156], которого Франсуаза пригласила, чтобы вместе написать сценарий к фильму «Рана и нож» Марселя Ашара[157], с лукавым огоньком в глазах за круглыми стеклышками очков в черепаховой оправе.

Будущий академик, уже известный по пьесам «Хотите поиграть с моа?» и «Жан с Луны», заканчивает писать «Патат», которая станет его самым большим успехом, продержавшись в театре Сен-Жорж целых семь лет. Они с женой регулярно проводят вечера у Франсуазы Саган, которая сняла на площади Анри-Персон трехэтажный дом, возвышающийся над портом Понш. Мишель живет в «Отель де ла Пинед», его жена занимает соседний номер. Ночью она не обращает внимания на шум занавесок у открытого окна. А проснувшись однажды, обнаруживает, что раковина из позолоченного серебра, где она хранила украшения, исчезла. Пропал также кожаный портфель от «Гермеса» с документами.

Как свидетельствует биограф Марселя Ашара Жак Лорсей[158], Джульетта пожаловалась директору отеля, который ей ответил: «Но, мадам Ашар, что вы хотите? У вас такие знакомства!» Комиссар полиции был того же мнения, считая окружение мадемуазель Саган очень подозрительным…

Не слишком взволнованный пропажей драгоценностей жены, Марсель Ашар продолжает писать по десять часов в день. «Чтобы писать, — говорит он журналистам, — мне нужна освещенная солнцем терраса у моря и несколько ночных клубов неподалеку, где можно потанцевать. Я иду в ночной клуб, как на работу. Там я нахожу своих персонажей. Ночь развязывает людям языки, и со мной, похоже, любят откровенничать!»

Расстроенная происшедшим и особенно тем, что постоянные визиты к ней возбуждали всеобщее подозрение, Франсуаза Саган нашла верное средство: виски «Сур» и бурбон с сахаром и лимоном. «Это коктейль, который пьется как молоко», — говорит журналистка Моника Гонтье, присоединившаяся к компании, вопреки возражениям своего мужа, кинематографиста Марселя Паглиеро: «Он не хотел, чтобы меня считали маленькой подружкой-нахлебницей».

Тратя не считая, Франсуаза взяла за правило подписывать любой счет своим именем, часто даже не утруждая себя собственно подписью. Ей случалось иногда оплачивать явные излишества. Получив однажды требование выплатить огромную сумму от владельца ночного клуба, который даже не захотел

выяснить, брала ли она на себя расходы своих друзей, Франсуаза отказалась платить. Ее защищала мадам Франсуаза Жибо, парижский адвокат, биограф Селина, и Франсуаза выиграла процесс, который возбудил неосмотрительный истец.

Ее щедрость по отношению к «своему кругу», однако, осталась прежней, вероятно, из-за обостренного чувства милосердия. Ей хотелось, чтобы люди видели все с хорошей стороны и не обращали внимания на неприятности.

«Она может показаться безумной оптимисткой, — вспоминает Моника Гонтье, оказавшаяся рядом с Франсуазой благодаря Бернару Франку: — Однажды в дождливый день в Сен-Тропе она решила вести себя так, будто погода была хорошей. Мы отправились на пляж и пообедали под зонтиками в клубе “55”. Доказательством ее душевной доброты может служить записка, которую она написала мне много лет спустя, когда я переживала сильный упадок душевных сил. Это было 6 марта 1972 года: “Я, нижеподписавшаяся Франсуаза Саган, подтверждаю, что Моника Паглиеро придет в себя через два месяца от нижеследующей даты”».

«Она интриговала нас своей двойственностью — детскостью, сквозь которую пробивалась женская природа, — замечает Анабелла Бюффе. — Она была одновременно представительницей буржуазии семнадцатого округа Парижа и маленькой крепкой крестьянкой из Ло, она изящно чередовала свои открытия в области запретного с невинными интеллектуальными удовольствиями». Жан-Поль Фор, который сыграл такую значительную роль в жизни Франсуазы Саган, познакомился с ней через Анабеллу, манекенщицу и танцовщицу, чья свадьба с Бернаром Бюффе[159] стала сенсацией. Они были представлены друг другу фотографом «Жур де Франс» Люком Фурнолем в мае 1958 года в порту Сен-Тропе. Обоим показалось в эту секунду, что они созданы друг для друга.

Пораженный Жан-Поль Фор, встречавшийся тогда с Анабеллой, влюбился с первого взгляда, но сердце не считается с разумом. Он и не предполагал, что его первая встреча с Франсуазой Саган станет историей редчайшей любви и дружбы: «Анабелла, которая постоянно мне рассказывала о своей подруге, организовала в ее честь обед. Нас было четверо или пятеро. Приехал Мишель Полак[160]. Франсуаза мне не понравилась. Я счел, что она, скорее, неприятна. А когда мы встретились следующей зимой, между нами пробежали какие-то токи, и мы поняли, что очень близки».

«Время от времени мы ездили на юг», — продолжает Жан-Поль Фор, который вел бродяжническую жизнь. Сегодня у него

была одна любовница, завтра другая… Женщины, алкоголь, наркотики придавали его шумному существованию дополнительный драматизм. Этот неуравновешенный человек, подверженный меланхолии, тоске, безумию, наконец, обладал своего рода самоуверенностью. Рядом в Франсуазой Саган он чувствовал себя успокоенным. Она была глубоко одинока среди своих многочисленных друзей, но излучала любовь к жизни. Сжигающая страсть, которую он почувствовал к этой исключительно умной девушке, сослужила ему дьявольскую службу.

От людских глаз их скрывали горячие ночи в Сен-Тропе, в которые они совершали всевозможные глупости и предавались сладострастию. Для Франсуазы и Жан-Поля это было царство свободы, радости, дружбы. Дом романистки, где собирается вся компания, расположен в местечке Байи де Сюффрен с рядами высоких домов над портом, серых или цвета охры. За ними вился лабиринт узких и извилистых улочек, по которым бродили тощие кошки. Каждый день кто-нибудь приезжал, и всех приходилось устраивать.

Такое тесное соседство дало повод написать Александру Астрюку так: «Я не любил эту атмосферу, где смешивались оцепенение и волнение, эти бесконечные изматывающие ссоры и примирения, разобранные и никогда не убираемые кровати, где спали разнообразные посетители, пребывавшие в невероятной последовательности, для меня необъяснимой, все это напоминало отель, где останавливаются по преимуществу на ночь. Самым удивительным для меня было это горячечное безразличие, своего рода гнетущая скука, искусно поддерживаемая маленькими глотками алкоголя и большими глотками дрожи: впереди смерть, на авто, несущихся прямо в ад»[161].

В сознании всех этих людей утверждалась «Легенда Саган», и главная виновница происходящего ничего с этим не могла поделать. Она зарабатывает много денег, ей хочется их тратить. Она любит праздник, она хочет, чтобы в нем поучаствовали ее друзья. Зачем бороться против общественного мнения, которое основывается на доступной информации. Было подсчитано, что «Здравствуй, грусть!» принесла своему автору 11 кг 400 г вырезок из прессы. Франсуаза сохранила только три, которые, по ее мнению, отражают истину. Одна из истин была услышана журналистом «Пари-Матч» Жаком Борже от самой Франсуазы во время пьяной ночи в Сен-Тропе. Но на следующий день он уже ничего не помнил: все растворилось вместе с винными парами.

Друг Бернар

«Тебе нужно познакомиться с моей подружкой из Сорбонны», — заявила Флоранс Мальро Франсуа Нурисье[162], с которым познакомилась на занятиях по пропедевтике. В 1951 году, когда ему было двадцать три года, он опубликовал свой первый роман «Серая вода», название которого было позаимствовано из «Эпиталамы», романа Жака Шардона[163]. Удачно войдя в литературный мир, он легко нашел общий язык с Франсуазой Саган, особенно если учесть, что он знал наизусть целые страницы из Мальро и Сартра.

Возможно, Фло надеялась, что Франсуа Нурисье заинтересуется рукописью «Здравствуй, грусть!», так как он только что был назначен генеральным директором издательской компании «Деноэль». Сегодня академик и лауреат Гонкуровской премии говорит, что размышлял не слишком долго: «Когда она мне сказала: “Слушай, Франсуаза написала роман”, я посоветовал ей отдать роман своей матери. Спустя пятнадцать дней Клара Мальро сообщила мне, что она просмотрела рукопись бегло, так как в ней много опечаток. Я ответил: “А… Ну ладно”, — и больше романом не интересовался». Но это не помешало ему быть одним из верных ее соратников и сохранить самые радужные воспоминания о молодых годах, проведенных вместе, — о встречах на площадке «Клозери де Лила» или танцевальных вечеринках.

Жак Шардон, который внушил ей надежду на успех, отреагировал на появление романа «Здравствуй, грусть!» следующим образом: «Я прочел на этой неделе роман Франсуазы Саган. Эта девушка хорошего происхождения — из плеяды великих писателей. Ошибки здесь быть не может, это видно, как виден цвет глаз, оттенок кожи; это заставляет сильнее биться сердце. Талант — вещь совершенно уникальная, во всех отношениях блистательная, сияющая, живая, девственная. Талант можно любить или оставаться к нему равнодушным. Если уж талант любят, то безмерно. Эта любовь — суровый приговор.

Эта девушка одарена всем, кроме одного, того, что требует от автора большего жизненного опыта. Когда по ходу действия происходит какое-то событие, мы чувствуем, что она растеряна. Оно плохо вписывается в жизнь, оно иной природы, чем череда жизненных событий; ей очень тяжело создать жизнеподобие в тексте: здесь нужна большая ловкость»[164]. Франсуаза Саган, у которой не было привычки перечитывать свои произведения, перелистывала иногда «Здравствуй, грусть!». «Это просто хорошо

выдуманная история!» — заключает она, сразу замечая глупости и ляпы, которые не бросились в глаза Жаку Шардону.

Ее друг Бернар Франк, писатель, который очень хорошо ее понимал, познакомился с романом, когда еще ничего не знал о его авторе. «Это было в солнечный полдень, в квартире моих родителей, на улице Ваграм, близ бульвара Малешерб. Жерар Мург, державший небольшую книжную лавку “Эссе”, расположенную неподалеку, предложил мне эту книгу. Я прочел ее так быстро, как читают детективы, и нашел, что это неплохо, но скандала не вызовет». Бернар Франк был демонстративно дерзок и амбициозен, словно у него были на то основания. Его любимым занятием было пускать шпильки в адрес литературных знаменитостей, за исключением Сартра, который принял его в «Тан модерн». Его знаменитая статья «Ворчуны и гусары» появилась там в декабре 1952 года. Его эссе «Универсальная география» и большой роман «Крысы», опубликованный в 1953 году, сделали его мессией молодых блистательных мегаломанов.

Жан-Эдерн Галлие[165] попадает на улицу Ваграм благодаря посредничеству их общего друга Франсуа Мишеля[166]. «Когда он стал посещать Саган, я подумал, что он стремится приобщиться к Делли[167] и иже с ними, потом я его не видел», — объясняет он[168]. Но литературный мир узок. Бернар Франк, к примеру, встретил Франсуазу Саган на коктейле в издательстве «Деноэль» на улице Амели. Это было в мае 1954 года, почти сразу после присуждения Премии критиков.

Овеянная свежестью своей едва родившейся славы, юная романистка поддалась шарму этого «необыкновенно умного», как напишет Франсуа Нурисье в «Экспресс», двадцатичетырехлетнего паренька. Представила их друг другу Флоранс Мальро. «Я помню ее аккуратные движения, вежливость во всем, — рассказывает Бернар Франк, который спросил ее, есть ли у нее машина. — Было неподходящее время для поиска такси, и я надеялся, что Франсуаза меня подвезет. Я был слишком тщеславен, чтобы проявить чувствительность к ее успеху, но восхитился тому, как она водит в свои восемнадцать. Для меня, который водить не умел и так и не научился, это было особым шиком — достаточно известная молодая женщина оказалась в роли моего собственного шофера. Напустив на себя необыкновенно милый и опечаленный вид, с которым она обыкновенно разговаривала с таперами, она выразила сожаление, посетовав на недавно случившуюся небольшую аварию».

Франсуаза Саган прочла статью в «Тан модерн», где Бернар Франк окрестил своих молодых современников «гусарами» (Блондэн, Нимье[169], Лоран[170], Деон, Марсо) по названию

романа Роже Нимье «Гусар в голубом». Это обозначение должно было провести черту между писателями нового поколения и старой школой, олицетворяемой в значительной степени Морисом Баррэ[171], «этим огромным исхудавшим вороном», склонным к позерству и любителем сценических эффектов. В конце статьи Франк ругал Мальро, который, по его словам, «с безумным взглядом вопит в зале Плейель». Бесцеремонность по отношению к автору «Условий человеческого существования» смущала Франсуазу, и потребовалось время, чтобы она привыкла к насмешливому тону этого вдохновенного молодого человека.

Бернар Франк сам решает возобновить знакомство с Франсуазой Саган, прочтя статью в «Пари-Матч» о каникулах в Оссегоре. Желая снова издавать «Ревю Бланш», который некогда выпускал Леон Блюм, он понимает, что неплохо было бы привлечь к сотрудничеству Франсуазу. К тому же из статьи он с удивлением узнает, что они провели каникулы в двадцати километрах друг от друга. Под воздействием нахлынувших чувств, страдая от одиночества, он принялся сожалеть о том, что не навестил свою соседку. «Я немного пофантазировал, — говорит он. — В любом случае, она мне напомнила по телефону о нашей встрече на коктейле в “Деноэль”. Я ей предложил дать свои тексты, или, что было бы еще более желательно, дать согласие на сотрудничество. Она сразу же согласилась и приехала обсуждать проект ко мне на улицу Ваграм».

Как бы ни был невозмутим Бернар Франк, даже он удивлялся этой худенькой девушке, ставшей знаменитой с первой книги и водившей «ягуар». Она предложила ему спуститься посмотреть на свою машину, припаркованную около отеля. «Мы прокатились. Я ее проводил к другу, у которого в Нелли был собственный отель», — говорит Бернар. Рядом с Франсуазой, искусно и свободно управлявшей автомобилем, жизнь казалась веселой, случиться могло все, что угодно, и все, что угодно, могло уладиться. «У меня было впечатление, что она отчаянно старалась не соскучиться». Это соответствовало его собственной философии, о которой можно судить по фразе из «Кипучего века»: «Нет нужды заставлять меня признаться в том, что самое неприятное для меня — это знать из абсолютно надежного источника, что однажды меня больше не будет».

Проект обновления «Ревю Бланш» окончательно провалился из-за издателя Жан-Клода Фаскеля. «Проект был зарублен Ги Шеллером, игравшим заметную роль в “Ашетт”, который, явно чтобы утешить Саган, женился на ней два года спустя», — утверждает Бернар Франк в «Плате». Как ни была Франсуаза расстроена неудачей проекта, она могла утешаться тем, что

приобрела настоящего друга и что была по-настоящему увлечена идеей участия в этом предприятии.

Сильная привязанность, которая навек связала Франсуазу Саган и Бернара Франка, расцвела на почве взаимного восхищения. Она продлилась больше четверти века, и даже теперь, когда времена изменились, их объединяет молчаливый тайный сговор. После появления «Платы» она так высказалась о человеке, который был с нею и в горе, и в радости: «Вот человек, который не уважает ничего, ни с чем не соглашается, ни перед чем не преклоняется, кроме своей страсти к литературе, образованности и приверженности к худшему. Бернар Франк — единственный писатель из тех, кого я знаю, который постоянно подвергается критическим нападкам — это забавно и жестоко одновременно. Но в каждой из его книг есть несколько персонажей, которые могли бы принести ему успех. Даже для случайных критиков он представлял собой редкое явление, которое нельзя было не признать уникальным, рассматривая его в ряду собратьев по перу»[172].

Но этот уникальный писатель, на ее взгляд, был бы очень плохим мужем. «Бернар, — говорит она, — собственник, ревнив и авторитарен». После чего Франсуаза прибавляет: «Пусть лучше мои мужья и друзья сами на нем женятся». Это было перед их разлукой, когда Бернар в конце концов женился на журналистке из «Пари-Матч» Клодине Вернье-Паллие, дочери французского посланника в Вашингтоне.

Степная крыса, зябнущий крот — образы, которые он чаще всего принимал в отношениях с Саган, городской интеллигентной мышке, нашел, против всякого ожидания, и кров, и любящее сердце. И, чтобы поддержать пламя семейного очага, развил бурную деятельность в прессе, сначала в качестве хроникера в «Матэн», затем в «Монд»[173], о котором неожиданно сказал несколько добрых слов в одном интервью[174]: «Это наша единственная газета. Жида как-то спросили, кто является самым великим поэтом Франции, на что он ответил: “Увы, Виктор Гюго”. Увы, или нет, но “Монд” — самая крупная газета Франции».

Его собеседница, журналистка и писательница Анник Желль, под конец встречи спросила: «Как бы вы охарактеризовали себя?» Ответ Бернара Франка: «Человек, который в двадцать лет счел, что нашел себя в литературе, которого безумные годы выбили из колеи, но который вновь обрел свой путь и понял, что это не имело большого значения».

Дети века

«Она в самом деле мила, эта малышка». Ее еще и отлично упаковали. Жорж Бельмон, главный редактор «Пари-Матч», пожелал видеть у себя в редакции, на улице Пьер-Шаррон, молодую незнакомку, которую к нему направила Иветта Бессис. Пресс-атташе Жюйара, упиравшей на малолетство Франсуазы, удалось заинтересовать журналиста, всегда готового ухватиться за сенсацию, особенно в области литературной жизни. Статья появилась в начале раздела «Женщины и мужчины» под названием «Роман “Здравствуй, грусть!” открыл восемнадцатилетнюю Колетт»[175]. Маленькая фотография Франсуазы за печатной машинкой была помещена рядом с текстом в тридцать четыре строки, заканчивавшимся пламенной похвалой: «Родилась исключительная романистка, быть может, новая Колетт, судя по ранней зрелости ее романа».

В 1954 году еженедельник Жана Прувоста[176] приобрел международную известность, которая поставила его почти на уровень с журналом «Лайф», его американским аналогом. Франсуаза Саган не ожидала подобной рекламы, тем более что предложение Мишеля Деона опубликовать ее интервью в журнале отвергли. Но в редакции часто действуют по настроению, и несколько позже Жорж Бельмон выпускает эту статью, а в июле Деон делает репортаж о Франсуазе и ее каникулах на баскском берегу. Сравнение с Колетт — лишь способ привлечь внимание, поскольку с литературной точки зрения они не схожи.

Но в момент выхода «Здравствуй, грусть!» пресса нуждается в ориентирах, чтобы высказать свое мнение. Кстати, нечто подобное предвидел месье Кальве, преподаватель словесности в школе «Гаттемер». Его коллега, которая вела уроки математики, высказала в радиопередаче[177] свое отношение к лучшей ученице: «Пропустите ее к доске почета, прошу, она отмечена свыше, я в этом уверена. Она станет новой Колетт».

И та и другая рано написали свои первые романы, и многими чертами (например, любовь к природе и животным, тонкий писательский дар, независимость мысли) писательницы походили друг на друга. Однако Франсуаза Саган очень далека от Колетт с ее пышным стилем, который перестает быть вычурным лишь в угоду точности. «Ее первая книга повергла критиков в недоумение и заставила их признать, что ее выгодно отличает родство с автором “Клодины”, — замечает Жорж Гурдэн[178]. — Однако ничего подобного нет… В противоположность Колетт, она не распахивает ставни в спальне, где дремлют, обнявшись,

любовники, чтобы впустить в комнату солнечный свет, ветер, ароматы сада, запахи соседнего леса».

Романы Франсуазы Саган призваны выразить то, что нас действительно трогает. И если уж устанавливать литературные параллели, то скорее в голову придет Альфред де Мюссе[179]. Их объединяет общность сознания и удивительное стилистическое сходство. В предисловии к переписке Жорж Санд[180] и Альфреда Мюссе[181] Франсуаза говорит о своем отношении к поэту:

«Я в тысячу раз больше люблю изменчивого, беспокойного, сумасшедшего, бесшабашного, пьяного, яростного, все преувеличивающего, инфантильного, отчаявшегося Мюссе, чем мудрую, предприимчивую, добрую, сердечную, милосердную и старательную Санд. Я отдала бы все ее произведения за одну его пьесу: в Мюссе есть какая-то благодать, безнадежность, легкость, порыв, непринужденность, которые меня будут восхищать всегда в тысячу раз больше, чем ум, рассудочность и мирная поэтика Санд…»

Однако образ «доброй дамы из Ногана» перекликается в чем-то с ее собственным, и это сходство позволило ее друзьям, приезжавшим к ней в Нормандию, звать ее «доброй дамой из Онфлера», а ей писать о Жорж Санд по отношению к Мюссе: «Она страдала от любви, она страдала от дружбы, она страдала от уважения, она страдала от всего, что я люблю и чем восхищаюсь, а он страдал от того, чего я боюсь и презираю, но иногда ощущаю»[182].

Их болезненные отношения нашли отражение в романах Саган: время неумолимо, и чувства персонажей ослабевают. Возьмем, к примеру, ее третий роман «Через месяц, через год», название которого позаимствовано из «Береники» Расина: «Что будет с нами через месяц, через год, коль за морями жизнь без вас полна невзгод…»[183]Случай, желание, амбиции, жалость заставляют двигаться этих несчастных марионеток. На вечере у Малиграсов Жозе, стоящая рядом с Бернаром, смотрит на Жака: «Однажды вы его разлюбите, — тихо произнес он, — и я вас тоже наверняка разлюблю. Мы вновь будем одиноки, и все будет, как прежде. Позади останется еще год.

— Я знаю, — сказала она.

Она украдкой нашла его руку и сжала, не поворачивая к нему головы.

— Жозе, — сказал он, — это невыносимо. В чем мы все провинились?.. Что с нами произошло?.. Что все это значит?

— Не стоит задумываться об этом, — нежно произнесла она, — иначе можно сойти с ума»[184].

Такова безнадежная, но не жалостливая философия этих

«детей века». Персонажи Жорж Санд и Мюссе создавали много шума и проклинали богов; герои Саган констатируют без горечи, не стараясь защититься, неизбежность Времени. Этот вечер у Малиграсов напоминает утро князя Германта в «Обретенном времени» Марселя Пруста. Франсуаза Саган часто бывает на разных вечеринках и умеет наблюдать. Будь то генеральная репетиция или модный коктейль — от нее не ускользает ничего. В том числе на коктейле, данном Рене Жюйаром и совпавшем по времени с первыми неделями ее успеха. Жорж Бельмон запомнил, как она с отсутствующим выражением вглядывалась в проходивших мимо:

«Она обладала непринужденной скромностью, и ее глаза не теряли ничего, ни одной крошки от спектакля. Иронию она принимала за иронию, насмешку за насмешку. Но, Господи! Уже! Уже она была одинока! Одинока оттого, что на нее смотрели не так, как ей хотелось. Одинока оттого, что не могла дать этим людям право себя судить»[185]. Но иногда ей случалось встретить незнакомца, с которым ей хотелось дружить. Так, в «Галлимаре» в конце сентября 1955 года она заметила молодого американского студента Гальвэя Киннеля. Живя в Париже в течение полутора месяцев, будущий лауреат поэтической премии Пулитцера[186] получал стипендию и работал над переводом Франсуа Вийона[187]:

«Меня попросил сопровождать его к Галлимару мой друг, французский журналист. Там была вечеринка на открытом воздухе по случаю приезда Уильяма Фолкнера. Перед буфетами толпились сотни приглашенных. Там была вся литературная элита Франции. Альбер Камю, которому я немного помог в качестве переводчика во время его разговора с Фолкнером, был несколько смущен и сказал, перефразируя его “Реквием по монахине”: “Я фермер, я не интеллектуал”. В этой толпе Франсуаза олицетворяла неожиданную свежесть. В ней была чистота, которая сразу же произвела на меня сильное впечатление. Когда я заговорил с ней, я не знал, что это новый Радиге, которого только что открыла Америка.

Мы тут же почувствовали внутреннюю общность. Франсуаза попросила меня позвонить ей в день, когда она предполагала закончить свой новый роман[188]. Это был ответ профессионала, и это особенно меня поразило. Потом она пригласила меня поехать в Сен-Тропе в ее “ягуаре”. Так как я не мог отправиться немедленно, мне пришлось присоединиться к компании позднее. До Лазурного Берега я добирался автостопом».

Для молодого Гальвэя встреча с Франсуазой Саган повлекла большие изменения в жизни. Он родился в Новой Англии,

получил суровое пуританское воспитание, живет в Париже в крохотной комнате и вынужден экономить на всем. И вдруг оказывается в среде беззаботных и жизнерадостных людей, где благодаря доброй фее Франсуазе невозможное обретает все более отчетливые горизонты. «Франсуаза царила в этой компании. Ее личная свобода стала нашей. Было достаточно, чтобы она сказала: “Вечером мы едем в Швейцарию или в Италию”, чтобы мы собрались и отправились. Для меня, человека, вышедшего из среды, где придерживались суровых нравов, это было просто поразительно. Все это на меня очень сильно повлияло, и тогда у меня открылся дар понимать многие вещи».

Гальвэй Киннель с простодушием смотрит на всех этих юношей и девушек, которые так нетерпеливо рвутся жить. Время принадлежит им. Сен-Тропе оглашен смехом поколения, которое пытается забыть о пустоте существования. Франсуаза Саган олицетворяет страсть этих детей века, опьяняющих себя до глухоты, до головокружения. В тот же год хрупкая и блистательная Брижит Бардо стала легендой благодаря фильму «И Бог создал женщину…», первые кадры которого были сняты на пляже бухты Канебьер.

На пляже «Салин», рядом с судоверфью, Франсуаза случайно встретилась со страстной Джульеттой, дикаркой из фильма Роже Вадима. Романистка и актриса выгуливали там своих собак. Первая — немецкую овчарку по кличке Попов, вторая — Клоуна, черного кокера. Молодые дамы поприветствовали друг друга и обменялись несколькими фразами. «Она весьма сдержанна и какие у нее красивые волосы!» — скажет Франсуаза. Брижит прочла «Здравствуй, грусть!» и отметила выдающийся ум автора, ее впечатление было таким: «Она вся в завитушках, даже ее мысли».

Несмотря на эту взаимную симпатию, они так и не сойдутся. Ни Франсуаза, ни Брижит не испытывали желания поддерживать более тесные отношения. Они встречались иногда у общих знакомых, но никогда не стремились видеться чаще. Случай несколько раз сводил их в Сен-Тропе или Париже. Тем не менее Брижит Бардо пригласила Франсуазу Саган на свое сорокалетие, отмечавшееся в клубе «55», на пляже «Пампелон», где впервые летом 1964 года родилась мода обнажать грудь. Десять лет спустя скандальный пляж вновь обрел покой. Мир тогда жаждал экзотики. Это десятилетие было временем далеких путешествий, интереса ко всему азиатскому.

Кинозвезда, только что простившаяся со съемочной площадкой, собрала в этот день своих друзей по Сен-Тропе. Были приглашены Пиколетта, бывшая жена Пьера Брассёра, владевшего

в Гассене модным рестораном «О катр ван», архитекторы Клод Шовен и Роже Геррера, художник Винсент Ру, Франсуа Гуглиетто. Франсуазу Саган сопровождал ее второй муж Боб Вестхоф, с которым она только что развелась, но еще не успела окончательно разойтись, и подруга Франсуаза Жанмэр. Сияющая Брижит Бардо появилась в обществе Лорена Верже, своего тогдашнего шевалье. Сорок погасших свечей именинного торта символизировали погасший свет рампы и софитов феноменальной артистической карьеры.

В честь этого события Франсуаза приняла участие в создании фотоальбома Гислена Дюссарта, посвященного его приятельнице[189].

«В 1954 году, — пишет она, — нужно было быть добродетельной, и Бардо такой не была. В 1975-м — беспутной, такой Бардо тоже никогда не была. Она не знала ни той, ни другой крайности. Как всякое разумное существо, она не имела ничего общего с христианской цивилизацией и ее запретами и одновременно — с ее деструкцией и ненавистью к этим запретам. Брижит — это женщина, которая хорошо себя чувствовала в теплой воде Средиземноморья на протяжении двадцати лет и продолжает все так же хорошо там себя чувствовать. Это также женщина, которая любит, когда обретенные мужчины и потерянные собаки кладут ей голову на плечо. Это женщина, которая всегда была и остается ослепленной кинокамерой в буквальном смысле: “слепить глаза невыносимой для них вспышкой”.

Она дитя своей судьбы, озаренной фотовспышками, населенной звездами и редкими животными, но еще в большей степени она обязана своей жизнью инстинкту самки, от природы удивительно свободной в своих побуждениях…»

Этот «исторический» день рождения станет также для Франсуазы Саган и Брижит Бардо днем серьезного разговора. Еженедельник «Жур де Франс»[190] дал романистке задание интервьюировать знакомую по Сен-Тропе, с которой она до сих пор обменивалась лишь улыбками, короткими приветствиями, незначащими фразами. Их беседа очень скоро стала носить дружеский характер. Перескакивая с одного на другое, они обнаружили между собой много точек соприкосновения, что позволило Франсуазе сказать:

«Это забавно, мы одинаково судим о стольких вещах… На самом деле мы обе ужасно разумные… Может, потому, что мы получили буржуазное воспитание?»

«Это правда, — отвечает Брижит. — Я знаю, что я трезво смотрю на вещи. Иногда я говорю себе, что эта простота немного

смешна, несовременна, но делать нечего, я такая. Признаюсь, я не понимаю: зачем разрушать себя постепенно? Лучше сразу покончить с собой. Наркотики — это медленная смерть, тотальное рабство, а я вообще не выношу быть рабой чего бы то ни было, кроме любви… Я дорожу любовью человека, которого люблю.

— Я тоже… Уже сорок, да?

— Да, и в сорок всё вот так!

— Сорок после сорока…

— И это не мешает любить жизнь: бокал, глоток красного вина. Вещи, о которых даже не хочется говорить, так они просты».

В том же духе и с той же откровенностью кинозвезда и писательница обсудили другие вопросы, в том числе и личные. «А ты помнишь плохое? — спрашивает Франсуаза.

— Нет, к счастью нет, — говорит Брижит. — Ну смотри, например, я расстаюсь с мужчиной или мой приятель бросает меня или исчезает, ну что ж, я всегда вспоминаю приятные моменты, пережитые с ним. Больше ничего.

— Избирательная память. Оптимистично. Кстати, а как ты прекращаешь отношения? Я всегда расстаюсь в “Липп”.

— Это снобизм!

— Нисколько. Я очень романтична. Когда ты заходишь в “Липп”, слева есть столик, который…

— Так значит, если ты идешь обедать в “Липп” с каким-нибудь Жюлем, он должен себя спросить: “Что же она мне сейчас скажет?”

— Да нет, я и просто так туда хожу обедать… Ну так вот, ты устраиваешься за этим столиком и начинаешь разговор. Ты нервничаешь, но мимо проходят люди, говорят: “Здравствуйте!”, “Как дела?”, что-нибудь подобное. Это отвлекает от темы, и все происходит без драм. Я в таких случаях всегда боюсь. А ты?

— Я ужасно боюсь. Я терпеть не могу расставаний, я думаю, что такого вообще не должно было бы существовать. Это грустно, противно. Только без этого!..»

У Франсуазы Саган не было привычки расставаться за столиком ресторанчика «Липп», когда проходящие люди своими приветствиями разряжают обстановку и смягчают шок. Она вспоминает, например, как рассталась с мужчиной у дверей его дома на улице Драгон в Париже и никогда больше с ним не встречалась. В чем была его вина?

«Просто в том, — говорит она, — что он жил на пятом этаже в доме без лифта! Конечно, это прихоть, но я себе сказала: “Господи, да это будет настоящий ад, если я влюблюсь в этого человека”. Каждый раз подниматься так высоко… какой кошмар!»

Приехав к первому снегу в Межев с компанией друзей, Франсуаза получила телеграмму от издательства «Жюйар». Пресс-атташе Иветта Бессис телеграфировала: «Просьба срочно вернуться в Париж для интервью журналу “Лайф”. Прибыли журналисты. Ваше присутствие необходимо». Автор романа «Здравствуй, грусть!», которая только что провела замечательный день, катаясь на лыжах в Монт д’Арбуа, ограничилась следующим ответом: «У меня каникулы. Бесполезно зарабатывать деньги, если невозможно их тратить».

Несмотря на этот протест, Франсуаза, не склонная к слепому подчинению, делала порой то, что ей говорили. «Очаровательный монстр», о котором говорил Франсуа Мориак, заинтриговал американскую прессу. За океаном ее называли «Мадемуазель Тристес»[191]. В апреле 1955 года вместе со своей сестрой Сюзанной она поднялась на борт «Супер Констеллясьон», взявшего курс из Орли на нью-йоркский аэропорт Айдлевайлд. Путешествие с остановкой в Кандере, на острове Новая Земля, продлилось шестнадцать часов сорок пять минут.

Несмотря на утренний час, Елена Гордон-Лазарева в сопровождении Ги Шеллера приехала ее встретить у трапа самолета.

Осенью 1954 года она уже отправляла Франсуазу на Средний Восток делать репортаж для декабрьских номеров «Эль». Франсуаза Саган в ореоле своей едва родившейся славы переживала тогда роман с фотографом Филиппом Шарпентье. Этот высокий блондин, который часто впадал в угрюмое настроение и обладал живым воображением, сопровождал ее через Иерусалим, Дамаск, Бейрут и Багдад. Это путешествие навело бы на них тоску, если бы не ощущение, что это своего рода каникулы. Из Ливана Франсуаза написала Веронике Кампьон:

«Эта страна в самом деле потерянная. Кажется, что ты в Эстереле… Филипп пьет больше меня, ест тоже больше, но ненамного, водит быстрее меня “плимут”, который мы арендовали. Он очень милый и нежный. Ему двадцать четыре года, и он издевается над литературой. Саган далеко. Я купаюсь и катаюсь на водных лыжах (теперь очень хорошо), утром мы фотографируем кедры, после полудня ослов, вечером пьем, танцуем, носимся по дорогам, как здешняя пресыщенная молодежь. Все это чудесно…»

Елена Лазарева была весьма разочарована последовавшим в

итоге посредственным результатом. Франсуаза и Филипп были заняты более интересными вещами, чем наблюдения за жизнью стран, через которые пролегал их путь! Журналисты, приехавшие расспросить чудо-писательницу о путешествии, остались внакладе.

«Первое, что я увидела — внешние образы, — говорит она, — потом я попыталась почувствовать человеческие взаимоотношения, но за такой короткий срок это невозможно».

Но Нью-Йорком Елена Лазарева осталась довольна. Журналисты забросали гостью вопросами:

— Что вы думаете об американских мужчинах?

— Подождите, я только что приехала!

— Вы пережили все любовные сцены, которые описаны в вашей книге?

— Если бы все писали только о лично пережитом, ни один романист не описывал бы смерть.

Ее меткие замечания, чувство юмора быстро снискали ей симпатию прессы. Один из корреспондентов «Франс-суар»[192] Даниэль Моргэн, живший на 89-й улице, между Парк-авеню и Мэдисон-авеню, организовал в ее честь пати и пригласил в Гарлем, воспользовавшись своими хорошими отношениями с чернокожей певицей Эдной Мае Робинсон, женой великого чемпиона по боксу Рэя Сюгара Робинсона.

Франсуаза Саган танцует буги-вуги и мамбу в «Палас», огромном задымленном дансинге, рассчитанном на пять тысяч человек. Ги Шеллер ведет ее в джаз-клуб «Смол Парадиз», где музыка заставляет ее сладостно трепетать. Ее наперебой приглашают на коктейль. На знаменитом благотворительном балу «Эйприл ин Пэрис», который прошел в «Вальдорф-Астории», самом большом отеле мира, она появилась в платье из белого кружева. Постоянно осаждаемая журналистами, девятнадцатилетняя романистка удивила их на этот раз определением, которое она дала замужеству: «Свадьба — это в некотором роде конец каникул».

На следующий же день эту фразу подхватила пресса, а сердцеед Ги Шеллер, с улыбкой прочитавший ее утром, тогда понятия не имел, насколько тесно однажды коснется его это соображение. Пока он предпочитал легкий флирт, не обременяя себя заботами о будущем. Он с удовольствием играл роль кавалера хорошеньких женщин, например актрисы, снявшейся в фильме «Кармен Джонс», Дороти Дандридж, певшей тогда в ночном клубе, расположенном на 14-м этаже «Вальдорф-Астория».

В этом огромном отеле, настоящем маленьком городе, консул

Франции граф Лагард дал парадный обед в честь Франсуазы Саган, в несколько дней ставшей любимицей «всего Нью-Йорка». В огромном приемном зале собралось около пятисот человек. Орсон Уэллс[193], он же Чарльз Фостер Кан, председательствовал на банкете. Волей-неволей голова пойдет кругом.

Во время десерта измученная Франсуаза сказала сестре, что хочет пойти подышать. Именно в этот момент консул решил произнести свою речь, в которой не преминул сравнить автора романа «Здравствуй, грусть!» с Колетт. «Когда он повернулся к Франсуазе, ее место было пусто, — рассказывает Сюзанна Куарэ. — Я растерялась: нужно было быстро дать объяснения этим людям. “Скажите, что она плохо себя почувствовала”, — шепнул мне консул, приглашая меня подняться. Едва я начала говорить, как зал разразился овациями. Совершенно потеряв голову, я замахала руками, чтобы предупредить недоразумение, но это оказалось бесполезно. Даже мои соседи приняли меня за Франсуазу».

Сидя у себя в номере «Отель Пьер», Франсуаза Саган беспокоилась, что же будет дальше. Приемы и интервью сменяли друг друга в совершенно безумном ритме.

«…Дни мои были расписаны до минуты, и я усердно играла роль учтивой каторжанки. Мой английский соответствовал уровню экзаменационных отметок на степень бакалавра — 7–8 баллов, а потому неизменно оставался вежливым, но бесцветным. И лишь спустя две недели я заметила, что допускаю ляпсус, постоянно присовокупляя к автографу слова, как мне казалось, любезные: “with all my sympathies”, что по-английски означает: “примите мои соболезнования”, а вовсе не “с чувством симпатии”, как я обычно выражалась, обращаясь к своим читателям-французам»[194].

На грани срыва Франсуаза Саган звонит подруге Флоранс Мальро, прося ее приехать к ней возможно скорее. «Это было что-то вроде SOS, — говорит Флоранс. — Она мне послала авиабилет. Когда я вошла в ее номер в “Отель Пьер”, она лежала на кровати свернувшись, словно маленький измученный зверек. Она попросила меня взять ее за руку. Этот город одновременно и восхищал и пугал ее».

«Нью-Йорк шокировал меня, — сказала она Даниэль Моргэн[195]. — Это необыкновенный город, который не похож ни на один другой. Живой город… настолько живой, что люди в нем кажутся мертвыми…»

В фотоальбоме, посвященном Нью-Йорку, она описала самый большой мегаполис Соединенных Штатов:

«Это созданный город. Ни один город не кажется таким

совершенным, настолько неподвластным случайному. Это упорядоченное исступление. Проспекты словно вырезаны ножом, мосты одним махом кинуты через две реки, Гудзон и Эст Ривер. Прямота дорог и монотонное движение транспорта. Небоскребы, великолепные щеголи, поражающие дерзостью и спокойствием, скрещивают свои тени на склоненных головах ньюйоркцев.

За три недели был построен сорокаэтажный дом, олицетворяющий совершенное соединение многочисленных металлических конструкций. В Нью-Йорке могли бы позабавиться титаны Античности. Перешагнуть через Рокфеллер-центр, перепрыгнуть, подобно мостам, через реки, поиграть в кубики из знаменитых домов. Столько великолепных развлечений! Но титанов больше нет, есть индивидуумы ростом метр семьдесят, которые безнадежно пытаются воспользоваться созданным ими самими комфортом — автомобилями, лифтами, всеобъемлющей и сумасшедшей организацией жизни.

Это красивый город, он сияет на солнце, он давит небо поверхностью своих стен, топит в реке свои тени. Это город, который просыпается под шум машин и топот гигантской толпы пешеходов. Подобной этой картине нет: Нью-Йорк, море, лес, этот отпечаток гордости, застывший в каменных ликах-изваяниях».

Чтобы избежать стресса в этом безумном ритме, Франсуаза Саган отправится исследовать покоривший ее город в обществе жизнерадостной Флоранс Мальро. «В Гарлеме, — вспоминает Флоранс, — нас принимали за близнецов. Литературный критик “Нью-Йорк тайме”, директор рекламной службы издательства “Дюттон”, проводил нас в модные магазины».

Она посетила с Франсуазой Мексику, но не поехала во Флориду[196] на встречу с Теннесси Уильямсом[197], творчество которого романистка ценила очень высоко.

«В день моего прибытия, — расскажет Франсуаза Саган писателю Жаку Турнье[198], — Теннесси приехал ко мне в отель с одним из своих друзей, Фрэнком Мерло. За ними я заметила очень высокую женщину в бермудах, которая мне улыбалась. Меня поразили ее глаза, очень большие, красивые, голубые и блестящие. У нее был взгляд ребенка, горячий и потерянный. Она в самом деле была потерянная. Она проводила дни в лодке Теннесси или на пляже, под зонтиком…»

Эта странная женщина — Карсон Маккаллерс[199], которую сделал знаменитой ее первый роман «Сердце — одинокий охотник». После самоубийства мужа в ночь с 18 на 19 ноября 1953 года Карсон была настолько обессилена и одинока, что почувствовала дыхание смерти. Франсуаза Саган увидит ее опять несколько позже в пригороде Нью-Йорка. Флоранс Мальро,

которая присутствовала при встрече, запомнила взгляд, с которым они смотрели друг на друга:

«Франко, итальянец, друг Теннесси Уильямса, переводил, но выражение их глаз, отражавших равную силу духа, было красноречивее слов». Карсон и Франсуаза поняли друг друга сразу. Казалось, это две близкие подруги, встретившиеся после долгой разлуки. Шестнадцать лет разницы в возрасте не были заметны, тем более что американская романистка выглядела младше своих лет, несмотря на перенесенные страдания.

Обеих после молниеносного успеха первой книги стали узнавать на улицах, обеим пели дифирамбы критики, и обеим была свойственна та ясность сознания, какая рождается от душевной чистоты. Во время этой встречи бремя их одиночеств сказывалось в той глубокой тоске, которая пряталась под личиной смеха, как у вечного скитальца и ночного гуляки Теннесси Уильямса.

Автор «Стеклянного зверинца», «Трамвая “Желание”», «Татуированной розы», «Кошки на раскаленной крыше», «Ночи Игуаны» также нашел с Франсуазой много общего. Когда она приехала в Кэй Вест, драматург высказался так: «Я спрашивал себя, что, если бы на следующее утро я нашел ее за своей пишущей машинкой, в экстазе с сумасшедшей скоростью набивающей новый рассказ! Так нет! На следующее утро она загорала и купалась».

Потом, как рассказывает Франсуаза в автобиографической повести «В память о лучшем», Теннесси Уильямс будет появляться в ее жизни как воплощение мрачности или как красноречивый собеседник, в любой момент готовый рассмеяться, смотря по обстоятельствам. Они виделись в 1971 году в Париже, куда он приехал на премьеру в театре «Ателье» своей пьесы «Сладкоголосая птица юности», переведенной Франсуазой Саган и поставленной Андре Барсаком, с Ядвигой Фёйер в главной роли. Спектакль его восхитил: «Мне очень понравилась постановка “Сладкоголосой птицы юности”. Ядвига Фёйер великолепна! Перевод Франсуазы Саган очень поэтичен, она придала прозрачность всему тяжелому в моем тексте»[200].

Чтобы не подвести Теннесси Уильямса, романистка работала усерднее, чем над своими собственными текстами. Княгиня Космонополис, падшая актриса, которая отдается молодым любовникам, — это персонаж ее плана. Ей было легко управляться с двумя-тремя героями, но она успешно ввела более пятнадцати и воскресила к жизни старую голливудскую знаменитость.

В новелле «Жиголо» она обращалась к этому типу стареющей

женщины, которая нуждается в юных любовниках, чтобы забыть о своем одиночестве, и живет в постоянной ностальгии по удовольствиям. Вспоминается также образ Дороти Сеймур, которая говорит о себе: «Ах! Я не могу выразить, как прекрасна жизнь, когда мы любим ее. Прелесть дней, ночная дрожь, голова кружится от алкоголя, от удовольствия, нежные звуки скрипки, возбуждение от работы, ощущение здоровья, это невероятное счастье проснуться и ощутить себя живущей, увидеть все это время перед собой, весь этот гигантский день, предназначенный нам прежде, чем сон заставит нас замереть до нового пробуждения»[201].

Авария

Это случилось в воскресенье за городом. Было пасмурно, серое небо не располагало к тому, чтобы покинуть изысканно отделанную мельницу «Кудре», которую Франсуаза Саган арендовала у кутюрье Кристиана Диора, недалеко от Милли-ля-Форэ. Но тем не менее 14 апреля 1957 года после полудня она села в свой открытый «астон мартин», купленный по случаю и присоединившийся к «ягуару», «бьюику» и «гордини», составлявшим ее «конюшню». Роже Нимье[202] разбился насмерть на восточном шоссе в ночь с 28 на 29 сентября 1962 года на такой же машине. Любопытно, что Жак Шар-дон в письме, которое он отправил 29 апреля 1957 года Нимье, своему постоянному корреспонденту, отметил следующее: «Моран[203] покупал ужасные машины Саган. Но он умеет водить. Он всегда очень внимателен за рулем». По этому поводу писал и автор «Спешащего человека»[204]: «“Астон мартин” — замечательные машины… Спортивные, но четырехместные покупать не нужно. У меня в 54–55 годах была такая двухместная. У них задняя часть слишком легкая на поворотах больше 140˚, потому они хоть и часто занимают места на гонках, но редко бывают первыми».

Романистка пригласила на обед театрального режиссера Жюля Дассэна[205] с женой, актрисой Мелиной Меркюри[206], и литературного агента Алана Бернгейма с супругой Маржори. Жюль Дассэн предупредил по телефону, что задерживается из-за проколотой шины, и просил садиться за стол без него. Но Франсуаза предпочла отправиться к нему навстречу вместе с Бернаром Франком, Вероникой Кампьон и Вольдемаром Лестьеном, репортером из «Франс-диманш».

«Пежо 203» Жюля Дассэна застрял недалеко от Корбея. После взаимных приветствий все отправились к мельнице. «Астон мартин» на большой скорости исчез из виду. Несколько минут спустя произошла катастрофа. «Мы ехали еще не слишком быстро, когда машину начало заносить», — рассказывает Вольдемар Лестьен, который сидел впереди между Франсуазой и Вероникой, Бернар Франк расположился на заднем сиденье.

Машину резко занесло, она перевернулась набок и покатилась в придорожную канаву, остановившись в засеянном поле почти в вертикальном положении передним ветровым стеклом к земле. От удара троих пассажиров выбросило, а Франсуаза, вцепившаяся в руль, осталась внутри. Жюль Дассэн, Мелина Меркюри, Алан Бернгейм и его жена оказались, естественно, первыми, кто попал на место происшествия.

«Мелина и Маржори побежали к дороге голосовать проезжающим машинам. Многие остановились оказать помощь. Все вместе мы с трудом подняли “астон мартин”. Франсуаза была без сознания. Казалось, она получила сильный удар слева в голову, из носа у нее текла кровь. Я делал ей искусственное дыхание несколько минут», — рассказывает Алан Бернгейм.

Вероника Кампьон получила перелом тазобедренного сустава, Бернар Франк сломал правую руку, а Вольдемар Лестьен повредил лицо. Он казался самым тяжелым пострадавшим, его вместе в Франсуазой тут же отправили в больницу в Корбей в полицейском фургончике: «Мы все лежали на носилках. Франсуаза не двигалась, язык высунулся у нее изо рта, в уголках губ застыла розовая пена. Это было ужасно, мне показалось, что она уже мертва. В эту секунду я подумал о любви, которую к ней испытывал. Сидя рядом с ней в машине, я обнимал ее за плечи, когда произошло несчастье. “Я буду последним, кто сжимал ее в объятиях”, — подумал я в приступе гордости».

История его страсти к Франсуазе тесно связана с его репортажем об авторе романа «Здравствуй, грусть!». «Это было зимой, она жила у больной гриппом Флоранс Мальро, ухаживала за ней, — вспоминает Вольдемар Лестьен. — Я сидел у кровати на полу: “Что вы делаете завтра?” — “Я еду писать книгу в дом, который мне одолжили, рядом в Мил-ли-ля-Форэ”. — “Я еду с вами”. — “Если вы боитесь холода — то там нет отопления”. — “Это не имеет значения, я поеду с вами”.

Я вернулся девять месяцев спустя. В каминной трубе была очень плохая тяга, приходилось по утрам разбивать лед.

Мы жили, как свернувшиеся рядом клубочком котята. Ей было 20 лет, мне 22. Много спали, читали, разговаривали, катались в ее огромном открытом “бьюике”. Дефицит бензина, последовавший за суэцким конфликтом, заставил меня запасаться горючим у отца Франсуазы, на его заводе в Аржантейле.

Однажды утром я узнал, что мы переезжаем на мельницу Кристиана Диора. Там вечером перед потрескивавшим огнем камином она мне сообщила, что решила выйти замуж за Шеллера. Я мгновенно собрал вещи и вышел на дорогу к последнему автобусу до Парижа. Вернувшись домой, я сказал себе, что Франсуаза не замедлит мне позвонить. Но нет, звонка не было. Ее молчание длилось несколько месяцев». По горькой иронии, она позвала его провести уик-энд на мельнице, где должны были присутствовать также Жюль Дассэн и Мелина Меркюри, Жак Куарэ, Вероника Кампьон, а также Бернар Франк. Не хватало только Флоранс Мальро, которая лежала больная дома.

Для писателя Бернара Франка это приглашение явилось также причиной сердечных переживаний, так как он не питал особой приязни к Ги Шеллеру, своему обольстительному сопернику, который отдалил его от подруги: «Франсуаза возобновила со мной общение благодаря мадам Бланш, хозяйке “Бар-бак”. В бистро пробежал слух, что я тяжело болен, настолько, что, возможно, вообще не встану. Я пострадал от сильного отравления и лежал на тюфяке в больнице в Божоне, поскольку там не было мест. Франсуаза мне прислала телеграмму: “Дорогой мой, приезжай отдохнуть в деревню”. Вот так после месяца, проведенного в больнице, я на три недели попал в клинику Сен-Клу, время от времени наведываясь с ночевкой на мельницу».

В Корбей Франсуазу привезли в очень тяжелом состоянии. Настолько тяжелом, что к ней прибыл священник для исповеди. Жак Куарэ, обеспокоенный тем, что «астон мартин» никак не возвращается, взял «ягуар» и, увидев на дороге перевернутую машину сестры, понесся в больницу. Дежурного врача не оказалось на месте, и найти его не удалось. Тогда брат Франсуазы набрал номер одного из своих друзей, хирурга. К счастью, он оказался у себя и играл в карты со своим знаменитым собратом, специалистом по нейрохирургии.

Они тут же прибыли к находившейся при смерти Франсуазе. Было принято решение немедленно перевезти ее в клинику Нелли. Уверенности, что она вынесет переезд, не было. «Я ехал на “ягуаре”, освобождая дорогу машине скорой помощи, — рассказывает Жак Куарэ. — При въезде в Париж меня сменили двое полицейских на мотоциклах». Родителей Франсуазы не успели предупредить. Пьер Куарэ находился в деловой поездке в Италии и узнал о случившемся из огромного заголовка в газете, которую развернул его сосед по купе. Его жена, которая уехала в Кажарк, оставив квартиру на бульваре Малешерб на попечение преданной Юлии, получила известие также совершенно случайно, как и отец Франсуазы:

«Я ехала в 83-м автобусе, между площадью Терн и площадью Италии. На остановке “Гобелан” вошел господин с газетой, в которой описывался несчастный случай». От заголовка у нее сжалось сердце: «Франсуаза Саган: прогноз не известен в течение 48 часов». Это ожидание для всех: близких, друзей, приятелей, знакомых, безымянных поклонников, как, например, гонщик-велосипедист, который ей прислал жестяной образок с изображением Девы Марии. Люди затаив дыхание ждали бюллетеней о здоровье пациентки из палаты 36. Сведения о ее состоянии печатали в газетах, передавали по радио и

телевидению во всем мире.

Медики диагностировали деформацию грудной клетки и сотрясение мозга. Вспоминали Джеймса Деана, погибшего в 1955 году в возрасте двадцати четырех лет за рулем своего «порше» несколько дней спустя после окончания съемок своего третьего фильма «Гигант». На первой странице «Монд»[207]была опубликована статья Жоржа Гурдэна «Несчастье и жажда жизни», где он сравнивал романистку и актера, «которые в своем искусстве, в своем отношении к жизни воплощают то, что можно назвать болью юности».

То, что «юные члены “Клуба Франсуазы Саган” в Милане решили арендовать машину, чтобы проехать по дороге, которой везли их раненого идола, выразить свое уважение и оставить цветы», очень символично. «Жизненные невзгоды, — подчеркивает Жорж Гурдэн, — порождают безумную любовь к скорости. Франсуаза водит с босыми ногами, “чтобы лучше чувствовать автомобиль”. Джеймс Деан целует фары только что купленного “порше”, в котором он вскоре погибнет».

Она водила босиком

О том, что она водила босиком, написал один из ее друзей, журналист Поль Жианолли. Он выдумал это, создавая миф об эксцентричной Саган, чье имя провозглашал олицетворением виски, ночных клубов, спортивных машин, дольче вита в Сен-Тропе. В действительности этим она совершенно не отличалась от большинства людей, проводивших отпуск у моря, — она вела босиком, возвращаясь с пляжа, так как между пальцами ног застревал песок. «Я никогда не думала, — говорит она, — когда ехала так, о чем-то вроде того, чтобы слиться в единое целое с автомобилем!»

«Есть игра, от которой я прихожу в безумный восторг. Ночью, около трех часов, мы с братом — он в “ягуаре”, я в “гордини” — отправляемся на площадь Сен-Сюльпис. Мы несемся рядом под сто и тормозим в последнюю секунду».

Это признание Франсуазы Саган в интервью на радио в 1956 году плеснуло масла в огонь. Правда это или нет, неизвестно, поскольку на ночной шум в квартале никто не жаловался. В любом случае слова вызвали бурную реакцию.

«За рулем я чувствую себя звездой», — говорил Джеймс Деан. Молодая романистка за рулем своего авто, без сомнения, ощущала нечто подобное. Как большинство своих персонажей, Франсуаза Саган водила быстро. Флора, героиня «Неподвижной грозы»[208], где действие происходит в XIX веке, тоже летит во всю прыть в своей двуколке:

«Два английских рысака, черный и белый, две великолепные полукровки, прибывшие прямо из Англии, неслись во весь опор. Она правила уверенной рукой, волосы разметались, глаза горели от удовольствия, и весь силуэт ее казался скорее юношеским, чем женским».

Перед глазами встает Франсуаза. Пошла бы она на риск ради нелепого пари? В пригороде Сен-Тропе, недалеко от «Таити-пляж», она была свидетельницей бессмысленных дуэлей. «Мерседес 500 SL» Гюнтера Сакса и «феррари» Роже Вадима. «Это что-то вроде русской рулетки на колесах, — заметил однажды Вадим[209], — но без единого шанса выжить». Франсуаза выступала в роли арбитра в этом состязании, состоящем максимум из трех туров, вместе с Кристианом и Сержем Маркандом, Морисом Ронэ и Марлоном Брандо, которого очень ценила:

«В нем столько шарма. Несколько лет назад меня попросили написать серию статей о нем. Но его это очень тяготило и меня

тоже, в итоге мы развлекались, вместо того чтобы работать».

Их объединяло нечто большее, чем дружеская близость. Они оба принадлежат к той породе творцов, которые бросают вызов будущему, не боясь риска, идя навстречу опасности. «Когда я думаю о Марлоне и Франсуазе, — говорит Александр Астрюк, — мне всегда приходит мысль о некой тайне дарования, которой они себя, как и Фицджеральд, считали обязанными в смысле необходимости самовыражения».

В Голливуде, на обеде у продюсера Сэмюэля Голдвина Франсуаза Саган познакомилась с Марлоном Брандо. «Я помню, там были также Чарльз Бауэр и Далио, знаменитые во Франции», — рассказывает Бруно Морель, сопровождавший в поездке автора романа «Здравствуй, грусть!». Он практиковался в Соединенных Штатах в качестве инженера, в 1955 году ему было двадцать пять лет. Позволив себе отдохнуть, он сопровождал Франсуазу в качестве переводчика и просто приятеля.

«В Америке тогда с моралью не шутили, — уточняет романистка. — В Голливуде с этим было строго. Чтобы ночевать в одном номере, мы поехали в Малибу, что-то вроде борделя с экзотическим интерьером, я помню, там на стенах висели шкуры пантер».

Молодые люди вместе ездили на съемки фильма Сесили Б. Де Миль «Десять заповедей», заехали в Лос-Анджелес и там решили вдруг купить Бернару Франку костюм. «Мы ему позвонили из ресторана в Париж, чтобы узнать его размер», — говорит Бруно Морель. Его путешествие с Франсуазой продолжилось экскурсией в пустыню (Мертвая долина), верховой поездкой в Большой каньон Колорадо, в Аризоне, и прогулкой по Лас-Вегасу, городу игр, где Кики с азартом испытывала судьбу на игровых автоматах.

Южного шоссе тогда еще не существовало. Они отправились на юг по «Нэшнл 7», описанной Шарлем Трене. Девятьсот километров извилистой дороги Франсуаза обычно преодолевала за десять часов: выезжая из столицы в сумерках, ранним утром она оказывалась уже в Сен-Тропе. Обычно ее сопровождал брат и несколько друзей, которые кое-как за ней поспевали. Встречались все на пляже в Пампелоне, в этот час почти пустом, еще до открытия «Эскаль» и «Сенекье».

«Я езжу, как скорая помощь», — говорит Франсуаза. Иначе говоря, быстро и не раздумывая. Ее отец, любивший большие машины и быструю езду, научил ее водить очень рано. «Он сажал меня на колени, когда мне было восемь лет, а я во время этой игры даром времени не теряла: водительские права я получила в восемнадцать и два дня».

В Париже романистка пользовалась маленьким «остэне». С

невероятным оптимизмом Франсуаза всегда старается поставить машину именно рядом с тем местом, куда приезжает. Когда места нет, она пытается все же припарковаться поблизости, рискуя, что дорожная служба эвакуирует ее машину на прицепе. Она предсказала Сартру, что обед, на который они шли, окажется неудачным, когда он поставил машину очень далеко от ресторана. «Эта осмотрительность позволила ей сделать вывод, что вечер пройдет скверно. Так и случилось. Ничего себе критерий!» — сказал однажды Сартр со своим резким металлическим смешком[210].

По случаю Франсуаза приобрела также «мерседес 450» и старый «бьюик» в 37 лошадиных сил, который окрестила «пипет»[211] из-за того, что он потреблял невероятно много горючего: «Эта какая-то фантастическая машина — кажется, будто ты в лодке! Верх открытый: едешь, ветер свистит»[212]. Эта красивая голубая американка часто ломалась и несколько месяцев простояла в гараже в районе Онфлера. Франсуаза смогла наконец оплатить расходы по ремонту и забрать ее после выигрыша в картэ. «Мерседес» тоже был не в самом лучшем состоянии, но для путешествий подходил лучше всего. Завод «Ситроен» одолжил ей и еще примерно двадцати избранным людям спортивный «АХ», который ей очень нравился. Но все три машины были восьми — пятнадцатилетней давности выпуска.

Однажды на станции обслуживания по дороге в Нормандию романистка заметила, что покрышки колес ее машины стерлись, и попросила их заменить. Когда все было готово, мастер сказал ей, что заменил также камеры. Франсуаза Саган оставила очень большие чаевые. «Если он меня обманул, его замучают угрызения совести», — сказала она своей спутнице, писательнице Бригитте Лозерек. Когда ее останавливали за превышение скорости, часто до предъявления документов дело не доходило, ее спасала известность: вместо штрафа она оставляла автограф.

Первое замужество

«Если ты поправишься, я на тебе женюсь». Она лежала без сознания. Ги Шеллер пообещал ей это, склонившись над застывшим в гримасе боли лицом Франсуазы. Директор по спецпроектам издательства «Ашетт» узнал о несчастном случае из радиопередачи. «Я отправился прямо в клинику Нелли, — рассказывает он, — и провел там всю ночь вместе с Жаком Куарэ».

В выносливости романистки есть что-то невероятное. Выйдя рано утром после этой жуткой ночи из палаты, ее брат вздохнул с облегчением. «Она меня узнала», — сказал он Ги Шеллеру, сидевшему на скамейке в коридоре. После полудня, когда врач делал энцефалограмму, Франсуаза Саган произнесла слабым голосом: «Меня больше не возьмут». — «Водить?» — спросил практикант. «Нет, оперировать мне аппендицит». Она перенесла эту операцию три года назад.

Очнувшись, Франсуаза не смогла вспомнить аварию. Когда ей рассказали, что случилось, первой реакцией было: «Я никого не убила? Кто пострадал? Флоранс была в машине?» С отцом она старалась шутить: «Ты меня предупреждал, что у меня будут неприятности с “гордини”. Видишь, пап, оказалось с “астон мартин”».

В это воскресенье на дорогах Франции погибло 8 человек, 33 были ранены. Шеф жандармерии Корбея скрупулезно подсчитал, что «астон мартин» проехал по канаве двадцать три метра, затем подпрыгнул и приземлился еще через три метра шестьдесят два сантиметра. Его заключение: «Это банальная авария». Ничем не выделялись из общего ряда и те, в результате которых погибли романист Жан-Рене Гугенэн и Роже Нимье, и та, что погубила Альбера Камю 4 января 1960 года. От этой банальности к горлу подкатывает ком. Бедная маленькая Франсуаза Саган, уцелевшая в этот уик-энд, познала самое мучительное испытание в своей жизни.

«Франсуаза терпела мучения с замечательным мужеством, — говорит Анабелла Бюффе. — Но после пережитого она изменилась. Наркотические средства, которые ей пришлось применить, чтобы облегчить страдания, сделали ее сознание более уязвимым». Во многом причиной ее физического перевоплощения стало испытание одиночеством.

«Когда очень плохо, — говорит романистка, — мы всегда одиноки. Даже люди, которые любят вас очень сильно, ничего не могут для вас сделать. Этот несчастный случай научил меня по

крайней мере одному: в определенный момент я почувствовала, что я абсолютно одна на свете».

Свою первую прогулку после выздоровления она совершила в сквере Ларошфуко, недалеко от квартиры на улице Бак, которую ей оставил Алан Бернгейм, уехавший в Соединенные Штаты. Она спустилась с третьего этажа, опираясь на руку друга, и с трудом нашла в себе силы идти, преодолев боль. Но какой это был прогресс по сравнению с днем, когда она поднялась с постели! Она никогда не предполагала, что ее тело может отказаться ей повиноваться. Всем своим существом она двигается к стулу, однако ноги не слушаются ее. Франсуаза падает и в одну секунду осознает тщетность своих притязаний. Необыкновенная молодость и феноменальный успех — ничто не предвещало несчастья, как она себе могла бы его представить. Упав у подножия кровати, молодая романистка внезапно почувствовала эфемерность счастья, или, точнее, неуязвимости, ощущение которой она себе создала.

Чтобы окончательно поправиться, она уехала в гости к Рене Меру, принадлежавшему к деловому миру. Он одолжил ей свой дом в Боваллоне, в заливе Сен-Тропе. Ее сопровождала Анабелла. Подруга была внимательна и преданна. Иногда ей приходилось вставать ночью, чтобы положить компресс на ноги Франсуазе, которую часами мучили невыносимые боли. «Она тушила окурки о голую пятку, чтобы показать мне, насколько потеряла чувствительность», — рассказывает журналистка Марлиз Шеффер. Когда романистке замечают, что ей очень повезло, что она выкрутилась, в ответ она говорит об обездвиженной жизни, к которой она оказалась приговорена, и цитирует Шамфора[213]: «Господи, избавь меня от физических мучений, я согласна терпеть духовные».

Летом 1957 года друзья едут на юг навестить ее. Они берут билеты на поезд, она собирается встретить их на вокзале Сен-Рафаэль. Приезжает Жан Фор. «Я привез теннисную ракетку, — говорит он. — Мы с Франсуазой играли на частном корте возле дома каждый день. Скорее всего, ей удалось выжить благодаря ее хорошей спортивной форме. Врачи были в этом убеждены».

Журналистка из «Экспресс» Мадлена Шапсаль беседовала с ней в начале сентября. Встреча[214] состоялась по случаю выхода в свет романа «Через месяц, через год», изданного тиражом в двести тысяч экземпляров. На вопрос: «Что вас привлекает в жизни?» — она ответила: «То, что стоит муки жить. Это литература. Люди, которых мы любим, которые нам нравятся… физическая общность между мной и внешним миром».

Роман был посвящен Ги Шеллеру, который провел десять

дней в Боваллоне перед сафари в Кении. Она называла его «мой самый большой друг». В редакциях и на городских обедах ходили слухи об их свадьбе. «Мама первая удивилась бы, если бы прочла в газетах ложную новость о моем замужестве. Нет ни роз, ни фаты…» — говорит она Иву Сальгю, спросившему ее об этом по телефону[215].

Опровержения Франсуазы Саган никого не обманули, тем более что Ги Шеллер дал подтверждение из Кении. Он не отказывается от своего обещания, но не хочет менять своих привычек. Стать «Господином Франсуазой Саган» не в его духе, и отлично, что она никогда не станет мадам Ги Шеллер, супругой делового человека, даже если речь идет о парижанине до кончиков ногтей и мужчине, с которого можно писать героя романа. Но жребий был брошен. Слухи о свадьбе подтвердились в момент выхода «Через месяц, через год», что обрадовало Рене Жюйара. Ничего лучше нельзя было и желать при выходе книги в свет, хоть помолвка и обсуждалась уже несколько месяцев.

За неделю до свадебной церемонии в мэрии Батиньоль, которая должна была объединить столь разные судьбы, они на короткое время расстались. В основном из-за Франсуазы: она нуждалась в том, чтобы отдалиться прежде, чем произнести свое «да» официально, перед служащим мэрии семнадцатого округа и услышать в ответ изысканное: «Мадам, я надеюсь, что теперь вы загадочно улыбнетесь и скажете ни на месяц и ни на год: “Прощай, грусть”».

Вместе с братом Жаком она колесит по Италии и вечером звонит из каждого города, где они останавливаются, своему будущему мужу. Связь плохая, голос на другом конце провода едва слышен, она уже выпила три или четыре коктейля. Ги Шеллер начинает беспокоиться о Франсуазе, которая едва различимо бормочет в трубку, что все хорошо и что она скоро приедет. «Мы ехали поездом до Неаполя, — говорит Жак Куарэ. — Нас охватила какая-то эйфория. Я заставил ее поклясться, что она больше не будет играть в карты, а сам пообещал отказаться от автомобильных гонок. Мы были очень счастливы и не хотели возвращаться».

«В день свадьбы, — добавляет он, — у меня в кармане лежала виза Венесуэлы, я собирался уехать туда жить».

Забавно, что накануне церемонии Франсуаза Саган звонила сестре и нескольким друзьям и говорила, что, подумав, решила не выходить за Ги и уезжает с братом. «Все были потрясены, — вспоминает Франсуаза. — Но никто мне не сказал: “Это шутка”. Мне поверили».

Согласно желанию обоих свадьбу отпраздновали в очень

узком кругу. Некоторую нервозность придавало присутствие двухсот фотографов, которых пропускали в мэрию маленькими группками… Они пренебрегли обычаем и отказались рассыпать зерно. Журналисты усердно ходили за ними по пятам днем и ночью с той секунды, когда о предстоящей свадьбе было объявлено официально. Такова плата за известность. Ги Шеллера, который вел довольно спокойную жизнь, собственные фотографии на первых страницах газет скорее шокировали.

Подобная показуха была не во вкусе Ги Шеллера, однако присутствие журналиста Пьера Лазарева, ожидавшего сенсации, кажется, утверждало обратное. Отнюдь не вступая в сговор с дьяволом, респектабельный директор издательства «Ашетт», в обязанности которого входило поддержание отношений с издательством «Галлимар», таким образом выражал лишь дружеское расположение к могущественному директору «Франс-суар». Поскольку последний симпатизировал Франсуазе и, собственно, именно у него в кабинете она познакомилась с Шеллером, его присутствие в числе очень немногих гостей было естественно. В сопровождении свидетелей, брата Жака со стороны Франсуазы и издателя Гастона Галлимара[216] со стороны Ги Шеллера молодожены, еле слышно пробормотав «да», выходят из мэрии без колец, потому что попросту забыли их купить. Еще более удивительно, что Ги не включил имена Пьера и Мари Куарэ и своей собственной матери в список приглашенных.

Список, впрочем, состоял всего из дюжины имен. Из мэрии все отправились в Лувесьен, в ресторан «Грий Руаяль», принадлежавший Лазаревым, где состоялся обед, приготовленный знаменитым благодаря телепередачам поваром Раймоном Оливье. Кроме хозяев дома присутствовали: Софи Литвак, жена театрального режиссера Анатоля Литвака[217], Итье дё Рокеморель, администратор издательства «Ашетт», Франсис Фабр с супругой, адвокат Альберт Абдесселям, член французской делегации в ООН, его коллега Жером Сорвейн, журналисты и писатели Франсуа и Жак Галл.

Все — частые гости «Грий Руаяль», очаровательного местечка, принадлежавшего некогда графине Дю Барри. Вокруг раскинулся парк с озером, где плавали утки, настолько большой, что Париж казался где-то совсем далеко и не был слышен шум восточного шоссе. У супругов-журналистов собирались в этот воскресный день весьма респектабельные гости. Они непринужденно принимали министров, артистов, писателей, кинозвезд, банкиров, крупных промышленников. В погожие дни общество перемещалось в Лаванду, на виллу «Фосетт», выстроенную на скалистом мысе по распоряжению Елены Лазаревой. Рядом был

причал, где стояли лодки ее друзей.

В августе 1957 года это местечко стало съемочной площадкой для экранной версии романа «Здравствуй, грусть!». Фильм снимал Отто Преминжер[218]. Главную роль играла Жанна Себерг. Права на съемку Рене Жюйар продал за пять миллионов старых франков затеявшему этот проект продюсеру Рэю Вентуре. Через посредничество Алана Бернгейма последний осуществил самую блестящую сделку в своей карьере, получив за них, в свою очередь, от американцев из Колумбии чек на шестьдесят миллионов. Сообщение об этой сделке Франсуаза восприняла со своей обычной флегматичностью, но урок так и не был ею усвоен.

Экранизации «Здравствуй, грусть!» и особенно «Смутной улыбки», которую снял Жан Негулеско[219], оказались не слишком удачными:

«Я была ошеломлена, когда это увидела. Особенно второй фильм, это просто катастрофа. Я вернулась в зал, там стояла Кристина Каррэр с какой-то глупой улыбкой, а Рос-сано Браззи ловил пескарей на пляже у “Карлтона”, в Каннах… Лучше всех получился “Любите ли вы Брамса..”, который сделал мой друг Толя Литвак»[220].

Она написала постановщику «Рва со змеями» и «Анастасии» о том, что довольна:

«Дорогой Толя,

Мне хотелось бы тебя поблагодарить за фильм “Любите ли вы Брамса..”. Он мне очень понравился.

Париж там прекрасен, люди нежные, как я и ожидала. Они все трое играют замечательно. Потом я уже пожалела, что все так плохо заканчивается, — но это моя ошибка. Короче, я на два часа совершенно забыла, что сама написала эту историю, что эти имена мне родные, я не знаю, что лучше этого я могла бы тебе сказать.

Поль, Симона, Роже[221] обрели облик, жесты, ту реалистичность, которую мне, быть может, в меньшей мере удалось выразить.

Я благодарю тебя и целую».

Анатоль Литвак пригласит романистку сняться в сцене в ночном клубе в Булонской студии. Она танцевала в объятиях Саши Дистеля. Отто Преминжер ей предложил роль Сесили, когда искал исполнительницу для съемок «Здравствуй, грусть!». «Вы что, смеетесь?» — ответила Франсуаза Саган постановщику, который уже предвкушал успех предприятия.

Забыв об этой безумной затее, он обращается к Одри Хепберн, сыгравшей Жижи, правда, не совсем в духе авторской интерпретации. Актриса была шокирована сюжетом и сказала,

что никогда не возьмется за такой аморальный сценарий. Тогда совершенно отчаявшийся Отто Преминжер обращается к Елене Лазаревой-Гордон. Она организует конкурс в «Эль». Роже Нимье и Морис Гудекет, бывший муж Колетт, составлявшие жюри, выбрали из полученных журналом пятнадцати сотен фотографий Мижану Бардо, сестру Брижит.

Но Отто Преминжера не устроила ни одна из кандидаток, он отказался от проекта и отправился на поиски Жанны д'Арк для фильма, который он хотел снять по пьесе Бернарда Шоу. Будущую звезду он нашел в Чикаго: это была восемнадцатилетняя Жанна Себерг, дочь фармацевта и учительницы из Маршаллтауна в Айове. Она прочла «Здравствуй, грусть!» и почувствововала, что Сесиль ей очень близка. Не колеблясь, Отто Преминжер отдал ей роль. Она снялась в роли святой Жанны, а потом превратилась в циничную одинокую девушку из «Здравствуй, грусть!». Отца, Реймона, и его возлюбленных, Анну и Эльзу, сыграли Дэвид Нивен, Дебора Керр и Милена Демонжо.

В Нью-Йорке фильм провалился. «Жанна Себерг так же похожа на французскую нимфу, как стакан молока на анисовый ликер», — иронизирует критик «Нью-Йорк геральд трибьюн». Но этим и ограничивается, быть может, потому, что она будет продавать эту газету на Елисейских Полях в фильме «На последнем дыхании» Жана-Люка Годара[222]. Настоящую героиню Саган она открыла, вероятно, влюбившись в парижского адвоката-стажера Франсуа Морея[223].

Когда она отдыхала на варском побережье в гостях у промышленника и мецената Поля-Луи Вэйе, молодой человек ей однажды сказал: «Здравствуй, счастье». Через два года они расстались.

Искусственный рай

«Авария произошла в апреле, а совсем поправилась я только в октябре. Болезнь — это серьезное испытание…» Несколько месяцев Франсуазу Саган мучил полиневрит, нервное воспаление. Она сильно страдала от болей и вынуждена была каждый день принимать морфин, точнее, его редкий суррогат под названием пальфиум 875.

Ей делали уколы по рецепту доктора Шварца, который писал медицинские хроники под псевдонимом Медикус. «Ей необходимо было принимать пальфиум каждые три часа, — говорит Жак Куарэ. — Скупив все, что мог, в парижских аптеках, я отправился в Бельгию. Если бы таможенники обыскали на границе мой “ягуар”, то наткнулись бы на кучу ампул под капотом. Ради сестры я пренебрегал опасностью быть обвиненным в перевозке наркотиков».

Через четыре месяца Франсуаза попала в зависимость от лекарства и обратилась в клинику в Гарше, к доктору Морелю. Там она пробыла недолго и написала дневник, который опубликовала семь лет спустя под названием «Отрава» [224] с угловатыми рисунками Бернара Бюффе. Доктор Морель предлагал своим пациентам самим отвечать за свое выздоровление, усилием воли заставляя себя увеличивать интервал между наркотическими уколами.

Это было похоже на танталовы муки — не уступать искушению, держа вожделенную ампулу в руке. Однажды Франсуаза написала так: «Понедельник: я провела три часа без ампулы. Я думаю, это событие». Постепенно она избавилась от власти пальфиума:

«Я безнадежно пытаюсь себя не обманывать, но только я об этом подумаю, все начинается заново. Единственный выход — ждать, когда действительно станет больно. А не нервничать безумно, как сейчас. Я наблюдаю за собой: я похожа на животное, которое подстерегает другое животное во мне».

Это было тяжелое испытание, которое она старалась вынести, несмотря ни на что, делая записи в свой дневник:

«Вторник: кажется, что становится все труднее и труднее. Сегодня я с утра задыхаюсь. Надо держаться. Мысли непрерывно прыгают. Снимать телефонную трубку, держаться мужественно, спокойно объяснять что-то — все это решительно невыносимо. Они сделают что-нибудь? Что-нибудь, что отдалит момент, когда нужно будет уезжать. Все, что я делаю для себя и против себя, это ужасно».

Эта страшная борьба выразилась также в строках, порожденных этими выматывающими внутренними терзаниями:

«Когда нам некого больше целовать, когда одиночество напоминает работу, которая никому не нужна, жизнь становится грустной.

Снова пошел дождь… Сигарета выпала и покатилась по подоконнику. Я не шевельнулась, подождала, пока она остановится вдруг на краю пропасти, будто застыв от восхищения, неподвижная. Любопытно. Если хорошенько подумать, я всегда такая, только не в машине…

Мне было шестнадцать лет. Мне исполнилось шестнадцать лет. Я больше никогда не буду шестнадцатилетней, хотя я чувствую свою молодость. Я в самом деле не состарилась, я ни от чего не отказалась. Я научилась вытворять разные штуки, научилась трюкачеству.

Черный автомобиль несется вперед, в шуме мотора есть что-то родное, что-то дружественное. Чересчур длинный «ягуар», немного тяжеловатый «астон», мне так жаль вас потерять после того, как я чуть не потеряла из-за вас себя».

В дневнике Франсуазы Саган существуют персонажи со странными именами: Веринок и Аннибал. Первый — завуалированный образ Вероники Кампьон, вышедшей замуж за журналиста Рено Винсента. Под вторым именем скрывается Анабелла. «Когда люди пьют, — объясняет она, — то видят розовых слонов. Я слышала что-то о значении своего имени, которое напоминает о генерале Ганнибале и его знаменитых слонах».

«Аннибал и Веринок только что уехали, — записывает Франсуаза. — Веринок весела и великолепна, я ее люблю. Антуан и Аннибал имеют счастливый вид. Я предпочла бы оказаться в их такси. Раньше я делала то, что хочется, теперь нет ничего неприятнее».

Когда она пишет «Антуан и Аннибал имеют счастливый вид», это — не о Бернаре Бюффе, который еще не знал тогда Анабеллу; Антуан — это сеттер, которого Саган подарила подруге, но художник и собака не ужились, и Анабелле пришлось с ней расстаться.

Однажды в состоянии депрессии решив, что больше не сможет влюбиться, она пишет:

«Я знаю, что теперь мне остается: влюбиться в себя, ухаживать за собой, загорать, накачивать мускулы, беречь нервы, делать себе подарки, смущенно улыбаться своему отражению в зеркале. Любить себя. Вероятно, прохожий в 1958 году остановит это медленное движение к шизофрении. И, вероятно, это будет…»

Романистка не напишет имен Ги Шеллера и Бернара Бюффе.

При всем при том Франсуаза никогда не забывает о смысле своего существования: литературе, ее истинной страсти, которую она будет испытывать до последнего вздоха.

«Быть может, я должна была бы заняться какой-нибудь другой литературной работой, не этим дневником. Новость? Да что там! Я могу придумать тридцать начал и ни одного конца. “Лежащий человек” — это было бы неплохо, или “Вечеринка”. Иначе говоря… Я предпочла бы писать об Испании, о кровавых поединках, или о Флоренции времен Борджиа, но нет.

Моя область — это примерно так: “Он налил в чашку кофе, в кофе налил молоко, положил сахар и так далее”.

Грустная повседневность, Превер, Бюффе, наша дорогая эпоха. Сартр, человек ни милый, ни злой, и как в этом жить? Тоска по прекрасной любви, которая спрятала голову под крыло. Что о ней можно узнать и зачем пытаться и т. д.?»

«Есть одна вещь, о которой мне обязательно надо сказать, — добавляет она наконец, — это то, что я постепенно привыкла к мысли о смерти, что она стала для меня почти обыденной, — это вполне приемлемый выход, если я не поправлюсь. Это пугает меня и отвращает, но я думаю об этом каждый день, и я думаю даже о том, как это привести в исполнение, если никогда… Это было бы грустно, но необходимо, я не могу так долго себя обманывать. Убить себя… Слава Богу, что мы можем иногда побыть одни…»

В качестве средства от неврастении и тоски наркотики приносят облегчение, даже оказывают терапевтический эффект, но в любом случае это не победа над болезнью, это проигрыш, отступление, сдача позиций. По этому поводу Франсуаза Саган высказалась со всей откровенностью[225]: «Люди принимают наркотики, потому что жизнь убийственно скучна, все ужасно надоедливы, нет ничего позитивного, стремиться не к чему. Не хватает задора. Люди чувствуют между собой и жизнью что-то вроде слоя ваты. Одно только я нахожу приемлемым — чтобы скрыться от жизни умно — это опиум.

Это умный наркотик. Опасный, конечно, но жизнь, которая сама по себе приближает к смерти, тоже опасна. Я не верю в творческий потенциал наркотика, он вам мешает писать. Вы всегда говорите себе: завтра. Поколение писателей, которое предшествовало нашему, страдало алкоголизмом, это — наркотиками… Очевидно, что очень трудно творить в стране, где все регламентировано, где факт человеческой индивидуальности уже есть вызов обществу. Я думаю, что каждый должен делать то, что он хочет, что я никогда не буду судить тех, кто принимает

наркотики.

Когда я чувствую себя плохо, когда я теряю надежду, я иногда пью. Я бросаюсь ко всему, в чем заложена экстравертность, ищу в себе то, что толкает нас к другим людям. Виски бросает вас к другим, а опиум обращает к одиночеству.

Совершенно очевидно, что жизнь теперь мучительна, что мы нуждаемся в чем-то, что было бы между нами и жизнью. Я не знаю, почему людей сажают в тюрьму из-за того, что они курят гашиш. Это нормальные люди, просто необычные».

От Бодлера[226] до «блаженного поколения», через Аполлинера, Арто[227], Мишо[228], Роже Вайана, Андрэ Мальро, писателей которые рискнули стать этими другими, часто в наркотическом опьянении. В наркотическом путешествии наедине с собой есть что-то завораживающее. Но наркотик настолько сильно захватывает того, кого коснется, что не стоит делать поспешных выводов.

Об этом написано в «Душе, покрытой синяками», где она, прерывая повествование, говорит от своего имени слова, которые критика обошла вниманием:

«Ни один мой герой не принимает наркотиков. До чего я устарела. Но если задуматься, становится просто смешно: сегодня, когда рухнули все табу, в том числе самые грозные, когда секс во всех его проявлениях превратился в источник легальных доходов, когда обман, воровство, мошенничество стали банальны, как пошлые анекдоты, люди негодуют, сталкиваясь с наркоманией.

Хотя, конечно, они громогласно заявляют, что алкоголь и табак — те же наркотики, если не более опасные. Что ж, в кои-то веки соглашусь с мнением компетентных лиц, ибо мне немного знаком мир тех, кто “сидит на игле”. И я понимаю, что это лишь один из тысячи способов порвать с этим миром, но какой ценой и кровью! Об этом свидетельствуют наглядные примеры, которыми пестрят пресса и телевидение, и в этих примерах почти всегда больше правды, чем в абстрактных рассуждениях. Между опустившимся, грязным, едва держащимся на ногах веселым пьянчугой… и худым, одиноким молодым человеком, запершимся в комнате и дрожащей рукой вонзающим иглу шприца в исколотую вену, — целая пропасть, и пропасть эта — отсутствие “других”: алкоголик пьет при свидетелях, наркоман прячется; так что я не буду ни восхвалять увлечение спиртным, ни обрушиваться на наркотики во имя некоей морали, меня волнует лишь одно — весело или грустно лицезреть то или иное явление. И потом, главное не в разном подходе к разным явлениям, а в том страшном и очевидном факте, что человек, умный или глупый,

догадливый или тупой, живой или вялый, как правило, представляет собой сегодня раба одного из трех диктаторов: алкоголя, наркотиков или аптеки (я имею в виду сильнодействующие успокоительные средства). Такое впечатление, что жизнь — это длинная скользкая горка, по которой вы с бешеной скоростью катитесь к находящемуся в конце спуска черному туннелю неизвестности, пытаясь зацепиться каким-нибудь крюком за камень или выступ. Но ваши попытки безуспешны, ведь крюки эти — виски, марихуана, героин. Причем вы прекрасно сознаете, что последний крюк, героин, надо как можно быстрей заменить чем-нибудь другим, потому что он самый ненадежный»[229].

До «Души, покрытой синяками» действительно никто из ее героев не принимает наркотиков, не злоупотребляет амфетаминами и транквилизаторами. За исключением, впрочем, любителя ЛСД Льюиса из «Ангела-хранителя»[230], появившегося в 1968 году. Обнаружив, что он находится под действием наркотиков, рассказчица Дороти Сеймур лишь констатирует: «В принципе я не имею ничего против наркотиков, просто мне вполне хватает алкоголя, все остальное меня пугает. Еще я боюсь самолетов, подводной охоты и психиатрии. Мне спокойно только на земле, сколько бы на ней ни было грязи». В «Неясном профиле» и «Смятой постели»[231], опубликованных в 1974 и 1977 годах, Франсуаза Саган с откровенностью воспроизводит то, что испытала она сама. В обеих книгах герои пытаются заглушить наркотиками смятение духа. Юлиус А. Крам, могущественный представитель делового мира из «Неясного профиля», «поглощал медикаменты, белые, желтые, красные пастилки, запас которых он пополнил в Нью-Йорке».

Эдуард Малиграс в «Смятой постели» находится в еще более угрожающем положении. Тридцатипятилетний драматург привыкает к психотонизирующим пилюлям и не усомнился бы уколоться героином, «если бы это помогло ему написать десяток блестящих страниц», хотя «мысль о том, чтобы поднять себе настроение или заглушить душевную боль с помощью химии, унижала его». Другой персонаж романа, директор театра Жолье, который умирает от рака, принимает наркотики, чтобы облегчить свои страдания, как когда-то Франсуаза принимала пальфиум 875.

«Он почувствовал боль в горле, потом она перешла в легкие, становилась глубже и сильнее… Там, будто солдаты навытяжку, рядами располагались ампулы, сверкающие, изящные и прозрачные, а рядом с ними большой новый шприц, который,

казалось, дремал… Жолье осторожно вынул из коробки одну ампулу… Он терпеть не мог делать себе больно, и то, что ему нужно было делать себе укол, вонзать металлический кончик в кожу, проникать в до предела натянутые нервы, казалось ему противоестественным.

… И вдруг, как если бы кто-то управлял на расстоянии страшным зверем, который набросился на него и терзал его горло, боль отступила, и он вздохнул от неожиданного, огромного счастья… Теперь это был уже полный разгром — боль была изгнана отовсюду. Наконец-то он смог пошевельнуться! И он повернул вновь ставшее подвижным, живым и теплым тело, потушил ночник и оставил выключатель на прежнем месте: мог начаться новый приступ…»

Франсуаза-журналистка

«Санди Таймс» назвала в 1967 году Франсуазу Саган французской писательницей, представляющей лицо современности. Это была большая статья с фотографией во всю страницу, где автор «Здравствуй, грусть!» была представлена как центр своего рода геральдической композиции: по краям фотографии были помещены бутылки виски, алкозельцер, смятый «астон мартин», проигрыватель-автомат и изображение Карла Маркса.

«Я никогда не принимаю алкозельцер, — замечает она, — у меня от него болит сердце». Что касается присутствия теоретика марксизма, то это скорее дань фольклору. Если уж говорить об авторитетах, Франсуаза отдавала предпочтение Эмилю Золя[232], мужественному интеллектуалу с социалистическими взглядами, как она их понимала:

«Есть социализм, который я терпеть не могу, невыносимо жалкий, который требует, чтобы никто не ездил на “ройсах”. Но я думаю, это гораздо менее важно, чем желать, чтобы все ездили на “2 CV”. Социализм очень близок коммунизму в смысле того, что предполагает отсутствие привилегий. Здесь важно, что каждому что-то достается. Привилегия мне кажется менее значительной, чем право»[233].

Франсуаза Саган никогда не боялась пожертвовать своей репутацией ради правого, по ее мнению, дела, к тому же ее известность могла привлечь внимание к какому-нибудь «безнадежному» случаю. Приведем два примера, когда она высказалась в духе «Я обвиняю»[234]. В 1977 году она защищала алжирского рабочего Иуссефа Кисмуна[235], приговоренного к двадцати годам тюрьмы при том, что трибунал не доказал его виновность в деле об убийстве. В 1986 году романистка выступила против приговора, вынесенного ее другу, журналисту Марку Франселе[236], который за незначительное нарушение был осужден на один год заключения.

Она обладала несокрушимой уверенностью в правильности своих убеждений и готова была перевернуть весь мир, чтобы добиться задуманного. Из-за Марка Франселе она отправилась к министру юстиции Альбену Шаладону, настолько невыносимо ей было видеть этого человека несправедливо обвиненным.

В марте 1958 года Пьер Лазарев, который несколько дней назад присутствовал на ее свадьбе с Ги Шеллером, поручает ей освещать процесс в Версале, рассчитывая на ее саркастические замечания. Глава «Франс-суар» был вполне удовлетворен

результатом! Вот вступление к статье, вполне в духе Саган:

«Все это начиналось очень весело, как коррида. Погода была отличная. Версаль сиял золотом больше чем когда-либо. Журналисты здоровались между собой и с жандармами перед маленькой дверью в камеру обвиняемых, что было настоящим благом для фотографов…»

Не менее язвительно было заключение ее первой статьи по этому делу: «Общество судит тех, кого оно породило. Как правило, это делает его жестоким». На следующий день Франсуаза встретилась с Вивье и Серменс, которые совершили два убийства и теперь рисковали быть приговоренными к высшей мере наказания. Романистка высказалась резко:

«С театральной точки зрения это очень плохая постановка. Есть два хороших актера — Флорио и Вивье. Хороший комментатор — председатель суда. Остальные — невнятная массовка…»

Помещать на первые полосы материал об известных людях, заключенных под стражу, об убийцах, значило использовать прием, на который судебные хроникеры тогда решиться не могли. Но Франсуаза не уставала удивлять. Предвидя, каким будет приговор, она пишет: «Сегодня будет страшный день. Ведь если их приговорят к смерти, то лишат их возможности осознать совершенное». Эта вторая статья была расценена как чрезмерно снисходительная, третья не появилась вовсе, и Вивье был отправлен на гильотину.

Собратья по перу немного потеснились, чтобы освободить место на скамье для прессы[237] новообращенной коллеге. Ролан Фор, который стал директором «Орор», покинув пост президента «Радио-Франс», воспринял ее с благосклонностью. «Она билась над каждой страницей», — вспоминает он. Будущий любимец Французской академии Бертран Пуаро-Дельпеш, который вскоре получит премию «Интераллье» за свой первый роман «Верзила», очень ценил ее общество. В то время он являлся судебным хроникером «Монд», о Франсуазе он написал позже в альбоме «Здравствуй, Саган»[238]:

«Наблюдая пришедшую маленькую Саган двадцати с небольшим лет в ореоле фотовспышек, фиксирующих ее славу, завсегдатаи залов суда сокрушались, что чужачка не имела понятия ни о том, как называются официальные лица, ни даже о судебном регламенте. Наиболее угодливые торопились с подсказками, желая помочь ей избежать ошибок. Глупцы! На следующий день в ней заговорил талант; она была, как обычно, дерзка, не обращая внимания на нюансы, она сосредоточивалась на основной идее, как хороший теннисист, который,

размахнувшись, бьет с лета по мячу».

По всей видимости, она была готова пойти на эксперимент и поработать по случаю в качестве журналистки.

Еще до романа она пыталась опубликовать новеллы в еженедельнике «Франс-суар», расположенном на улице Реомюр, который издавался более чем миллионным тиражом. Прочел ли их его редактор, неугомонный Пьер Лазарев? Как бы то ни было, он и его жена, директор «Эль», стали почитателями Саган, которую считали равной Колетт. Последняя в период между двумя войнами активно писала в парижские газеты и даже являлась главой литературного направления в «Матэн». Автор «Здравствуй, грусть!» сделала свои первые репортажи для женского еженедельника Елены Гордон-Лазаревой, которая послала ее в Италию (Неаполь, Капри, Венеция)[239]. Путешествие оживило ее романтическое восприятие.

Ее первая статья начиналась фразой, достойной Александра Дюма или Мишеля Зевако (Пардэйан): «Доведя своих любовников до изнеможения, Жанна, самая жестокая и сладострастная королева Неаполя, приказывала выбрасывать их через люк в море». Эта драматическая жилка, вероятно, появилась у нее, когда она в четырнадцать-пятнадцать лет читала матери пьесы по истории Франции.

«Это выглядело приблизительно так: “Спасем его”, — говорила королева. Король: “Пусть он будет брошен хищникам”. Королева: “Сжальтесь, Сир!” Сначала мама слушала меня очень внимательно, потом начинала засыпать, бормоча мне слова благодарности», — рассказывает Франсуаза Саган, которая со своим братом Жаком напишет сценарий для телефельетона «Борджиа, или Золотая кровь»[240]в традициях приключенческого романа.

«Мне хотелось прежде всего, — уточняет она, — заставить мечтать людей, которые постоянно видят по телевизору что-то жуткое». Она хотела рассказать историю в манере фельетонистов прошлого века:

«Я их себе представляю школьниками, которые покатываются от хохота над приключениями своих персонажей. В их рассказах есть легкость, есть то, что позволяет публике чувствовать причастность к происходящему. Теперь все совсем не так. Фельетонисты не хотят изображать себя в своих произведениях, теперь авторы думают о себе то, что видит публика. Впрочем, они знают, что смогут объясниться не только в своих книгах».

Предлагая брату сотрудничество в работе над сценарием, Франсуаза лукаво подмигнула противникам инцеста. «Франсуаза Саган чувствует вкус к скандалу, — писал критик Жан-Клод

Лонгэн по поводу «Борджиа»[241]. — К скандалу, который начинается чарующей музыкой, нежной, немного нереальной, которая проникает постепенно в сферу незыблемого, разрастается подспудно и разражается внезапно сильным всплеском, шокируя и зачаровывая мир». «Показать счастливую любовь Цезаря Борджиа и его сестры Лукреции, — пишет он, — сегодня означает бунт».

Так, альянс Франсуаза Саган — Жак Куарэ в качестве интерпретаторов истории инцеста заключал в себе большую долю лукавства по отношению к обществу, которое боялось затрагивать тему, обойденную даже Библией. Уже в своей первой пьесе «Замок в Швеции»[242] она затронет тему двусмысленности этой сердечности между братом и сестрой. Реплики Элеоноры и Себастьяна в начале третьего акта дадут нам ключ к ее пониманию:

Элеонора. Мы входили бы, держась за руки, в «Максим» или ночной клуб. Рассеянно здоровались с несколькими друзьями… вот так…

Себастьян. У меня был бы очень влюбленный вид. На нас смотрели бы с дрожью. «Знаете, это Элеонора фон Милхем, которая разорила этого несчастного Клико. Со своим братом. Они, кажется, вместе, может быть, в Швеции. И пошло-поехало…»

Элеонора. Мы бы посмеялись… Разглядели бы в толпе лицо, я бы тебе посоветовала какую-нибудь молодую женщину, ты бы ее отверг. Я задумчиво смотрела бы иногда на мужчин…

Себастьян. А потом мы пошли бы танцевать… Было бы много музыки, мелькали бы чьи-то профили, они бы расплывались, улыбки, много улыбок. Я обожаю Париж.

Элеонора. А на заре мы бы вернулись. Часа в два или в четыре. И до последнего момента заставили бы их рассчитывать на маленькое приключение.

Себастьян. А они так бы и остались ни с чем. Или мы бы потерялись, и тот, кто пришел бы позже, рассказал все другому. И мы выпили бы розового шампанского, чтобы проснуться. Ты бы сказала: «Я старая, сумасшедшая и некрасивая». Это было бы на заре.

Элеонора. И ты бы сказал: «Я распутник, паразит и бездарность».

Себастьян. Как мы были бы счастливы!..

На самом деле Франсуаза и ее брат Жак действительно были счастливы, когда жили в одной квартире на улице Гренель. «Мы вели бурную жизнь между Парижем, Сен-Тропе и Межевом», — вспоминает Жак Куарэ. «Мы устраивали потрясающие праздники», — добавляет Франсуаза Саган. В этот период,

особенно насыщенный событиями, она встречает Регину, еще не ставшую великой жрицей парижских ночей. Она служила барменшей в «Виски-а-гого» на улице Дю Божоле, рядом с квартирой, где недавно умерла Колетт. Франсуаза приняла у себя молодую девушку, которую заметно смущал ее невероятный успех.

Двадцать шесть лет спустя Франсуаза вспомнит эту встречу в связи с интервью, которое Регина сделала для «Пари-Матч»[243]:

«Ты мне сказала “здравствуй”, и я поняла, что я очень тебе близка. Я нашла сестру. Я чувствовала себя так хорошо, естественно. Рядом с тобой не могло случиться ничего плохого для меня. Это было важно, потому что я пережила очень тяжелые моменты из-за всех этих людей, которые так подло со мной поступили».

Она пришла на следующий день, через день и потом заходила почти ежедневно. Франсуаза укрывалась у Регины. Это было также идеальное место, чтобы принимать журналистов и фотографов, которые по-прежнему ее преследовали.

Ради забавы и от усталости она подыгрывала создателям мифа о себе:

«Про меня говорили много глупостей, но я считала, что так лучше, чем если бы меня представляли, например, на кухне. Быстро ездить, пить виски, вести ночную жизнь — все это для меня естественно. Поэтому я решила носить свою легенду как вуалетку…»

Поездки с друзьями

«Меня очень легко может охватить сильная страсть к кретину, который послезавтра увезет меня в Бразилию». Великая путешественница всегда держит в порядке свой паспорт. Для нее это самая ценная вещь, как она сказала своему другу Марку Франселе[244], перед тем как поведать историю, которая с ней произошла:

«Однажды я застряла в Мексике, это было пятнадцать лет назад, с одним плутишкой. Когда я захотела уехать, он стащил мои документы. Я стояла ночью посреди Акапулько без гроша в кармане. В баре галантный мафиози посмеялся над моей историей и отправил несколько крепких ребят за моим паспортом, а потом одолжил мне свой самолет, чтобы я могла долететь до Нью-Йорка».

В Нью-Йорке, куда она отправилась во второй раз в 1956 году, также не обошлось без приключений. Накануне своего возвращения во Францию романистка в обществе композитора Мишеля Магна зашла в маленький французский бар на Бродвее и решила выпить скотч. Как раз тогда проходили президентские выборы. Сторонники и противники Эйзенхауэра так горячо обсуждали политику, что дискуссия перешла в драку. Мишель Магн, вмешавшийся в заварушку, получил сильный удар кулаком. Франсуаза, вооружившись сифоном, устремилась к нему на помощь. Они не пострадали, но решили разыграть из себя тяжелораненых, чтобы удивить друзей в Орли. Но забыли о существовании прессы.

Когда они спустились с трапа самолета, фотографы тут же нацелили камеры на пару в бинтах. Они походили на двух поссорившихся детей. Мишель Магн, большой шутник, немного перегнул палку и наклеил еще и пластырь. Среди встречавших была Вероника Кампьон, которую Франсуаза Саган с нежностью звала Плок (себя она окрестила Плик, в честь персонажей Кристофа, одного из создателей комиксов, предшественников Штрумпфов).

По приезде из Нью-Йорка 23 октября 1956 года молодая романистка телеграфировала подруге, жившей на улице Константинопль в восьмом округе: «Добралась хорошо. Пошли новости Плок. Всего хорошего, Плик». Возле «Отель Пьер», рядом с Центральным парком, Франсуаза Саган и Мишель Магн слегка нарушили приличия сумасшедшим хохотом и безумными выходками. Все было поводом для развлечения, особенно для Мишеля, который увидел Америку глазами озорного мальчишки.

В письме Веронике, своей дорогой Плок, Франсуаза рассказывает о нескольких проделках молодого человека, не знавшего ни слова по-английски:

«Он устроил жуткую сцену даме, которая выбросила шкурку от банана туда, куда он засунул свои письма, приняв коробку с мусором за почтовый ящик. Потом, так и не сумев назвать мальчику-лифтеру номер 2008, он отправился, нажав какую-то кнопку наугад, наверх и потом спускался двадцать шесть этажей по лестнице, наличие которой, кстати, в США большая редкость…»

Франсуаза продолжает на английском, подчеркивая, что бедную Плик измучили журналисты, которые безумно интересуются ее личными переживаниями. И заканчивает свое письмо так: «Напиши мне скорее, бывают минуты, когда мне все здорово надоедает. Я целую тебя, Плик». В эту поездку она без ума от джаза, слушает всю ночь «Голос Америки», Билли Холидэй[245], черных музыкантов, которым, чтобы произвести впечатление, подпевал Мишель.

Она приглашена на коктейль к Либерманам (Александр, главный редактор «Вог», еще и скульптор, его жена Татьяна была любовницей Маяковского), она приходит на вечеринку в маленьком отеле между Третьей авеню и Лексингтон-авеню, где они живут. Это респектабельный квартал, который напоминает Пале-Рояль. Она совершенно очаровала артистов и писателей, с которыми познакомилась. Первое издание «Смутной улыбки», составившее 150 тысяч экземпляров и выпущенное Дютоном, было тотчас продано, едва появилось на рынке[246].

Труман Капоти был одним из постоянных гостей Алекса и Татьяны Либерманов, они познакомились с ним в Сен-Тропе, у них был дом в Боваллоне. Через них Франсуаза познакомилась с Марлен Дитрих и воспользовалась этим, чтобы раскрыть маленькую тайну: «Марлен повсюду рассказывала, что ранним утром я прокатила ее в “ягуаре” по Елисейским Полям. Это была чистая выдумка, которая в очередной раз подтверждала мою скандальную репутацию. “Ну как, вы оправились после нашей автобаллады?” — бросила я ей. Она не осмелилась ничего сказать и покраснела».

Франсуаза Саган и Мишель Магн на четыре дня съездили во Флориду и приобщились там к рыбалке. Об этом она написала Веронике Кампьон:

«Я в Кэй Вест, солнце печет беспощадно, со мной Магн и Петер, ты его не знаешь, я тебя в Париже познакомлю — он приедет 15 декабря… Я не создана для путешествий, еще раз в этом убеждаюсь. Здесь хорошо, в основном из-за Петера, но в

начале… о, ля, ля… Я решила больше не путешествовать, только с Плок, потому что очевидно, что это не путешествие, а приключение.

Моя Вероника, я тебя ужасно люблю, я скоро вернусь, целую тебя. Франсуаза Плик Саган. Вот возьму и подпишу следующую книжку Франсуаза П. Саган. Все будут думать о какой-то тайной свадьбе, а это будет Плик… Ха, ха, ха. Я так и сделаю. Ты нашла новый дом за городом? Как все эти проныры, которые называют себя моими друзьями? С ума сойти можно, как я всех вас люблю. И тебя первую, моя дорогая добрая святая Плок. Я так рада вернуться. Хотя Петер… Он тебе понравится.

P.S.: Я больше не пью. Магн тебе передает огромный привет. Он поймал барракуду. Он какой-то красный, вид растерянный, я за него боюсь. Тропики, как говорит Петер, это не Лизьё[247]. Сегодня после полудня я наблюдала за рыбой, которую вот-вот поймают, и поняла, какой у меня теперь будет девиз: “Умереть или покончить с собой”, — Плик».

Мишель Магн живет в маленькой квартирке на улице Лепис на Монмартре. Он помешан на музыке и часто рассказывает Франсуазе Саган о своих экстравагантных проектах. Они вместе сочинили песни для Мулуджи[248], Джульетты Греко[249], Анабеллы. Он садится за пианино, она слушает и начинает напевать слова. Это напоминает автоматическое письмо — в ее душе возникают слова об угасании любви:

Окно распахнуто.
Вкус поцелуя меркнет на губах,
Подобно ночи, канувшей в зарю…
Любви исчезнувшей,
Увы, не повторю.

Сначала было четыре песни: «Не любя вас», «День», «Вы — мое сердце» и «Вальс». Их исполняла Джульетта Греко. Запись происходила в «Аполло» в присутствии Франсуазы, которая специально приехала из Сен-Тропе. Атмосфера была натянутая. Греко нервничала и хмурилась, Мишель Магн сказал ей с раздражением: «Если вы недовольны оранжировкой, обратитесь к Мишелю Леграну»[250].

На презентации диска в июне 1956 года в студии на улице Аржантейль загорелая, в белом костюме, с отсутствующим видом Франсуаза Саган отбывала положенное приличием время. Джульетта Греко, кутаясь в мексиканскую шаль, объясняла журналистам: «Перед тем как познакомиться с Франсуазой, я была о ней не слишком высокого мнения, но когда она мне

предложила свои песни, я поняла, какой у нее потенциал, что она неисчерпаема, у нее отличный французский!» У молодой романистки было восемь готовых песен о прекрасных летних вечерах, об одиночестве, о белых ночах. Франсуаза не знала, кому их предложить.

С Анабеллой Швоб из Люрса Саган познакомилась в «Каролл'с», кабаре на улице Понтье, куда она зашла в сопровождении Мишеля Деона. Тогда он писал свой роман «Обманутые надежды» в доме, который Франсуаза сняла в Адэнвиле, деревне близ Сэн-э-Уаз, рядом с Удэном. «Я бы предпочла, чтобы мои песни спели вы», — говорит она Анабелле, которая в героические времена Сен-Жермен-де-Пре стала одновременно сообщницей и соперницей Джульетты Греко.

Это было началом дружбы, основанной на совместном отдыхе, порой сумасшедшем, порой спокойном, но всегда полном каких-то авантюр. После войны, времени оккупации, молодежь нуждалась в разрядке, и это напряжение смогло разрядиться в Сен-Жермен-де-Пре. Та же веселость и беззаботность царила позднее в обществе друзей Франсуазы в Сен-Тропе. Свобода романа «Здравствуй, грусть!» отражала их восприятие жизни. Об этом говорит Даниэль Желин: «Мы доставляем себе изысканные наслаждения»[251].

Он играл в ее четвертой пьесе «Превратности фортуны», поставленной в «Театре Эдуарда VII» в январе 1964 года. Тогда она снимала квартиру близ старого порта, где жил Поль Элюар. «На двери ванной у него были приклеены статьи, фотографии, карикатуры: настоящий музей сюрреализма», — вспоминает он. Отель «Понш», который принадлежал Альберту и Марго Барбье, где она занимала обычно 22-й номер с террасой, олицетворял для нее нечто тропезианское.

Там пил ликер Пикассо, писал, глядя на море, Борис Виан, Мулуджи пел во время ужина в старом рыбацком бистро, открытом в 1885 году, когда Ги де Мопассан[252] назвал Сен-Тропе, где так долго жила Франсуаза, «девой моря»[253]. Она и ее друзья оставили о «Понш» и радостные и грустные воспоминания, в зависимости от дня, месяца, года. Альберт умер, Марго сохранила отрывочные воспоминания:

«Франсуаза поднималась в четыре часа пополудни, она писала в постели… Любила играть на фортепьяно, а Джульетта Греко пела о Сен-Жермен-де-Пре… Ночами играли в карты… Мы жили как в семье. Мой муж ходил встречать Франсуазу на вокзал Сен-Рафаэль… Когда снимали "И Бог создал женщину…", Брижит Бардо ходила по "Понш" обнаженная. "Прикройся, ты некрасивая", — сказал ей Альберт. "Я не красивая?" —

воскликнула изумленная Брижит».

В Сен-Тропе Франсуаза Саган и Брижит Бардо чувствовали себя тем более комфортно, что родители отправили их туда перед войной на каникулы. Как и Анабелла, которая приехала туда впервые со своей матерью в 1932 году, в возрасте четырех лет. Для Жан-Клода Мерля, старого проказника Сен-Жермен-де-Пре, бывшего организатора дискотеки, расположенной на улице Сен-Бенуа, Сен-Тропе стал постоянным местопребыванием. Этот беспечный весельчак, считавший своим призванием веселить современников, привлек Франсуазу к участию в организации в отеле «Понш» нелепой конференции по пчеловодству.

«Мы заказали афиши. Местная пресса сообщила о готовящемся мероприятии со всей серьезностью. Никто не мог предположить, что это розыгрыш. Из Моля (Вар) приехало много пчеловодов. Когда вошла Франсуаза в полосатой желто-зеленой майке, зал был полон. Майками под пчелиный окрас всю компанию снабдил бутик “Шоз”. В течение часа она молола чушь и в итоге сравнила пчелиную матку с английской королевой. Пчеловоды, наконец поняв, что им морочат голову, в ярости уехали. Альберт Барбье, естественно, тоже был недоволен. Дело закончилось пирушкой».

О деньгах

«Каждый человек от природы либо игрок, либо не игрок; игроками рождаются, как рождаются рыжими, умными или злопамятными», — замечает Франсуаза Саган в книге «В память о лучшем».

«Это правда, — пишет она, — что деньги, пока играешь, опять становятся тем, чем и должны были бы оставаться раз и навсегда, — игрушкой, жетонами, чем-то взаимозаменяемым и не существующим в природе вещей»[254].

Очень рано она научилась контролировать себя в отношении культа денег, который, по ее мнению, огрубляет: «Когда я была маленькой, нам не позволяли за столом говорить ни о деньгах, ни о частной жизни, ни о здоровье. Теперь все только об этом и говорят»[255].

В ее глазах это признак того, что теперь многие не придают значения правилам хорошего тона:

«Проявлять вежливость — значит думать заранее. “Можно ли здесь положить свое пальто?” “Нужно ли, прежде чем присесть, подождать, пока присядет она?” “Не будет ли удобнее придержать ей дверь?” Наконец, просто всякие мелочи. Это странно, но куртуазность — это актуально для демократии, потому что она исключает неравенство, делает невозможным пользоваться чем-то, не заботясь о другом. Но это забота о том, кто рядом, или о людях своего круга. Собственно говоря, куртуазность — это представление о другом… с привкусом беспокойства о взаимопонимании»[256].

После конфликта с издательством «Дифферанс»[257]в марте 1985 года Франсуаза Саган, изложив свои претензии в коммюнике, адресованном прессе, выразила свою жизненную позицию. «Я сожалею, что беспокою вас ужасной историей, связанной со злоупотреблениями, но, поскольку я могу оказаться не единственной пострадавшей, я выражаю протест», — говорит она в преамбуле. И заканчивает в том же тоне: «Я заранее вас благодарю и повторяю свои извинения за то, что отняла у вас время по столь ничтожному поводу».

Такое поведение вполне соответствует буржуазному сознанию в хорошем смысле этого выражения, когда оно является плодом воспитания, требующего внимания к окружающим. Это ей дала мать, исключительные манеры которой стоит отметить. Франсуаза всегда старалась, чтобы ее ничто не могло оскорбить. Даже вызывающе вульгарная грубость какой-нибудь Мануш, предназначенная эпатировать галерку.

Банда марсельского гангстера Карбона, о которой мир узнал в 1960-е годы из книги воспоминаний Роже Пейрефита, не имела ничего общего с Франсуазой. Но его резкие высказывания, зубоскальство, дерзости, развлекавшие гостей светских гостиных, соблазняли и забавляли ее. Она приглашает его в свой дом в Нормандии, они совершают вместе ночные поездки, заканчивающиеся часто в клубе «Занзибар» на улице Сент-Анн в Латинском квартале.

Мадам Бирон из «Спящей собаки», хозяйка дома, где живет молодой бухгалтер Герэ, сродни Мануш. Любовница марсельского бандита к пятидесяти годам превратилась в авторитарную и рассудительную Марию, восхищавшую Герэ, несмотря на расплывшуюся фигуру и неряшливый вид. Франсуазу Саган притягивали эти люди, чуждые законов и обычаев общества, обрекающего их за это на одиночество.

Маленькой девочкой она приручала бродячих собак, когда стала взрослой — старалась помочь обездоленным, которые вызывали у нее сочувствие. Не один парижский бродяга обязан ей великодушной помощью, которой пользовалось много бесстыдных попрошаек. Очень многие не забыли, как Франсуаза вытаскивала их из сложных ситуаций, никогда впоследствии не вспоминая о своих благодеяниях.

Это в равной мере можно сказать о пятисотфранковой банкноте, которую она могла дать бедняку на улице, о покупке стиральной машины пожилой даме, о финансовой помощи Жану Жене и Колетт Одри, благодаря которой в 1956 году была поставлена ее пьеса «Соледад». Она вспоминает, что Франсуаза Саган подписала ей чек на пятьдесят тысяч франков: «Я полагала, что деньги должны способствовать таким предприятиям, и сдержанно ее поблагодарила». Тогда же помощь от романистки получил Жак Ланзман, который не мог оплатить билет на поезд из Парижа в Брюссель. Мануш тоже были выделены три тысячи франков.

Вероника Кампьон, разбиравшая обширную почту подруги, наткнулась однажды на письмо рецидивиста. Этот человек просил приличную сумму, чтобы сконструировать аппарат собственного изобретения, который позволит ему жить лучше. Прилагавшийся рисунок, несмотря на свою странность, убедил Франсуазу, и она послала ему денег. Несколько раз в дом благодетельницы приходил и вышедший из тюрьмы калека, чтобы перехватить немного денег. Она помогла молодой девушке, которую у нее на глазах вытащили из Сены. Она дала ей приют у себя в Сен-Тропе, где снимала дом, и помогла выпутаться из трудного положения.

Она оказывала помощь друзьям, попавшим в сложные

обстоятельства, как, например, Жану Груз: «Утром на площади Трокадеро я услышал звук клаксона. Это была Франсуаза, которая в своем “ягуаре” заметила меня в не слишком приглядном виде, предвещавшем совсем не блистательное будущее. “У меня несколько тысяч писем, которые ждут ответа, — сказала она мне. — Вы поможете мне их рассортировать?” Она проявила необыкновенную деликатность, у меня было ощущение, что это я оказываю ей услугу. Среди людей, которые обращались к ней с просьбой, некоторые были очень одиноки, часто больны. Франсуаза всегда навещала их. К ней могли обратиться и с такой просьбой: “Вам так везет, купите для меня билет Национальной лотереи”».

Наконец, стоит упомянуть об истории, которая чуть не приобрела масштабы государственной. На одном из обедов Клод Помпиду рассказала Франсуазе Саган, что она разбила машину и ей не нравится, как ее возит шофер отеля «Матиньон».

«Я дам тебе свою», — сказала ей Франсуаза. На следующий день она распорядилась, чтобы ее «бристоль» перегнали к особняку Помпиду на набережной Бетюн. Чтобы отблагодарить Франсуазу за этот неожиданный подарок, супруга премьер-министра отправила ей негритянскую статую.

Вероника Кампьон, которой Франсуаза об этом рассказала, имела неосторожность пересказать историю Рене Винсенту, журналисту из «Пари-пресс». На следующий день в газете появилась заметка с юмористическим рисунком, изображавшим «астон мартин» в подарочном пакете. К ужасу Жоржа Помпиду, который увидел в этом намерение его дискредитировать. Он был в хороших отношениях с Пьером Лазаревым и позвонил главе «Франс-суар», ответственному также и за «Пари-пресс», с требованием удовлетворения и санкций против журналиста, позволившего себе «оскорбительную ложь».

Пьер Лазарев, необычайно расстроенный, пригласил Франсуазу Саган, которая прояснила ситуацию. Делу не дали хода, но Помпиду буквально возненавидели романистку, и, быть может, бывшая супруга президента до сих пор таит на нее злобу. Как бы то ни было, но Клод Помпиду отказалась дать Франсуазе Саган, представлявшей «Эль», интервью по случаю десятилетия Центра Жоржа Помпиду[258].

Искусство рисковать

В этот день можно было умереть от тоски. Молодые люди в тропезианском доме наскучили ей со своими забавами под стать лицеистам: вся компания жалась к стенам, стараясь избежать пинка сзади. Этот инфантильный идиотизм заставил Франсуазу сбежать в Канны. Однажды в «Карлтоне», где она отдыхала вместе со своими родителями, ее поразила женщина, обладавшая необыкновенно благородной красотой, зрелой и завораживающей. Именно ее образ она воссоздала в чертах Анны Ларсен, «гранд дам» романа «Здравствуй, грусть!», персонажи которого отличались спокойствием и непринужденностью, а в их лицах читалась ирония и привычка властвовать.

Ясность ее памяти иногда удивляет: взгляд, жесты, все, что мы называем манерой держаться, отпечатываются в ее сознании, хотя она утверждает, что не слишком наблюдательна. Но ее воображение оживает мгновенно: едва какая-нибудь деталь заденет ее за живое, в ее сознании появляется новый персонаж, напоминающий игроков возле зеленых столов казино, вступивших в схватку с судьбой. В каннском «Палм Бич» в возрасте двадцати одного года Франсуаза переступила магический круг игорного зала. Это был незабываемый момент:

«Для себя лично я выяснила также, что в азартной игре, как нигде, важно скрывать эмоции. Читая их весь вечер на преувеличенно напряженных лицах игроков — именно так переигрывают плохие актеры, передавая целую гамму чувств: подозрительность, уверенность, разочарование, отчаяние, упорство, обличение, ликование или безразличие, сыгранное хуже всего, — я решила про себя, что в дальнейшем, как бы ни шли дела, я противопоставлю ударам или ласкам судьбы улыбку и даже приветливое выражение лица»[259].

Когда она вновь вошла в казино, с облегчением расставшись с неугомонной компанией, играть ей не хотелось. Нет, скорее она предпочла бы в этот момент проиграть. Она подошла к столу с баккара и, не заботясь о ставке, бросила фатальное: «Ва-банк!» Крупье никак не отреагировал, будто не слышал. Шла игра. В раздражении она почти выкрикнула: «Ва-банк!» На этот раз крупье обратил на нее внимание. В следующую секунду он лопаткой подтолкнул к Франсуазе жетоны.

Она выиграла сто тысяч франков.

— Какая удача! — произносит с медоточивой улыбкой старая дама. Она часто слышала подобные вещи. Ей говорили, что она родилась под счастливой звездой, что ее большие тиражи, ее

миллионы — дарованы ей свыше. Об этом говорили многие, по-разному истолковывая и оценивая ее успех. Франсуаза попыталась выразить свое мнение по этому поводу в тексте, прочтенном ею в одной из радиопередач[260]. Он никогда не был ранее опубликован, мы приводим его in extenso[261]:

«Я не знаю, почему так тяжело говорить об удаче. Я понимаю достаточно хорошо, что это такое, она пришла ко мне год назад и с тех пор не покидает меня. Я, разумеется, говорю о той неожиданной дерзкой удаче, которую мы вдруг иногда встречаем на своем пути. Моя — совершенно невероятная. Я имею в виду огромное количество читателей, это приятнее всего.

Но она заводит меня иногда немного дальше, чем хотелось бы. Тогда я вынуждена заставлять ее себя простить. Это очень трудно, наверное, это как у матерей, дети которых чересчур много балуются. Я хотела бы смириться с тем, что я не прощена, это грустно, потому что она порой неоправданна: я думаю сейчас о Премии критиков и о замечательной книге Одиберти. К тому же моя удача — эксгибиционистка. Она всегда ставит меня в немыслимые положения, из которых потом буквально вытаскивает за волосы и остается при этом совершенно собой довольна.

Когда я несусь в машине, она меня кидает к деревьям или под автобусы. Когда я выбираюсь из-под обломков, мне говорят, что мне повезло. На самом деле, наверное, было бы лучше, если бы я проехала мимо автобуса и не въехала в деревья. Когда я не за рулем, на литературных коктейлях, например, она заставляет меня пускаться в абстрактные разговоры, из которых мне удается выбраться, лишь совершенно заморочив моего собеседника, который проникается ко мне расположением или, по меньшей мере, забывает глупости, которые я ему говорила в течение пяти минут относительно литературы, рассматриваемой как убийство или что-нибудь в подобном духе. Наконец, она везде со мной, она моя блистательная сообщница (стучу по дереву), она улыбается мне и пугает меня.

Она заставляет меня ее бояться и должна наводить скуку на многих людей, которые покупают какой-нибудь журнал и вынуждены прочесть историю моего детства, очень счастливую и потому неинтересную, или изложение моих взглядов. Во имя ее я прошу прощения с неблагодарностью, которая свойственна сегодняшней молодежи. Во имя последней я умоляю ее остаться со мной».

Вплоть до какого-то момента все шло, как она того хотела. Тем не менее катастрофа была ей предначертана. Как феникс, она возрождалась из пепла, становясь неуязвимой и отваживаясь на

рискованные поступки. На самом деле, если ей и случалось флиртовать со смертью — она страстно любит жизнь. «Я думаю, что эти несчастные случаи подстегивали ее воображение», — говорит ее подруга, стилист Пегги Рош, которая на протяжении двадцати лет была редактором отдела моды в журнале «Эль». Ее присутствие часто помогало Франсуазе обрести стабильность, которой она была лишена в силу своего активного жизненного ритма.

Когда в октябре 1985 года в Боготе[262] у Франсуазы случился отек легких, она сопровождала ее во время срочного возвращения на борту специально зафрахтованного «Элизэ» самолета. Пегги Рош — настоящий ангел-хранитель Франсуазы, она останется рядом с ней в военном госпитале в Валь-де-Грас, куда Франсуазу приедет навестить президент Франсуа Миттеран[263], вернувшийся из Колумбии, где она была его гостьей во время официальной встречи. Он отдаст ей два визита. В первый раз, когда Франсуаза еще под наркозом во время процедуры очистки легких. Второй раз президент встретился с ней, когда она еще была вынуждена пользоваться специальным дыхательным оборудованием.

— Обычно вас не очень хорошо понимают, но сегодня вы явно преувеличиваете, — шутит Франсуа Миттеран.

— У меня были интересные комы, эта — нет, — говорит Франсуаза, расстроенная тем, что так неудачно закончилась поездка президента в Латинскую Америку.

В номере отеля «Текендама» ее обнаружила в бессознательном состоянии горничная. Она лежала в обмороке около трех часов, и это могло привести к печальным последствиям. Крайне обеспокоенный Франсуа Миттеран приложил все усилия, чтобы спасти писательницу. Конечно, прежде всего ей удалось выкарабкаться благодаря профессионализму медиков военного госпиталя Боготы. Еще один случай, когда удача ее не покинула…

Во Франции сообщение о несчастном случае приобрело едва ли не большую значимость, чем двухдневное пребывание президента в Колумбии. Комментаторы от оппозиции, однако, воспользовались этим событием, чтобы обвинить Миттерана в слишком больших расходах для налогоплательщиков. «В каком-то смысле это несчастье — благо, — пишет Ги Ба-рэ, — несчастье с Франсуазой Саган нам напоминает, что в каждом путешествии президенту сопутствует когорта лично приглашенных… Нас не должно вводить в заблуждение выражение “личные приглашенные”. От личного здесь только приглашение — счет оплачен из общественных средств…»

Это несчастье с Франсуазой Саган спровоцировало бурную реакцию в прессе, что лишний раз доказало степень ее популярности: сообщение, что она в коме, отозвалось горячей поддержкой огромного количества людей. На протяжении многих дней к ней на улицу Шерш Миди присылали букеты цветов, телеграммы, письма, люди звонили со всех концов света. Ее многочисленные друзья и почитатели приходили справиться о ее здоровье.

Часто им отвечал ее сын, Денис Вестхоф. В семье хорошо знали, насколько она выносliва, несмотря на хрупкость: ей удастся восстановиться — для домашних в этом не было никаких сомнений. Жак Куарэ, который отправлялся каждый день в Валь-де-Грас, замечает не без лукавства, что его сестра обязана жизнью военным: «С точки зрения того, что она думает о военных, это забавно!» Выйдя из госпиталя, Франсуаза собрала близких друзей, чтобы отпраздновать выздоровление. С чудесным избавлением на этот раз ее поздравляли Элен Рошас, Беттина, Джульетта Греко и ее сестра Шарлотта Айо, Мари-Элен де Ротшильд, Франсуаза Верни, литературный директор «Галлимар», кутюрье Жак Делайе, Жак Шазо, Фредерик Боттон, барон де Рэдэ, журналист Филипп Грумбаш и его жена Николь Висниак, Бертран Пуаро-Дельпеш.

В этом было что-то невероятное: она, еще очень слабая, спускалась к ним по лестнице на высоких каблуках. «Мы ждали в страхе, что она упадет», — говорит Жан-Поль Фор. Спектакль, на котором он присутствовал, показался ему странным, почти сюрреалистическим. «Ты была великолепна!» — восклицают те, кто видел интервью с ней на «Антен 2». Элен Рошас приглашает ее в офис, где ее ждет сюрприз: она появилась в сопровождении двух поваров, с провизией для приготовления изысканного и обильного ужина.

Атмосфера праздника, которая царила в квартире, чуть не была нарушена из-за конфликта двух приглашенных, злоупотребивших алкоголем. Франсуазу эта перепалка очень развеселила. «Я дам тебе в рожу», — прорычала жертва словесной агрессии. «Дорогая моя, только не стесняйся», — отвечает насмешливо Франсуаза. На самом деле, она вовсе не пребывала в плену иллюзий, оказавшись вновь в кругу светских знакомых. Другое дело в Кажарке, вдали от парижского шума, куда она отправится отдыхать с Пегги Рош в сопровождении своей служанки Пепиты и двух фокстерьеров, Лулу и Банко. Там все было связано для нее с воспоминаниями о детских каникулах, о семье, о юности, о лете, у нее было успокаивавшее ее фантастическое ощущение, что счастье совсем рядом. Какая

светлая радость охватывала ее тогда. Она делится с нами этим ощущением в статье для «Юманите»[264]:

«В шесть часов я сажусь на каменные ступеньки перед домом; я смотрю на проходящих людей, они заговаривают со мной, собаки пробегают мимо и иногда ложатся подле меня, я смотрю, как спускаются сумерки, я удивляюсь — я почти шокирована, если вижу машину с неместным номером. На другой стороне улицы стоит старый колодец, где мы, малышки, набираем воду в кувшины утром и вечером. Насос, разумеется, скрипит, и церковные часы часто путаются и звонят три или четыре раза в один и тот же час, но никому до этого нет дела. Зажигаются уличные фонари, отмечая желтым ореолом каждые сто метров; соскальзывают, очнувшись, в полумрак летучие мыши; двое прохожих торопятся к ужину; меня начинает знобить, я чувствую голод. Я поднимаюсь, стук двери нарушает тишину улицы. Завтра будет такой же день».

Кажарк, люди из Ло, Косса — это для Франсуазы Саган символ свободы. Этот городок, населенный умными и порядочными людьми, лишен духа пересудов, порой так характерного для провинции. «В Кажарке, — замечает Франсуаза, — можно увидеть молодую девушку на восьмом месяце, о которой не ходит ни одной сплетни. За нее радуются. Такое, вероятно, невозможно в Бордо на площади Кинконс».

Когда Клод Груэ — «мадам Клод», основательница знаменитой сети заведений с девушками по вызову, стала часто приезжать в эти места, никто за ее спиной и словом не обмолвился. Она была приятельницей Жака Куарэ, который здесь родился, и этого было достаточно, чтобы ее появление в Коссе было воспринято, как удар молнии. Брат Франсуазы привез в Ло веселую компанию гуляк из Сен-Жермен-де-Пре, Сиднея Чаплина, сына Шарлотты, актеров Ноэля Говарда и Мориса Ронэ, писателя Антуана Блондэна, Жана-Клода Мерля и его жену Иветту.

Последняя, кстати, решила обосноваться в Кажарке, открыла антикварную лавку на Тур де Виль, там, где раньше жил Эдуард Лобард, рядом с домом Франсуазы. Романистка сняла на год дом неподалеку, где раньше располагался магазин готового платья под вывеской «А ля конфьянс», переделанный теперь в жилое помещение. Ее присутствие ощущается будто по волшебству, едва переступаешь порог ее дома. Где бы она ни была, в Париже, в своих нормандских владениях, здесь, в Кажарке, ее окружает все та же спокойная атмосфера, буржуазный сдержанный интерьер, где выцветшие краски картин наводят на мысли о вселенском одиночестве.

Среди ее необычных находок есть одна, которую она

особенно любит. Это полунаивная живопись, что-то голландское, где изображен ужин с очень странными сотрапезниками. У них совершенно безумные глаза, Саган поэтому считает, что они ужасно напились. Она даже придумала прикрепить к раме медную табличку с такой гравировкой: «Ужин у Ван Зин Зин, картина, которую приписывают Алоизиусу Ван Зин Зину»[265]. Этот очаровательный розыгрыш дал Франсуазе повод поразмышлять о посетителях, которых непомерный снобизм заставлял проникновенно восклицать: «О, у вас есть Ван Зин Зин!»

«Забавно, правда?» — спрашивает Франсуаза, которая могла рассказать не один подобный анекдот. Например, историю о господине, тоже не совсем трезвом, которого она случайно встретила и от которого никак не могла избавиться.

«Рано утром я повезла его смотреть статуи Майоля в саду Тюильри. Он влюбился в одну из них и разбил о нее бутылку шампанского с криком: “Ты этого достойна”.

Сумасшедшие — это святые, — прибавляет Франсуаза, — в сравнении с теми, кто относится к себе серьезно. Во всем слишком хорошо организованном есть что-то удушающее, в жизни не надо бояться делать бессмысленные вещи».

Любовь — игра

«Я люблю славу лишь в одиночестве». Этой формулой Франсуаза Саган решительно отказывается носить бремя своей известности как униформу. Когда Гонкуровская академия в 1973 году предложила сделать ей костюм, который собирались заказать у Друана[266], на площади Гайон, она отказалась, даже несмотря на то, что у него был сделан костюм Колетт. Также она не станет второй, после Маргариты Юрсенар[267], женщиной — членом Французской академии: «Зеленый мне совсем не идет, он придает мне просто немыслимый вид. Кроме того, я совершенно неспособна вовремя прийти на встречу, потому я рискую опоздать с предоставлением какого-нибудь словаря!»

Настаивать бесполезно: автор «Здравствуй, грусть!» не жалует ассамблеи, будь то десять писателей Гонкуровского объединения или сорок бессмертных в «Куполе»[268]. Когда в мае 1985 года она получила 35-ю Премию принца Монако Петра, присужденную жюри, состоявшим из членов двух академий, Франсуаза откровенно высказалась по этому вопросу. Это был подходящий случай, поскольку премия снискала репутацию противостоящей Французской академии. Историк Алан Деко[269] советовал ей выставить свою кандидатуру, равно как и Морис Шуман[270], что удивило некоторых его собратьев, слышавших на выступлениях во время прений приводимые им аргументы против выбора Франсуазы Саган.

Более тридцати лет спустя после вручения Премии критиков, получая очередные знаки отличия из рук принца Монако Райнера во дворце Гримальди в присутствии принцессы Каролины, принца Альберта и принцессы Стефании, романистка, разумеется, испытывала удовольствие, но сохраняла прежний непринужденно-безразличный вид. Проанализировав ситуацию, то, что было сказано и о чем предпочли умолчать, она не обманулась относительно истинной значимости события. Журналистам Гозианне Савиньо и Франсуа Ботту, которые задали ей вопрос по поводу длительности феномена Саган, она ответила следующим образом[271]:

«Пресса, люди — вот что создало этот феномен. Я просто писатель, чьи книги читают. В этом ничего феноменального нет. Это то, что можно восторженно назвать судьбой, если любишь романтику; или карьерой, если говорить практично и цинично; несчастьем, если не любить мои книги; чем-то замечательным, если их любить; творческой реализацией, если говорить с точки зрения успеха…»

Ален Роб-Грийе[272], который получил лавры Премии критики вслед за Франсуазой за свой второй роман «Ревность», констатирует, что она остается одним из самых знаменитых писателей, самых переводимых, самых читаемых во всем мире. «Но, — прибавляет он, — она не снискала ни интересной, ни широкой критики за границей». Заметив, что критика некогда высказалась в пользу Саган и что это были те самые девять против пяти, проголосовавшие за присуждение премии, глава и теоретик нового романа признает, что у них было нечто общее: «У меня было то, что объединяло меня с Саган — интерес к Сартру. И я, и она — мы были узнаваемы в идеях, которые он высказывал».

В интервью «Экспресс»[273] Ален Роб-Грийе устанавливал параллель между двумя произведениями: «Ее и мои персонажи очень похожи; она, как и я, создает обычных героев, типы, и видит их, будто через мидинетку. Скучно то, что она рассматривает их с точки зрения глубокой психологии. Она их принимает всерьез, верит в них. Если бы не это, было бы очень занимательно — картинки из действительности сквозь мидинетку!»

Ален Роб-Грийе сожалеет, что Франсуаза не уделила своим романам больше внимания с точки зрения работы над текстом. «Она стала, — говорит он, — жертвой своего таланта. Она писала с легкостью и, часто нуждаясь в деньгах, халтурила. Это очень жаль, потому что “Здравствуй, грусть!” обещала более значимые для литературы произведения». Но Эммануэль Берль, который в своем «Дневнике писателя» опубликовал «Размышления о мадемуазель Саган»[274], придерживается несколько другого мнения. Отметив, как многие, ее большее внимание к психологии, нежели чем к литературе, он пишет: «Мадемуазель Саган считает себя, возможно, экзистенциалисткой, мне кажется, это не так, откуда и проистекает ее “свобода”. С точки зрения техники ее успех обязан, я думаю, ее умению быть краткой, в чем я отдаю ей должное — последнее время французские романы поражают болезненной громоздкостью, описывая истории двадцатилетней давности страницах на четырехстах. С точки зрения социологии, этот успех свидетельствует о смирении перед смертью, которое “наполняет глотки”, сожженные алкоголем. Персонажи мадемуазель Саган — это тени, ее истории происходят сегодня. Но тоска, которой она дышит, которой восторгается, которую воспевает, — это действительно то, что она сама испытывает. И я думаю, это никакого отношения не имеет ни к классу общества, ни к юношескому возрасту, это касается континента, культуры, общества, где идея братства близка к распаду, общества, чьих идолов теперь олицетворяет тотальная

автоматизация…»

«Быть может, она считает, что дошла до предела постижения человеческого опыта? — спрашивает отец Андре Бланше[275], а потом добавляет: — Ей остается, вероятно, узнать лишь несколько мелочей, совсем незначительных. Например, что человечество не ограничивается Латинским кварталом, что не всякая любовь — не более чем ловушка для простаков, что отвращение к себе противостоит горечи самоанализа, что над страданием человек не властен, в отличие от радости, наконец, недостаточно — какая инфантильность! — никогда не называть Бога, чтобы пребывать в уверенности, что более не слышишь его…» Приведем также высказывание Бернара де Файуа по поводу «Смутной улыбки»: «Что пишет Франсуаза Саган: мемуары или роман? Автор говорит, что роман. Читатель это воспринимает как мемуары. Ее первый успех объясняется, по моему мнению, тем, что она рассказала, как убила любовницу своего отца. На этот раз она рассказывает, как обманула своего любовника с его дядей. О чем еще говорить? Каждый год двести тысяч читателей во Франции и еще больше за границей спросят себя, открывая последнюю книжку Саган: “Интересно, с кем спала Франсуаза в этом году?”…»

Уже далеко не забавен тот факт, что молодую романистку считали испорченной. Она выскажется о современных отношениях между полами, отвечая Жан Жаку Поверу, который спросил, как она относится к появившейся моде снимать в кино любовный акт без стеснения, во всех подробностях. «Кажется ли вам, что эта волна так называемого эротизма изменила людей?» — спросил у нее издатель «Истории О», который был первым, кто осмелился опубликовать Сада под настоящим именем.

«Это не изменило их природу, но изменило их поведение, — говорит она. — Они чувствуют необходимость быть “сексуальными”, как, например, худыми, загорелыми — то есть счастливыми. Это ужасно и комично.

Когда после ужина пары одна за другой уходят, я знаю, что он будет изображать мужчину (разумеется, если может, бедняга, потому что жизнь в Париже тяжелая), а она — женщину, испускать какие-нибудь крики. Они будут играть в удовольствие, в обладание, в доминирование, в отстранение, они будут играть в женщину-цель и мужчину-тирана или еще бог знает во что… Или, наконец, просто заснут. И я всегда себя спрашиваю, кто из них будет изображать человеческое существо. Я спрашиваю себя, будут ли они разговаривать, возникнет ли между ними что-то, что можно назвать языком тел.

В этом у меня большие сомнения. Эта смесь эксгибиционизма

и теорий Фрейда, до глупости упрощенных, плохо воспринятых, создает своего рода принудительную необходимость заниматься любовью или афишировать связь, даже если в действительности это не приносит удовольствия. Я уверена, что люди себе в этом лгут. Если у кого-то нет любовника или любовницы, то человек считает себя либо фригидной женщиной, либо несчастным парнем».

Слова, которые шепчут в темноте, жесты, свидетельствующие о взаимном удовольствии, эти любовные игры, которые для нее являются неким таинством, — говоря обо всем этом она никогда не остается равнодушной. Но в ее романах сексуальность — это мера романтической страсти. Как в «Неясном профиле»[276], когда она пишет:

«И тысячи фанфар желания запели, тысячей тамтамов забила кровь в наших жилах, и тысячи скрипок наслаждения заиграли для нас вальс».

Тайна любви-страсти. Это желание обладать, обнимать, бросаться всем существом в чувство — это источник великого счастья и страдания.

«Чаще всего любовь — это война, — говорит Франсуаза Саган. — Борьба, где каждый пытается завладеть другим. Отсюда ревность, собственничество, ощущение зависимости, даже в отношениях, которые кажутся самыми великодушными. Как любая борьба, она порождает жертвы. Всегда есть кто-то, кто любит больше, чем другой, тот, кто страдает, и кто-то, кто страдает от того, что заставляет кого-то страдать. К счастью, отношения можно изменить так, что все могут поменяться местами. Есть такая нежность, которая заставляет принять другого, в которой есть доверие и утонченность.

Иметь с кем-то человеческие отношения — это быть с ним равным, проявлять доверие вне любовных отношений — это то, что мы называем дружбой. Любовь без дружбы ужасна».

Такова, какой она ее описала в «Боли души»[277]: «Любовные игры есть любовные игры, какие бы они ни были: робкие, детские, сексуальные, ласковые, садистские, эротические или просто нашептанные на ухо. Главное — понять друг друга, и прежде всего понять себя…»

Когда люди создают пару, нужно, чтобы каждый пристально всмотрелся в себя. Это разумно с точки зрения простой гигиены. Это требует некоторого мужества. У Франсуазы Саган хватило моральных сил покинуть Ги Шеллера, когда она поняла, что этот внушающий доверие невероятно притягательный сорокалетний мужчина может ее погубить.

«Когда начинаешь скучать, когда тебя буквально грызет

тоска, нужно уходить, — поделилась она с Клодиной Верньe-Паллие[278]. — Я обхожусь без некоторых вещей, чтобы избежать самого кошмарного — этих обедов, на которых не о чем говорить. Так часто бывало, когда я первый раз была замужем, это просто жуть. Когда не хочешь больше никому рассказывать, что ты делала в течение дня… Да, я думаю, когда хочешь поделиться с кем-то своими впечатлениями за прошедший день, когда вся твоя жизнь становится тем, что рассказываешь кому-то, чтобы развлечь, рассмешить его, это и есть любовь…»

Для Франсуазы Саган любовник — это хороший муж, который забывает о себе, а хороший муж — это любовник, который знает себя. Но идеал — это хороший муж и одновременно любовник. По меньшей мере хороший друг, оптимист, способный вести дела… Ги Шеллер похож на Люка, дядю-путешественника из «Смутной улыбки»:

«Я была приятно удивлена. Я подумала: “Очень даже ничего этот дядя-путешественник: у него были серые глаза, лицо усталое, пожалуй, грустное. Он был по-своему красив”».

Ги Шеллер, сын директора экспедиционной службы французской прессы, был заметной фигурой в издательском мире. До того как ему удалось занять в «Анри Филипаччи» пост руководителя отдела карманных книг, он служил в «Ашетт» в отделе эксклюзивных выпусков и являлся членом совета управления. Его часто можно было встретить в кабинетах издателей и редакторов газет: у Гастона Галли мара,

Пьера Лазарева — людей, к которым он относился с восторженным восхищением.

Именно в кабинете генерального директора «Франс-су-ар» Ги Шеллер впервые встретил Франсуазу Саган. «Я увидел, — говорит он, — воробушка в кресле». В Париже этот элегантный деловой человек не остался незамеченным. Он появлялся с хорошенькими женщинами на светских вечерах. Молва связывала его имя со знаменитой моделью Беттиной, которая предпочла великолепный роман с принцем Али Каном. Он хорошо образован, обожает читать, что не слишком часто встречается даже в издательских кругах. Это также галантный кавалер, настоящий джентльмен.

Он любит охотиться в Восточной Африке. Ему присущ юмор, он владеет иронией со светской утонченностью. Он женился и развелся в ранней молодости. Этот человек покорил Франсуазу. Вскоре после веселого обеда у Гастона Гал-лимара, где они оба присутствовали, произошел их первый тет-а-тет. Встреча состоялась в «Сен-Леже-ан-Ивелин» на опушке леса Рамбуйе. «Это был очень сентиментальный обед», — вспоминает Ги Шеллер, которого тронула чистота и живой ум этой необыкновенной

молодой женщины. Несколько дней спустя Франсуаза Саган, очень серьезная в своем пальто цвета морской волны с золотыми пуговицами, отправилась в Соединенные Штаты.

О любви

— Саган, вставай!

Софи Литвак, жена Толи, ворвалась как смерч. В шале Де Клостер, на станции Гризон в Швейцарии, Франсуаза, растянувшись на кровати со своей старой собакой Юкки, слушала по электропроигрывателю Брамса. Своим интимным звучанием, порождающим доверие и склонность к размышлению, симфония прекрасно соответствует состоянию ее души в этот момент.

До брака с Ги Шеллером она часто говорила: «Любовь не длится больше чем два, три года. Со временем она меркнет, теряет смысл и наконец пропадает…» Их семейная жизнь продлилась всего несколько месяцев.

«В марте 1959 года, через год после нашей свадьбы, мы решили расстаться, — рассказывает Ги Шеллер. — Она мне сказала: “Хватит, я ухожу”. Мы съехали с квартиры на улице Юниверсите, где раньше жил Жан Моро, и поселились отдельно, я — там, где жил студентом, на Альбер-Премье, она устроилась на улице Бургонь в квартире на первом этаже, напоминавшей антикварную лавку».

Еще до развода пресса говорила о нем, как о свершившемся факте. Кармен Тессие в хронике «Говорят, что…»[279] на первой странице «Франс-суар» первая сообщила о том, что Франсуаза Саган и Ги Шеллер вскоре расстанутся. Причина — они поняли, что не созданы для брака. Этот разрыв, который она инициировала сама, несмотря на страдания, Франсуаза должна была пережить под взглядами публики, превозносящей ее первую пьесу «Замок в Швеции». На вечерней генеральной репетиции в театре «Ателье» присутствовали Ануй[280], Кокто, Сартр, Мориак. Франсуа Мориак ей сказал своим хриплым голосом: «Это хорошо, весело, более того: это важно».

«Это философия любви и жизни, которая радует человека со вкусом… и раздражает людей определенного возраста, это реальность человека, не то чтобы утратившего иллюзии, но никогда их не имевшего», — говорит Жан-Поль Готье в критической статье, помещенной в «Фигаро». Франсуаза Саган вспоминает о счастливом времени начала своей карьеры драматурга:

«В тот год я открыла для себя прелесть театрального успеха — в какой-то момент — аплодисменты, в какой-то — тишину, очаровательную публику — лучшую на свете, коль скоро моя пьеса ей нравилась. И я с наслаждением слушала, как вокруг меня говорили: “Она еще и пьесы умеет писать!”»[281]

Ужин у «Максима», последовавший сразу после презентации, прошел очень весело, но Франсуаза вынуждена была скрывать свои страдания. В Клостере, среди друзей она обрела душевное равновесие, и ее рана заживилась, как по волшебству. Ги Шеллер иногда звонит ей: «Какая погода?» «Ты где? Тебе лучше теперь?» Говорит о пьесе: «Знаешь, все идет отлично».

Но это не был голос любви, длившейся пять лет, или человека, бывшего мужем восемнадцать месяцев, который был любим, быть может, любим до сих пор. «Это, — замечает Мишель Клерк, — голос издателя Ги Шеллера, сорокалетнего обаятельного мужчины, который никогда не выходил и никогда не выйдет за пределы своего золотого круга — лошади, успех, путешествия. Она — пленница своей грусти: автомат-проигрыватель и душевная смута. Он рассказывал ей об утренней верховой прогулке в Мэзон-Лафит, о скучном светском ужине, на котором присутствовал накануне. Она слушала его беспощадные речи обо всем, кроме самого главного»[282].

Как большинство людей, общавшихся с Франсуазой Саган, он тоже отметит, что она была «самой умной девушкой, какую ему приходилось видеть». Теперь, вспоминая их совместную жизнь, Г и Шеллер говорит в первую очередь о великодушии и терпимости и лишь потом добавляет, что никто не мог бы подловить ее на глупости. Его прошлое вспышками отражается в памяти, и он видит лики нежности, счастья, необыкновенной чистоты. Например, он никогда не забудет, как они ехали на машине из Кассэна в Сен-Тропе: «Это было в конце июля, часов в семь вечера. Я вел, Франсуаза читала мне рукопись “Любите ли вы Брамса..”. Потом поставила кассету Билли Холидэй. Это был божественный вечер».

Их августовское свадебное путешествие в Сен-Тропе показало очевидность предстоящих супружеских проблем. Они сняли виллу «Этуаль», где обнаружили, что образ жизни того и другого совершенно несовместим. Как таким разным людям организовать совместное существование?

«Мадам еще не приходила?» — спрашивает Ги у служанки[283] Иоланды, вернувшись с улицы Юниверсите после тяжелого рабочего дня. Франсуаза опять опаздывает, и хозяйка дома проявляет неуместное беспокойство, когда Шеллеры приходят не вовремя. Быть пунктуальной в отношении невыносимых официальных обедов — это слишком для молодой романистки, которая только и ждет момента, чтобы встретиться с друзьями в «Режине».

«Это люди без времени», — говорит она. Сначала Ги Шеллер сопровождал ее в «Джимми’с Монпарнас», но танцевать, болтать и

пить до зари оказалось ему не по силам. Ночные клубы и их завсегдатаи, Бернар Франк, Антуан Блондэн, Жак Шазо, их пьяные разговоры — все это его раздражало. Он не принадлежал к этой среде и предпочитал встать пораньше и прокатиться верхом перед работой в «Ашетт».

В девять тридцать он у себя в кабинете на улице Галлиер. Это просторная комната, напоминающая скорее респектабельный буржуазный салон с библиотекой и мебелью красного дерева. В полдень его ждет черный «шамбор» с шофером, чтобы доставить в «Дени» в семнадцатом округе, один из самых дорогих ресторанов Парижа, где он всегда решает деловые вопросы. После полудня этого респектабельного бизнесмена можно вновь найти на улице Галлиер. Он окружает себя красивыми женщинами, породистыми лошадьми, спортивными машинами и предметами искусства, но самое большое удовольствие ему доставляют путешествия: на Таити, где живет его брат Жак, через Тихий океан, в Америку, на Дальний Восток, в Кению…

Франсуаза пакует чемоданы, чтобы сопровождать его в странствиях. Из всех воспоминаний об этих поездках на край света ей особенно запомнился случай, произошедший в Кашмире. Это было в 1968 году, она писала тогда «Немного солнца в холодной воде», историю о Жиле Лантье, парижском журналисте, страдающем депрессией и сбежавшем к сестре в «лимузине».

Этот роман, первая ее книга, вышедшая в издательстве «Фламмарион», был начат в усадьбе на юге Ирландии, в Глен Бэе, и продолжен в Сринагаре, где Франсуаза жила в обставленной в викторианском духе резиденции на озерах. Из окна ее комнаты открывался вид на руины замка. Ее совершенно не смущала необычность обстановки, поскольку она описывала придуманные сюжеты, в данном случае буржуазное общество Лиможа и вспышку любовного чувства к выздоравливающему журналисту, охватившего одну из его прекрасных представительниц. Ее вдохновение никак не было связано с окружавшей ее атмосферой.

«Обстановка в том месте, где я работаю, никак не отражается на том, что я пишу, — объясняет Франсуаза Саган. — В камине может спокойно потрескивать огонь, когда я думаю о том, что происходит на пляже, я слышу только одно — шум моря».

Ее подруга и прежняя секретарша Изабель Хельд вспоминает: «Она думает необыкновенно быстро. Когда персонаж вдруг начинает в ней жить, нужно немедленно удовлетворить все потребности Франсуазы, она требует полной отдачи».

«Я начала печатать ее рукописи на машинке, — рассказывает она. — Ее почерк очень трудно разобрать, мне было очень неудобно. Потом она пустилась в импровизацию, поначалу боясь

неудачи. Я тоже жутко боялась и сидела тихо-тихо, забившись в кресло, неподвижная, как статуя. Прочтя написанное, Франсуаза принималась ходить по комнате, много курила и пила. Потом опять громко начинала диктовать. Я записывала стенографически до двадцати страниц в час.

Какое счастье припасть к истоку ее творчества! Мое самое сильное впечатление — момент окончания “Смятой постели”. Она продиктовала мне последнюю фразу, и я спросила, действительно ли она закончила. “Боюсь, что да”, — ответила она. Со слезами на глазах я ушла к себе и разрыдалась».

В отсутствие секретаря Франсуаза Саган печатала свои книги на машинке тремя пальцами каждой руки.

«Когда я работала над “Душой, покрытой синяками”, — рассказывает она, — я поранила локоть — нелепый несчастный случай, из-за лошади. Я могла двигать только тремя пальцами, это был предел нервного напряжения. Кто-то мне посоветовал: “Почему не попробовать диктовать?”[284] Раньше это было невозможно: мне казалось, что нельзя обнажаться до такой степени. А что делать, если нет другого выхода? Сначала я испытывала моральные терзания, боясь замяться перед кем-то, кто пришел меня слушать. Пила виски. Из вежливости, чтобы расслабиться»[285].

Изабель Хельд познакомилась с Франсуазой Саган в парижской квартире Жюля Дассэна и Мелины Мерюори, на улице Сэн. Она помогала режиссеру, который писал мемуары. Изабель печатала рукопись. Это продолжалось несколько недель. Иногда она наведывалась к Франсуазе, которая обосновалась в Нелли в доме с лифтом. Постепенно молодая женщина, которая работает секретаршей на киностудии, стала ее помощницей при создании романа «Душа, покрытая синяками».

«Потом я отправилась на съемки и уже позднее получила о ней известия, — говорит Изабель Хельд. — Она хотела, чтобы я работала с ней и Софи Литвак над переводом пьесы Теннесси Уильямса, которым она занялась по просьбе Бар-сака». С этого момента в жизни Саган Изабель займет исключительное место. Уважение и дружба писательницы позволят ей войти в тот узкий круг, в котором главенствующее положение занимали порой Жак Шазо и Фредерик Боттон.

Жак Шазо, бывший танцовщик «Опера-Комик», весьма остроумный вдохновитель претенциозных сценок о Мари-Шанталь, производивших фурор в середине 1955-х годов[286], был представлен Франсуазе как раз в этот период. Они много шутили и развлекались, и общее веселье сделало их неразлучными. «Для меня, — говорит он, — это идеальная женщина, потому что она

объединяет в себе, с моей точки зрения, все достоинства. Она одновременно умна, мила, в ней есть хрупкость, простота, внутренняя легкость. И, разумеется, талант. Ее талант огромен».

В январе 1984 года в интервью «Ф Магазин» он впервые открыто говорит о своем отношении к Франсуазе[287]. «Это было чувство редкого свойства, настоящая любовь. У меня были параллельно связи с мужчинами. Между нами не было ревности, собственничества. Мы просто действительно были вместе. Внутренняя общность, нежность, любовь без сомнений, без бурь страстей. Я думаю, это было то, что теперь называют любовью-дружбой».

Жак Шазо признается далее, что думал о женитьбе на Франсуазе. «Мы оба об этом думали, — уточняет он. — К несчастью, в разные моменты. Однажды вечером я ужинал с Франсуазой, она вдруг погрустнела и сказала, что хотела бы выйти за меня замуж. Я в этот момент был влюблен в очень красивого юношу: “Хорошо, кошечка, но позднее”, — ответил я ей. Несколько месяцев спустя я уже не был влюблен, и мы опять ужинали вместе. Тогда уже я сказал Франсуазе: “Ты знаешь, я подумал, давай поженимся”. — “А, да нет, — сказала она мне. — Сегодня вечером у меня хорошее настроение”.

Мне часто казалось впоследствии, что я, быть может, прошел мимо чего-то очень важного, что могло бы изменить мою жизнь. Я, конечно, оставил бы отношения с мужчинами: я не позволил бы, чтобы моя жена выглядела смешно».

Второе замужество

«Я — женщина, любившая мужчину. Это так просто: не из-за чего тут меняться в лице». Франсуаза часто повторяла эту последнюю фразу своего второго романа. Как Доминика, героиня «Смутной улыбки», она говорит перед тем, как перевернуть страницу: «Ну и что, в конце концов?» Неизбежная грусть, мучительная тайна любви… Иногда готовая вспыхнуть вновь и исполненная понимания своей предельности и тем более кратковременности сожалений. Ей можно было бы приписать фразу философа Алена: «В каждое мгновение нам предлагается новая жизнь. Это единственное, что мы можем взять». Меньше чем через полтора года после развода, 10 января 1962 года, Франсуаза Саган вышла замуж за Боба Вестхофа в Барневиль-ля-Бертран (Кальвадос).

Сто семьдесят четыре жителя деревушки почти ничего не видели. Церемония прошла при закрытых дверях благодаря стараниям Жака Куарэ: несколькими днями ранее он встретился с прокурором Лизьё и получил разрешение не публиковать официальное сообщение о бракосочетании. Причина: «поддержание общественного порядка в департаменте». С теми же предосторожностями молодой маркиз Де Ласпесбан, мэр небольшой нормандской местности, был предупрежден о том, что его знаменитая соседка из Экомовиля готовится к бракосочетанию. Молодожены приехали к нему в замок с визитом в воскресенье вечером. Церемония была назначена на утро следующего дня.

На этот раз действительно присутствовали только близкие. Ни репортеров, ни суеты. Приехали родители Франсуазы, ее брат, сестра Сюзанна и ее муж Жак Дефорэй, близкие друзья Жак Шазо и Вероника Кампьон, ее пятеро племянников и племянниц и двое друзей Жака Куарэ, Альберт Дебарж, помощник генерального директора фармацевтической лаборатории, и журнальная красотка Кристиан. Жених — американец, ему тридцать один год, он напоминает Алана, своего соотечественника из романа «Волшебные облака»[288], появившегося в прошлом году: «Он и вправду походил на молодого героя вестерна. Светлые глаза, обветренная кожа, прямой взгляд. Простодушие, пусть даже напускное…»

Кто же такой Боб, незнакомец с внешностью киногероя? С этим скромным молодым человеком, излучающим спокойствие и счастье, она познакомилась на свадьбе своей подруги Паолы Сэн Жюст и графа Шарля де Рохан-Шабо в июле 1961 года. В апреле

1958 года в Париже четырьмя годами ранее положенного он уволился в запас из военно-воздушных сил США и отправился пытать счастье в Голливуд. Снялся в мелодраме без особенного успеха. Потом заключил контракт в качестве модели для демонстрации рубашек «Арроу».

Во Францию он приехал как турист с намерением заняться скульптурой и керамикой, не бросая, однако, более прибыльную работу моделью. Он снял маленькое ателье на Монмартре и погрузился в мир парижских развлечений. Его встреча с Франсуазой Саган была подарком судьбы, поскольку ему свойственно жить «как Саган».

Этот дар весьма ценил Бернар Франк: «У каждого из нас есть свои праздники и будни. Каждый день несет тоску, потому они и похожи, и мы их путаем. Жаль, что мы теряем память и не можем больше различить жизненных вех. Чтобы стать для нас исключительными, праздничные дни неизбежно наступают все реже и реже. У них есть и другой недостаток, они будто облачены в смокинг. Когда мы живем, как Саган — а сама Саган вовсе не живет в стороне от проблем и несчастий, я бы даже сказал, что у нее есть тенденция их провоцировать! — это различие между праздниками и буднями стирается. Огромная скрытая часть нашего существования вдруг проявляется, и мы перестаем нуждаться в смокинге…»[289]

Почему Франсуаза Саган решила так быстро попытаться вновь обрести семейный очаг после первой неудачи? Возможно, из-за Ги Шеллера, который 19 января 1962 года заключил свой третий брак с очаровательной двадцатилетней Флоранс Сцеллье, от которой у него родится дочка Сара. На самом деле романистка оказалась во власти обстоятельств — она была беременна, и мадам Куарэ была бы расстроена, если бы дочь оказалась в этой ситуации не замужем. Поскольку Боб, которого она нежно любила, был в восторге от известия о будущем ребенке, ей показалось более удобным придать их отношениям официальный статус.

Денис Вестхоф родится 26 июня 1962 года в американском госпитале в Нелли. «Пари-Матч» посвятит этому событию обложку. Франсуаза выразила свои эмоции по поводу материнства красивой фразой: «Я теперь как дерево, у которого выросла еще одна ветвь». И внезапно для себя она оказалась перед лицом человека, который будет вправе ее судить. «Это глаза, которые на вас смотрят именно так, как вы хотели бы, чтобы на вас смотрели», — говорит она. — Это дает ощущение ответственности, но при этом становишься еще более свободной, чем раньше».

Материнство заставило несколько изменить образ жизни. «Раньше, — объясняет она, — я могла пойти куда угодно: в меблированные комнаты, в отель, к друзьям. Когда появился Денис, я стала чаще завтракать, обедать и ужинать дома». Она разрешилась от бремени глубокой ночью. Это самое неприятное для Франсуазы воспоминание:

«Я никогда не понимала, как женщины соглашаются на присутствие мужа, когда их мучает боль. Показаться в таком виде, раскоряченной, в крови, какой ужас! Это отсутствие стыда с обеих сторон. Я не выношу вид страданий, когда ничем не могу помочь. Если бы Боб присутствовал при всем этом, я бы с ним рассталась на следующий же день».

«Я был у ее родителей, на бульваре Малешерб, в четыре часа утра позвонили и сообщили, что у меня родился мальчик, — говорит Боб Вестхоф. — Это было неожиданно, потому что в больнице никто не думал, что роды будут этой ночью. Франсуаза тяжело перенесла беременность. Ей несколько раз угрожал выкидыш. Это чуть не случилось однажды в Сен-Тропе, где мы снимали дом».

Ее срочно доставили в клинику в Ницце, там она пробыла две недели и самолетом вернулась в Париж в сопровождении врача, который был против такого риска. В Орли журналисты увидели Франсуазу, которая, закутавшись в пальто, спускалась с борта «Каравэль». Ее сфотографировали на носилках скорой помощи перед тем, как она была отправлена на обследование в американскую больницу. Последние недели возле нее были мать и Паола Сен-Жюст, которые ухаживали за ней вплоть до родов.

Паола, внучка Стерна, из семьи банкиров, связанной с домом Ротшильда, отец которой был выходцем из сардской знати, буквально излучала радость жизни. У этой обладавшей невероятным шармом женщины, любовницы Али Кана, написавшей роман под названием «Рябь на воде»[290], были все возможности жить себе в удовольствие. Однако эта молодая, красивая и удивительно великодушная женщина очень рано умерла от рака.

Франсуаза, которая познакомилась с ней в Монте-Карло в январе 1958 года во время постановки комедии-балета «Неслучившаяся встреча»[291], была рядом с ней в ее последние дни. На вилле в Сен-Тропе Паола, страшно исхудавшая от болезни, беспомощно улыбалась окружающей идиллии, которую ей так недолго оставалось лицезреть. Молодая женщина, цепляясь за жизнь, пыталась заново пережить счастливые моменты.

Присутствие Франсуазы возвращало ее в недавнее чудесное прошлое. В 1961 году, например, выдалось замечательное лето, начавшееся короткой поездкой в Рим с Альберто Моравиа[292] и продолжившееся отдыхом на Капри.

«Я была с Паолой, Флоранс Мальро и братом, — говорит романистка. — Моя встреча с Франко Манцинелли-Скотти, итальянским графом, воплощением “любовника-латинянина”, который расстался с актрисой Эльзой Мартинелли, разлучила меня с ними. Я поехала со своим новым поклонником на Сицилию на съемки фильма Франческо Рози про знаменитого бандита Сальваторе Джулиано. Франко было поручено пресс-сопровождение проекта».

По возвращении в Италию сияющая и счастливая Франсуаза Саган присутствует на свадьбе Паолы и влюбляется в соблазнительного красавца Боба Вестхофа. Она приглашает его в Экомовиль, где проводят медовый месяц Паола и Шарль де Роган-Шабо. Можно сказать, это было чертовски романтичное лето! Следующее можно назвать скорее божественно прекрасным: Франсуаза попросила подругу быть крестной матерью своего сына, крестным отцом был Жак Шазо.

В день крещения семья Куарэ не увидела отца и мать Боба — протестантов с немецкими корнями, живших в пригороде Миннеаполиса (Миннесота) и никогда не бывавших в Европе. Узнав о женитьбе сына из газет, они были в восторге, но никуда не поехали. Боб был призван в армию в возрасте девятнадцати лет и провел много времени в Японии и на Филиппинах, потом работал какое-то время с французскими солдатами в Индокитае и никогда не давал о себе знать.

«Надеюсь, у них будет много детей, — удовлетворенно произнесла мадам Вестхоф. — Я воспитала девятерых, и у меня уже много внуков». Франсуаза Саган не последовала этому доброму совету. Да и на воспитание ребенка у нее были свои собственные взгляды:

«Необходимо, чтобы у ребенка было свое жизненное пространство: своя комната, свои игрушки, своя школа, люди, с которыми он живет, друзья, с которыми он играет. Есть элементарные вещи, которым его необходимо научить: быть вежливым, честным, нежадным, терпимым.

До трех-четырех лет, пока у него еще не было друзей, я соглашалась, чтобы его фотографировали. А как только он пошел в школу, я всегда была против. Он носит имя Денис Вестхоф, что позволяет в какой-то мере укрыться от всеобщего любопытства. Так однажды его маленький приятель спросил его: “Это правда, что ты сын Франсуазы Саган?” — “Да”. — “Ну, знаешь, а мой отец

— Наполеон!”»

Франсуаза и Боб живут на бульваре Инвалидов в двухэтажной квартире, которая слишком мала для ребенка.

«Я купила ее по совету Паолы, — говорит Франсуаза Саган. — Только она была обустроена, как я забеременела. Я была вынуждена ее продать, и мы сняли квартиру на улице Эмиль Акколас. Потом я постоянно переезжала. Я вообще люблю менять обстановку, видеть каждый раз другие облака».

Ребенок хорошо чувствует себя на бульваре Малешерб в своей большой колыбели в белоснежном вышитом белье. Кузина Жака Деффорей станет няней Дениса, пока он не пойдет в детский сад. Эту оригинальную женщину зовут Зази, она воспитала детей знаменитого хирурга, профессора Кошуа, и пользуется абсолютным доверием месье и мадам Вестхоф.

Через год после их свадьбы они решили развестись, но не расстались.

«Я захотела развестись после рождения Дениса, — рассказывает Франсуаза Саган. — Я не хотела, чтобы Боб сделал из меня маму. Мы все время спорили. Но после посещения суда мы стали понимать друг друга лучше. Мы официально развелись, но продолжали жить вместе. Это продлилось семь лет».

«Мы воспользовались услугами одного адвоката, месье Рене Флорио, — говорит Боб Вестхоф. — Он никогда еще не видел в подобных обстоятельствах такую веселую пару. Ни Франсуаза, ни я — мы не созданы для брака».

«У меня не было никогда страсти, которая длилась бы более семи лет, — уточняет Франсуаза. — Кажется, каждые семь лет происходит какое-то обновление в жизни. И потом, мы рождаемся, живем и умираем в одиночестве. От этого не убежишь, да это и не нужно».

Молодая гошистка

В мае 1960 года главный редактор «Экспресс» Филипп Грюмбах по совету Жизели Галими предлагает Франсуазе Саган сотрудничать с ним, в результате чего она восстановила отношения с Флоранс Мальро, тремя годами ранее приглашенной помогать Франсуазе Жиру[293].

Дочь Андре Мальро пришла в «Экспресс» из отдела фотографий «Галлимар» и сразу же погрузилась в проблемы, связанные с войной в Алжире. Едва она приехала, ее попросили принять учительницу Леону Мезюра, которую подозревали в том, что она является агентом по связям с Фронтом национального освобождения, и подвергли жестокому обращению во время военных допросов. Франсуаза Саган, совсем не интересовавшаяся политикой, могла только возмущаться рассказу Леоны Мезюра, который заставил ее подругу плакать. Несмотря на происхождение из семьи скорее националистических взглядов и свою мать, которая активно возражала против того, чтобы ее дочь считали «левой писательницей»[294], Франсуаза решительно высказалась в статье по делу Джамили Бупаша, молодой девушки, замученной военными из Фронта национального освобождения, и подписала манифест Ста двадцати одного за право неподчинения. Ее позиции диктовались «гуманистическими соображениями»; правые выступали за французский Алжир — она оказалась, к несчастью для родных, на левом крыле.

Франсуаза всегда свободно высказывала свое мнение, но никогда не вступала ни в какие партии. В статье, написанной для еженедельника «Эвенеман де жёди»[295], романистка уточнила свою позицию, цитируя слова Марселя Пруста, которого она читает и перечитывает постоянно и у которого она взяла свой псевдоним:

«Настоящая роль писателя — та, о которой пишет Пруст: он — оптический инструмент, благодаря которому читатель может рассмотреть жизненную реальность, до определенного момента непостижимую (и часто автор сам открывает для себя что-то, только сказав об этом). Но определенные вещи требуют рассмотрения. Открытое, чувственное, живое воображение не может не зафиксировать то, что буквально лежит под ногами, то, что составляет реальность его времени, его мира. Невозможно не увидеть на трех четвертях планеты болезни, нищету душ и этот тепловатый ад, который составляет жизнь большинства наших современников; невозможно видеть это все и не вмешаться в политику…»

Франсуаза Саган, которая никогда не заточала себя в поэтической башне из слоновой кости, полностью принадлежит своему времени, и как человек, который постоянно размышляет о мироустройстве, постоянно удостоверяется в его несправедливости:

«Общество очень жестоко по отношению к молодежи, безработица отвратительна: чем больше совершенных механизмов, тем меньше работы. Я считаю, что счастливы должны быть все, и если общество руководствуется соображениями выгоды и не заботится о счастье людей, оно не жизнеспособно, потому я социалистка. Я думаю, что только социалисты способны смягчить это всеобщее состояние шока»[296].

Будничная жизнь — это драма. Ужас, шум, страх, ожесточение, тоска — ежедневные ощущения, содержание жизни большинства людей. Франсуазу Саган часто упрекают в том, что она фривольная романистка из среды разочарованной золотой молодежи. Но в СССР ее книги представляли как непримиримую атаку на буржуазный декаданс. Ее известность за железным занавесом можно проиллюстрировать историей, которую рассказывает Лена Ботрель: «На книжной ярмарке во Франкфурте русские интересовались историей французской литературы и выразили неудовольствие, узнав, что автор “Здравствуй, грусть!” не числится среди других писателей».

С другой стороны, в 1958 году в Южной Африке человек, попавшийся с книжкой Саган, рисковал быть осужденным на год заключения, а в случае «предумышленности» — на пять лет. Отсюда понятно, как феномен Саган трансформировался в восточном обществе. Папа Павел VI в августе 1973 года, говоря о слабой приверженности современного мира к молитве, обвинил романистку в антирелигиозности, вспомнив ее знаменитое «Бог мне безразличен», которое так шокировало кюре Кажарка и которое она впоследствии повторяла. По парадоксальным соображениям в Португалии «Здравствуй, грусть!» была запрещена, а самое знаменитое католическое австрийское издание «Обсервер де Виен» опубликовало за подписью Р. П. Диего Ганс Гетц следующие строки:

«За аморальностью твоего романа, Франсуаза, кроется надежда, единственная надежда наших современников. Твоя книга заканчивается нотой надежды, и мне хотелось бы, чтобы среди тысяч читателей, которые прочтут ее во всех странах мира, кто-то был бы тронут этой надеждой, этой грустью. Спасибо, Франсуаза Саган». Подобной была и реакция отца Бланше, французского доминиканца: «Франсуаза Саган не издевается. Она

улыбается с грустью. Быть может, потому, что спектакль, который мы являем ее детскому взору, совсем не радует и не утешает».

Одухотворенность — это для Саган и есть реальность. В ее легких, прозрачных фразах ощущается биение жизни… «Это душа! — восклицает Франсуа Мориак и продолжает: — Персонажи Франсуазы Саган не отдают себе отчет в том, что она у них есть. Но она в них живет и связана с их уязвимой плотью. Я слышу, как она кричит»[297]. Прощай, грусть, здравствуй, грусть… Это маленький шаг к счастью вдруг осознать, что «жизнь прекрасна, что тьма полностью и безоговорочно оправдана в эту именно секунду простым фактом своего существования»[298].

В то же время, с точки зрения манихейства, грусть — это дьявол, и, напротив, Бог являет собой радость. Это слово Франсуаза Саган использует очень часто. «Для меня, — говорит она, — радость — это естественный взрыв счастья, а когда мы ее изображаем — утонченная форма вежливости»[299]. «Веселый» — это чудесное прилагательное, действует как заклятие против смертельного холода тоски.

В двадцать пять лет романистка является выразительницей духа молодого поколения, «новой волны», на нее ориентируются все молодые таланты, ее отождествляют с «Экспресс», в то время левым изданием.

«Я не думала, — пишет она, — что есть предел всеобщему равнодушию по отношению к определенным вещам — и особенно моему. Я не думала, что простой рассказ может меня заставить покинуть этот сомнительный комфорт, который дает ощущение беспомощности, жуткую усталость, какую испытываешь, подписывая миллионы петиций. Ко мне просто пришли и рассказали, приводя доказательства, историю Джамили Бупаша. История слишком невыносимая, особенно ее конец, когда двадцатидвухлетняя девушка была измучена и приговорена к смерти 17 июня в Алжире…»

На эту статью она получила огромное количество откликов, и оскорбительные письма, и письма поддержки. Убежденная в том, что борется за правое дело, достойное самых серьезных усилий, она соглашается приютить скрывающихся алжирцев и перевозит в своем «ягуаре» раненых до границы. Она принимает у себя Франсиса Жансона, которого с начала года разыскивает по политическим мотивам французская полиция.

Бывший редактор и главный заместитель директора журнала Жан-Поля Сартра «Тан модерн» взял на себя заботу о членах комитета управления французской федерации Фронта национального освобождения. В Париже он скрывался в студии Жан-Поля Фора, на улице Биксио, рядом с Военной школой, или

на квартире у фоторепортера Филиппа Шарпентье, на улице Конвенсьон. Благодаря посредничеству этих людей, поддерживавших сеть Фронта национального освобождения, ее близких друзей, Франсуаза Саган в сопровождении Бернара Франка провела много часов в обществе Франсиса Жансона. Он рассказывает: «С Франсуазой я чувствовал себя как дома. Она полностью разделяла мои идеи. Я был, — подчеркивает он, — одним из первых, кто выразил восхищение ее талантом, что породило крупную дискуссию в “Тан модерн”. Одним из тех немногих в левых кругах, кто высказался за нее, был Роже Вайан».

В первых числах сентября 1960 года разразился скандал по поводу манифеста 121, декларации неподчинения в отношении войны в Алжире. Среди первых подписей значились: Жан-Поль Сартр, Андре Бретон[300], Ален Роб-Грийе и Морис Бланшо, который написал окончательный текст. Манифест был подписан также Флоранс Мальро и ее будущим мужем Аленом Рене. Увидев подпись дочери, Андре Мальро пришел в ярость: в качестве министра генерала Де Голля он не мог воспринять это спокойно. Министр Мишель Дебре сделал ему по этому поводу суровое внушение. «Я совершенно не предвидела последствий этого шага, — говорит Флоранс. — Полиция допросила всех, кроме меня, количество подписей продолжало расти, но никто не был арестован».

«Последнее слово сказал Де Голль: “Оставьте мыслителей в покое”», — записал Ален Роб-Грийе, которому Андре Мальро предложил свою помощь на случай, если его потревожат. «Он многим из нас написал, чтобы успокоить, — прибавляет Роб-Грийе. — Я думаю, что ему было желательно быть на обеих сторонах одновременно». Затем появились подписи Франсуа Трюффо и Франсуазы Саган. «Они поставили свои подписи больше из желания поддержать, чем по необходимости или убеждениям», — замечает Флоранс Мальро, которая часто говорила с Франсуазой о своих философских взглядах, «левых интуитивно, по призванию сердца».

Морис Надо, критик «Экспресс», директор отдела коллекций издательства «Жюйар»[301], попросил у сотрудницы пресс-службы Моники Майо пойти к Франсуазе Саган, чтобы получить ее подпись. «Я отправилась к ней в Экомовиль, — вспоминает Моника, которая стала генеральным директором издательства «Грассе». — Около часа дня я вошла в усадьбу, так местные жители называют свои дома. Мы выпили в маленькой гостиной шампанского из серебряных фужеров. Вокруг стола ходил осел. Франсуаза тут же согласилась подписать манифест, хотя Рене Жюйар ей сказал: “Не вмешивайтесь”».

Сам он в качестве директора отказался поддержать декларацию и должен был запретить ее подписывать своему молодому помощнику Кристиану Буржуа. Это странно, если учесть, что он постоянно рисковал, публикуя произведения, считавшиеся нелояльными по отношению к власти, и поддерживая «Тан модерн» — журнал, который прежде выпускало, а затем вновь стало выпускать издательство «Галлимар». Политическое содержание издания сводилось к решительному протесту против репрессий в колониях. Рене Жюйар был скомпрометирован действиями сотрудников, с которыми обсуждал «ход событий», и не смог избежать полицейской облавы на издательство.

Полиция посетила также Франсуазу Саган в Экомовиле. Бернар Франк стал свидетелем этого происшествия[302], которое едва не осложнилось из-за неприязни Франсуазы к блюстителям закона: «Я ждал Франсуазу в казино в Довиле. Она не пришла, тогда я вернулся домой и оказатся лицом к лицу с полицейскими. Франсуаза улыбалась, она велела подать им прохладительные напитки. Я, напротив, чувствовал себя не в своей тарелке. Меня возмутил их визит туда, где нам было так хорошо. У меня было ощущение, что эти типы осквернили царившую в доме атмосферу.

В ответ на мой идиотский вид один из них мне сказал: “Если хочешь, малыш, мы обыщем всю хибару…” Потом все уладилось». Бернар Франк также присутствовал при сценах, когда Франсуазу Саган оскорбляли в Онфлере, в магазине, где она делала покупки: «Ее называли “шлюхой”, “предательницей”… Дамы говорили ей: “Мой сын в Алжире, вы хотите его смерти”. Франсуаза хорошо держалась. В случае угрозы взрыва нужно сохранять мужество и способность энергично действовать. Когда происходит взрыв, человек или успевает спастись, или нет…»

Кстати говоря, французский спецназ, устраивая серию покушений на сторонников освобождения Алжира, не пощадил и ее. Пластиковая бомба разнесла дверь квартиры на бульваре Малешерб. «Мой муж прошел через нее меньше чем за полчаса до взрыва», — говорит Мари Куарэ, которая в этот момент находилась в Кажарке. «Это было очень бурное время, чем-то забавное… — отмечает Франсуаза Саган. — Я узнала много нового. О других и о себе самой».

«Она всегда давала обязательства с гораздо большей готовностью, чем я», — говорит Бернар Франк, которого Пьер Куарэ не любил. Скорее даже ненавидел: «Он был достаточно ревнив по отношению к людям, которые обладали определенной значимостью для Франсуазы. Он вел себя не как классический буржуа. Он мог бурно выражать свои эмоции и при этом

выглядеть смешно. Но ко мне у него была просто патологическая неприязнь».

В любом случае Пьер Куарэ, обладавший темпераментом анархиста, не выказывал возмущения политическими взглядами Франсуазы. Быть может, он и не знал, что автор «Крыс» Бернар Франк повлиял на решение Франсуазы голосовать за Де Голля[303] на президентских выборах 1965 года. Эта история, рассказанная Мишелем Готта, была напечатана в специальном номере «Крапуйо»[304]:

«Франсуаза Саган и Бернар Франк жили в одной квартире на улице Мартиньяк. Саган на втором, Франк на первом этаже. Звонит телефон. Франсуаза Саган снимает трубку. Просят Бернара Франка. Он выходит из ванной, его лицо покрыто пеной для бритья. Он берет трубку, и Франсуаза прыскает со смеху от его вида. Он в ярости. По телефону его просят подписать голлистский манифест. Новый приступ смеха Франсуазы, которой кажется, что Франк выглядит слишком несерьезно, чтобы обсуждать подобную проблему. Раздраженный Бернар Франк говорит: “Ах, вот как, ну ладно, я подпишу это воззвание. И хватит об этом”.

Он вешает трубку и поднимается, чтобы закончить бриться. Проходит полчаса. Франк спускается со сконфуженным видом. Он не знает, как он теперь может отказаться ставить свою подпись. Единственный выход — чтобы

Франсуаза тоже подписала манифест. Автор “Здравствуй, грусть!” никогда не подписывала документов, на которых не стояла бы подпись Бернара Франка. “Только один раз”, — говорит она. И она подписала воззвание. Она даже пошла дальше: приняла участие в словесной дуэли, на которую ее вызвала со стороны “Пари-Матч” Маргарита Дюра[305]. Саган за Де Голля, Дюра за Миттерана. Приведем отрывок из их беседы:

Саган. Люди голосуют за левых от раздражения: “Детей нет, он по натуре сноб — мы, мол, ему покажем…” Это говорит о том, что один человек держит в руках всю страну в большей степени силой своей личности, чем делами. Мне не кажется, что то, что он сделал, плохо: деколонизация, налаживание отношений с Востоком — это согласуется с моими взглядами.

Дюра. В любом случае, абсолютное большинство в стране проголосовало против Де Голля. От него отказались.

Саган. Де Голль тем не менее будет избран, в этом нет сомнений…

Дюра. Это совершенно не очевидно. Если кандидатом от левых сил будет Мендес, вы проголосуете за него?

Саган. Конечно, от всего сердца, безоговорочно.

Дюра. В этом мы сходимся. Но вы увидите, что произойдет — я вам это предсказываю — если Де Голль будет у власти еще семь лет и если сформируется левая оппозиция, которая сейчас находится в эмбриональном состоянии… вы будете наблюдать официальный антикоммунизм, реакцию…

Саган. Тогда мы вместе пойдем на баррикады, как в “Ви-ва, Мария”… Это будет очень весело…»

Во время этого разговора Франсуаза, которая не считала Миттерана подходящим кандидатом, уточнила свой выбор:

«Я голосую за Де Голля, за представителя левых, потому что он готов на любой поступок, даже нелепый, даже низкий, чтобы в конечном итоге оказать самую неожиданную поддержку левым идеям».

Это было очень проницательное высказывание. С течением времени ее оценка личности генерала Де Голля все более подтверждается, а в то время ее слова казались чудаковатыми.

Ее рассказ в «Экспресс»[306] о путешествии на Кубу в июле 1960 года показывает, насколько верны были ее высказывания о режиме Кастро[307]. Сама тема была запретной для левой интеллигенции. Сартр и Симона де Бовуар, симпатизировавшие Фиделю Кастро, поддерживали его режим и не хотели видеть опасности тоталитаризма за революционной эйфорией. Франсуаза Саган, которая вместе с братом провела на острове всего-навсего девять дней, почувствовала, напротив, двойственность этой зарождающейся демократии. «На Кубе все не так просто, — пишет она. — Лично я уезжала туда, настроенная очень романтически, а вернулась с ощущением какой-то недоговоренности, сомнений». «Там было слишком много военных. Это всегда подозрительно», — уточнила она позже, чтобы пояснить то свое субъективное впечатление.

Из Гаваны Франсуаза приехала измученная, пожила в Нью-Йорке, потом отправилась отдыхать в свой нормандский дом, приобретенный годом ранее:

«Это было 8 августа во время игры в рулетку в казино в Довиле, я выиграла восемь миллионов. Утром я должна была уезжать из старого дома, который я сняла на каникулы. Там нужно было все приводить в порядок, хозяин ругался перед дверью со списком повреждений в руке. Когда он мне сказал, что хотел продать этот дом, совсем недорого, как раз за восемь миллионов, я долго не раздумывала. Обычно у меня денег не было, я всегда снимала жилье.

Человек этот был, кстати, очень странный. В большом салоне на первом этаже он распорядился положить паркет и вечером один танцевал под граммофон, а его парализованная жена спала

на втором этаже. И бегал за крестьянками»[308].

Так волей судьбы Франсуаза Саган приобрела в собственность «Усадьбу Брейль» которая принадлежала когда-то Люсьену Гетри и где, кажется, бывала Сара Бернар. В «Ненадломленном смехе»[309], ее биографии трагической актрисы, которая написана в форме переписки двух близких подруг, романистка представляет даже, что великая Сара Бернар спала на третьем этаже, в комнате слева, где «они утром дрались подушками!».

Франсуаза и Франсуа

«Свобода неприкосновенна. Я прочла его книгу и считаю, что в ней нет покушений на благопристойность. Осудить его было бы несправедливо». При свидетелях Франсуаза поддержала Жака Лорана, который в октябре 1965 года предстал перед семнадцатым исправительным судом Парижа. Он был обвинен в оскорблении главы государства посредством памфлета «Мориак под Де Голлем», который появился на Круглом Столе и получил поддержку писателей, чьи политические убеждения расходились с его собственными.

Было забавно видеть бывших сторонников Фронта национального освобождения[310], спешащих на помощь автору, близкому к ОАС[311]. Комментируя свидетельские показания романистки, Мишель Легри, журналист «Монд», иронизирует: «Мадам Франсуаза Саган, должно быть, введена в заблуждение названием книги Жака Лорана и воображает, что его напрасно преследуют по соображениям нравственности».

Бернар Франк, который также дал показания, по своему обыкновению бормотал что-то невнятное, сводившееся к следующему заключению: «Риск иногда создает хорошую литературу». Жак Лоран, один из самых блистательных «гусаров», по словам Франка, эти дружеские слова счел лучшими. Вне политических распрей сплотился объединенный скрытыми связями союз свободных мыслителей, которые противопоставили себя устоявшимся представлениям. Это победа Стендаля над Мориаком и Де Голлем в процессе, который произойдет двумя месяцами раньше президентских выборов. Это также выльется в интеллектуальный протест против государства.

Успешно издавая свою серию «Дорогая Каролина» под псевдонимом Сесиль Сен-Лоран, Жак Лоран, как и автор «Здравствуй, грусть!», мог позволить себе вести роскошную жизнь и потакать некоторым своим прихотям. «Я полюбил, — скажет он, — хвастаться себе самому своим богатством, показывать свою машину, своего шофера, по-крупному играть в казино»[312]. Он очень быстро промотал свои миллионы и снова испытал уже знакомое чувство разочарования перед налоговым листом.

«Мы заработали очень много денег, и у нас ничего не остается, — говорит Франсуаза Саган. — У всех одни и те же рецепты, чтобы их сохранить: не самые лучшие».

Его избрание во Французскую академию, где он присоединился к своим друзьям Фелисьену Марсо[313] и Мишелю Деону, позволило ему вздохнуть полегче, но для урегулирования

отношений с налоговым инспектором статуса Бессмертного недостаточно. В любом случае Франсуаза Саган, конечно, не присоединится к нему на набережной Конти, хотя и считает, что звание академика позволяет избежать многих неприятностей.

Давным-давно отец водил ее в Сен-Жермен-де-Пре, в ресторан «Липп», и теперь у Франсуазы были свои привычки, как и у Жака Лорана, который, перед тем как занять кресло под куполом, любил посидеть в кафе.

«С Роже Казом, — говорит Франсуаза, — у меня были одновременно официальные и дружеские отношения. Официанты замечательные, еда превосходная. Обычно я брала дежурное блюдо. Однажды, когда со мной были домашние, мы попросили, чтобы в десерт включили абрикосовый торт. Это было бесполезно — в “Липп” меню неприкосновенно, и так будет всегда»[314].

Чтобы почтить память главы заведения, Бернар Франк посвятил ему часть своей хроники «Отступление от темы»[315] под названием «Одна смерть». «В действительности, в жизни мне редко доводилось обучаться такой выправке, как у Роже Каза, — утверждает он. — Не рисуясь, я могу сказать, что заслужил галуны в кафе “Липп”. Жестокость его устроений заключалась в том[316], что различия между нами существовали только у нас в головах, они были чистым вымыслом. Человек счастливый был этим совершенно ослеплен. Он вкушал зрелище и блюда с увлечением и был на верном пути; будь то Пекюше[317] или премьер-министр, антрекот оставался антрекотом. Начинающие писатели, вернувшиеся из Канн молодые актрисы и буржуа-любители могли по воскресеньям сколько угодно заглядывать в тарелку Франсуазы

Саган, Катрин Денев или Жака Лорана, им не удавалось разглядеть ту привилегированную икринку, которая могла бы дать им повод к зависти…»

10 мая 1981 года станет одним из самых великих дней в истории ресторана[318]. Франсуаза Саган сможет сказать: «Я там была», — как Робер Сабатье, Жан Дютур[319], профессор Жорж Ведель[320], шансонье Пьер-Жан Вэйар. Победа на выборах в президенты республики Франсуа Миттерана, постоянного посетителя «Липп», разделила зал на два лагеря. Сторонники левых сил торжествовали. Роже Каз был скорее недоволен. Когда входил кто-то из людей, связанных с политикой, раздавались крики: «прочь» или «браво». «Я была пьяна от радости», — говорит Франсуаза Саган. Срочно вернувшись автомобилем из Кажарка, чтобы присутствовать при триумфальном шествии своего кандидата по улицам Парижа, она дошла до Бастилии: «Люди прыгали под дождем, это было потрясающе».

Первый раз, когда она случайно встретила Миттерана у друзей, он не произвел на нее особенного впечатления: «Меня оттолкнула его надменность. Когда спустя несколько месяцев мы увиделись вновь, у меня сложилось другое мнение. Мне показалось, что у него нет вкуса к власти, но есть желание изменить положение вещей. За год до того, как он был избран, мы вместе обедали у меня дома, на улице Алезиа. Он казался умным, открытым, интересным человеком. С тех пор мы время от времени виделись раз в два-три месяца у меня, на Елисейских Полях, во время манифестаций, например в Лоншане по поводу Премии Триумфальной арки».

Во время одной из бесед Франсуа Миттеран заговорил о Бернаре Франке, чей «Безумный век» он высоко оценил. «Я согласен практически со всем, что вы говорите, кроме ваших высказываний о Мальро», — написал он автору, который не питал теплых чувств к депутату Ниевра. В тот день он спросил о нем у Франсуазы Саган. Она подняла руку вверх в направлении комнаты Бернара. Думая, что она указывает на север Парижа, он воскликнул: «А! Так он живет на Монмартре…» — «Нет, нет, он здесь», — сказала Саган и попросила позвать Бернара. «Меня разбудили, — рассказывает Бернар Франк. — Я спустился в халате, словно ночная птица и, все еще сонный, выпил с ними чашку кофе».

«Я гораздо более сдержан по отношению к воззрениям левых, но был рад, что у них есть свое мнение», — прибавляет он.

По случаю четвертой годовщины избрания Миттерана Саган дала интервью «Пуан», где в большей степени, чем когда-либо, выразила свое одобрение:

«Внешняя политика Миттерана достойна восхищения.

Он упразднил вещи, которые меня приводили в ужас, например, смертную казнь или Суд безопасности. Это первый руководитель государства такого масштаба после Де Голля».

Позднее она напишет в иллюстрированном издании, посвященном Франсуа Миттерану:

«Я думаю, что он нуждается в дружеской теплоте, в поддержке, но его натура — натура одиночки, даже если ему необходимо и есть о чем с кем-то говорить. Это тот идеальный друг, о котором говорит Рембо, друг не горячий и не слабый, просто друг. Те, кто с ним живут, это знают. Те, кто живут далеко и любят его, смутно это ощущают, а те, кто его не любят, немного завидуют этому его качеству неосознанно или скорее завидуют его друзьям, для которых он более чем значительный, он надежный и чудесный. Я говорю надежный, потому что чем мы слабее, тем более его внимание и привязанность. И я говорю

чудесный, потому что эта дружба действительно чудесна»[321].

Когда на обломках «Франс-обсерватер» возник «Нувель обсерватер», Франсуазе Саган предложили сотрудничать в нем с первого же номера, который появился 19 ноября 1964 года с интервью с Жан-Полем Сартром. Главой нового издания стал тридцатипятилетний Клод Габриэль, деловой человек, инженер, предприниматель. Он возглавил редакцию нового еженедельника по предложению своего друга, Жана Даниэля, бывшего главного редактора и репортера «Экспресс». Даниэль, однако, был не слишком в восторге от этого болезненно оптимистичного человека, в котором постоянно бурлили какие-то идеи. Он ставил ему в упрек общение с людьми, по его мнению, слишком легкомысленными: «То, что его окружала эта фицджеральдовская вселенная, в которой Франсуаза Саган и Бернар Франк заставляли его существовать, не мешало мне думать, что когда-нибудь я смогу с ним подружиться»[322].

Быть может, он боялся заразиться этой неуемной веселостью и беззаботностью, которые граничат с пустотой? Антуан Блондэн объяснит этот феномен тем, что «побег к празднику, рожденный потребностью отвергнуть тоску и квазибиологическое чувство одиночества, порождают то, что Симона де Бовуар обозначила как “страстное утверждение существования” и великое осуществление “полноты бытия”. Потому можно ложиться спать без укоров и страха…»[323].

Неприязнь Жана Даниэля по отношению к этой среде настолько значима, что его критики отреагировали презрительной миной на выход в ноябре 1966 года романа Симоны де Бовуар «Прелестные картинки»: «Это мир Франсуазы

Саган, не ваш. Это не имеет отношения к Симоне де Бовуар». «Будто я им мошенническим образом всучила покупку, не соответствующую этикетке», — уточняет писательница.

Когда в «Нувель обсерватер» в апреле 1971 года появился «Манифест 343», они вместе высказались против преследований абортов и потребовали права на контрацепцию и свободу аборта.

«Аборт, — говорит она, — это вопрос положения в обществе. Если у вас есть деньги, все проходит хорошо — в Швейцарии или еще где-нибудь. Вы возвращаетесь, и все в порядке. Если у вас нет денег, пятеро детей и муж, которому ни до чего нет дела, вам надо идти к молочнице на углу, которая знает аптекаря, который… и который вас уродует! Мы имеем право сохранять ребенка только в том случае, если он действительно желанный».

Следуя этому принципу, романистка помогла женщине с большой семьей, уроженке Лилля, которая обратилась к ней как к последней надежде:

«Она забеременела, когда у нее уже было девять детей. Муж — убежденный католик, у нее не было никакой возможности сделать аборт. Я дала ей необходимую сумму, 400 тысяч старых франков. Немного времени спустя я с удивлением получила письмо, в котором она меня обвиняла в том, что я заставила ее совершить противозаконное действие, и угрожала донести в полицию, если я ей не дам еще значительную сумму. Я попросила ее приехать в Париж. Когда она позвонила, я открыла дверь и, не впуская ее, сказала только: “Я просто хотела посмотреть вам в лицо! А комиссариат внизу!”»

Равнодушная к мнению толпы Франсуаза не имела времени задаваться вопросом, относится ли она к «угнетенным женщинам». По просьбе «Либерасьон»[324] она высказала свою точку зрения на существовавший уже десять лет феминизм во время разговора с журналисткой и писательницей Анник Жей, которая выразила негодование по поводу типа мачо, мужчины-диктатора, опубликовав эссе о положении мужчины в обществе[325]. «Главная проблема — это одиночество, — подчеркнет Франсуаза Саган. — Не сексуальные отношения, не конфликты между мужчиной и женщиной. Я читала статистику о том, сколько в Париже одиноких людей. Это ужасно. Я считаю, что жить надо в паре».

Что касается властных мужчин, она обсуждала этот вопрос с Жаком Лораном[326]. «В определенном смысле мачо лучше понимают женщин, чем другие мужчины, — заметил ей ее собеседник. — Они имеют очень точное представление о женщине, очень честное и очень ограниченное… которое, впрочем, часто соответствует действительности. Я не думаю, что такой мачо может иметь длительные отношения с женщиной, или она должна быть просто животным. Для мачо женщина раз и навсегда занимает определенное положение. Она понята и принята такой, какая она есть».

Другой темой встречи была верность.

Франсуаза Саган. Можно жить с двумя мужчинами — одного любить, другому позволять любить себя.

Жак Лоран. Да, здесь есть различие: мы испытываем разные чувства, которые делают возможными интимные отношения в обоих случаях.

Франсуаза Саган. В конце концов, обманывать можно только человека, с которым очень хорошо, тогда легко переживать короткие истории с другими мужчинами, потому что обладаешь в каком-то смысле капиталом счастья. Если человек приносит несчастье, никаких историй быть не может, потому что тогда чувствуешь себя скованно, нет сил, нет ощущения своей

соблазнительности.

«Монд» поддерживает ее социалистические убеждения, она не вступает в Социалистическую партию, но принимает участие во всех ее крупных митингах. Ее статья «Хватит каяться, господа!»[327] по поводу интеллектуалов наделала шума в Ландерно. Возмущенная политиками своего лагеря, чья крайняя осторожность ее раздражала, сразу после участия в передаче «Право на ответ» Мишеля Поллака она написала:

«Я увидела, например, мыслящих людей, стоящих во главе “Нувель Обсерватер” (еженедельник, который я всегда читала с осуждением), которые извинялись за свои прошлые ошибки, хныкали по поводу французского Алжира, Вьетнама, отданного ими кхмерам, бились головой о стол, произносили бесполезные правые и левые лозунги, короче говоря, я увидела их стремление к центризму с самым трогательным раскаянием и мужеством, которое я в них подозревала, но еще не наблюдала…»

Затронутый за живое Жан Даниэль, директор «Нувель Обсерватер», отвечает на следующий день желчной статьей в «Матэн» («В ожидании более подробных сведений отметим, что Франсуаза Саган — не Сартр, не Арагон и не Мальро») и пишет письмо в «Монд»: «Мы не стремимся к тому, чтобы урок верности на левый манер нам был преподан писательницей, чей талант мы высоко ценим, но у которой мы до сих пор не наблюдали приверженности к политическому милитаризму. Раньше она прекрасно играла на клавесине, теперь участвует в оргиях». Жан Даниэль был не на шутку возмущен: Саган сравнила его с Далидой[328].

"Весь Париж"

«Каждая книга на витрине возбуждает мой аппетит, вкус к слову, знаку, заглавию, печати, в большей степени, чем к чтению. Мне так дорога красная с белым суперобложка Жюйара, и у меня щемит сердце от неизбежной красно-черной каемки моей дорогой “НРФ”»[329]. Написавший эти строки 13 апреля 1978 года Франсуа Миттеран невольно ссылался на двух издателей Франсуазы Саган.

Друг семьи Мориак стал одним из «корреспондентов», с которыми она встретилась, приехав в Париж в 1934 году. Спустя двадцать лет появилась «Здравствуй, грусть!», и тот же Франсуа Мориак посвятил ей на первой странице «Фигаро» статью, ставшую знаменитой. Быть может, в этом совпадении случайностей скрыт знак судьбы: личности, происходившие из достаточно реакционных слоев общества, встретились, проповедуя прогрессивные идеи.

«Он остался бы тем же человеком, если бы даже придерживался правых воззрений, я осталась бы при своем мнении», — уточняет Саган, сидя на Елисейских Полях за столиком, соседним со столиком автора романа «Обезьяна зимой» Антуана Блондэна. «Франсуаза, которая больше не пьет, предложила мне выпить ее бокал», — говорит Блондэн, также приверженный митгеранизму. У романистки будет случай, в свою очередь, пригласить Франсуа Миттерана в Кажарк.

После церемонии инаугурации 19 декабря 1986 года в музее Шампольон в Фижаке Франсуа Миттеран посетил родной поселок Франсуазы. «Он пообедал и переночевал в “А ля конфьянс”, — говорит она. — На следующий день мы прогулялись по улицам, и он улетел на вертолете». Этот неожиданный визит обратил Кажарк к президенту, раньше местечко было под патронатом Жоржа Помпиду.

Он был родом из деревни Монтбудиф в Кантале, любил эту местность с известняковыми плато, такими же сухими, как его старая земля Оверни. Летнюю резиденцию он устроил неподалеку от дома Жака Куарэ. Он оказался в Ло благодаря жене, которая любила прогулки в Косских горах в обществе торговца картинами Раймона Кордие и Сюзанны, сестры Франсуазы, которая работала одно время в его галерее на улице Генего, где Жорж и Клод Помпиду были неизменными гостями каждого вернисажа. Кордие обустроил мельницу в окрестностях Кажарка, и будущая президентская чета оказалась среди знакомых. Поль Лобард часто принимал их в своих великолепных владениях в Созаке. Они вместе ходили ловить речных раков и вкушали умиротворяющее

спокойствие «бесконечных Косских гор, которые вечером из розовых превращаются в сиреневые и затем покрываются синеватой ночной дымкой»[330]. Но когда Жорж Помпиду занял высокий государственный пост, местная жизнь переменилась. Около его резиденции появились жандармы, преграждавшие путь туристам, готовым заплатить любые деньги за кусочек руин.

Знаменитая мадам Клод напрасно пыталась устроиться рядом с четой Помпиду. Ей пришлось довольствоваться отдельным домом, который принадлежал бывшему деголлевскому министру. Каждый уик-энд Жак Куарэ приглашает из Парижа друзей на кутеж, сопровождающийся часто фейерверками и запуском воздушных шаров. Возвращение обратно было не менее увлекательно. Чтобы доехать до вокзала Каор, арендовали автобус. Однажды компания попала на поезд, в котором ехала команда регбистов. Они так расшумелись, что заставили возмущаться других пассажиров.

Франсуаза знала Жоржа Помпиду как человека, достойного доверия, к мнению которого прислушивался барон Ги де Ротшильд, который назначил его директором банка. Она познакомилась с ним благодаря первому мужу, Г и Шеллеру. Шеллеры и Помпиду регулярно встречались, то на улице Юниверсите, то на Бетюнской набережной — Клод и Жорж устроились в очень хорошей четырехкомнатной квартире с окнами на Сену.

«Жорж Помпиду попросил меня познакомить его с моими друзьями, — рассказывает Ги Шеллер. — Я устроил обед на шестнадцать персон и пригласил Жака Шазо, Раймона Гордье, Софи Литвак, Жака и Франсуа Галл, Франсиса Фабра, моего брата Жака». По воскресеньям он часто приезжал в Лувесьен, к Пьеру и Елене Лазаревым. «Теперь, получив доступ в избранные круги, он часто бывал приглашаем в замок Ротшильдов Ферьере и стал членом общества, которое именуют “весь Париж”», — пишет его биограф Эрик Руссель[331]. Летом он отправился в Сен-Тропе, где бывал до войны, и познакомился с новыми друзьями, среди которых Франсуаза Саган олицетворяла «всепроникающее и развращающее солнце славы».

«Когда он стал премьер-министром, мы два или три раза ругались, в частности по поводу Алжира, — говорит Франсуаза Саган. — И потом уже практически не встречались. Не относясь к его приверженцам, я не появлялась в его времена на Енисейских Полях».

По словам близких бывшего президента республики, Жорж Помпиду сам отдалился от этой немного суматошной среды. «С момента его приезда в Матиньон в апреле 1962 года, —

утверждают они, — Помпиду из осторожности порвал со средой Франсуазы Саган и отдыхать поехал не в Сен-Тропе, а в Бретань, предпочтя семейный круг южному обществу сплетников».

В окружении романистки был человек, необыкновенную живость которого невозможно было не заметить: это Альбер Дебарж, помощник генерального директора в фармацевтической индустрии, вдохновитель тропезианской дольче виты. Восстав против своей ветреной жены и семьи, Альбер Дебарж оставил разгульную жизнь лишь в возрасте, когда остепеняются плейбои. По случаю его свадьбы с молодой двадцатичетырехлетней женщиной в Сен-Тропе был устроен грандиозный праздник с сотней приглашенных, прибывших на двух специально зафрахтованных «каравеллах» и в добавочном вагоне «Тран блё».

В течение двух дней «весь Париж» праздновал в Сен-Тропе эту свадьбу. Гвардейцы на белых лошадях, девушки в форме барабанщиц, фанфары. В «Епи-пляж», на краю пляжа в Пампелоне, Дебарж устроил шведский стол. «Епи-клуб», который он открыл наряду с заведением на Монпарнасе, соперничал с «Нью джимми'с» Регины и «Клоб принцес» Жана Кастеля. Бывший фармацевтический король короновал себя в эту ночь императорской короной, чтобы избавиться от своих давних психозов и жить воображением. Но, желая таким образом забыть свое прошлое, он ожесточился, и ему понадобились жертвы. Из-за него умерло несколько девушек.

Кроме своей жены Жозианы токсикоман Альбер Дебарж увлек за собой в пропасть несколько юных созданий, которые имели несчастье с ним познакомиться через мадам Клод в Кажарке. «Я очень злилась на него, — говорит она, — за то, что он посадил на иглу одну из моих приятельниц, Франсуазу Жанмэр, которая потом лечилась в Швейцарии».

«Она выглядела очень жалкой, когда я ее в первый раз увидела, — рассказывает Франсуаза Саган. — Я ее привела к себе, и она осталась у меня на восемь лет. Это называется право на убежище. Здоровая красивая девушка в детстве пережила настоящий ад из-за этого человека».

Светская полиция занялась этим делом, когда маленькую подругу Франсуазы нашли умершей от передозировки в туалете «Альказара», кабаре на левом берегу.

«Утром сотрудники полиции обыскали квартиру, а потом ко мне на улицу Гийемэ прибыл комиссар Ле Тайантер, — говорит Франсуаза Саган. — Сначала я была вне себя, но после полудня, часа в три, он приехал меня допрашивать. Я успокоилась, глядя на этого величественного человека, похожего на актера Грегори Пека».

«Мы осушили бутылку виски», — рассказывает бывший шеф отдела светской полиции и отдела по борьбе с бандитизмом.

Сыщик[332] и романистка быстро сошлись во мнениях относительно необходимости борьбы с наркотиками, употребление которых во Франции приобретало масштабы бедствия. «Франсуаза была крайне возмущена Дебаржем, который чувствовал себя абсолютно безнаказанным, — объясняет Роже Ле Тайантер. — Я выслушал ее брата и записал показания Франсуазы Жанмэр, которая в свои двадцать пять лет выглядела ужасно. В конце концов мне удалось его припереть, выяснив у его жены, что он посылал в Амстердам за дозами ЛСД и таблетками медатона, производного от героина».

Дело Дебаржа закончится самым драматическим образом. После трех месяцев, проведенных в тюрьме, 23 ноября 1972 года Альбер Дебарж покончил с собой в своей квартире на бульваре Фландрин. Спустя восемь лет наложила на себя руки с виду казавшаяся выздоровевшей Франсуаза Жанмэр. Во время отдыха в Барбаде молодая женщина вошла в воду и поплыла в открытое море; она плыла, пока силы ее не покинули. «Я была ее соседкой по пляжу, — говорит Айо. — Я занимала дом актрисы Клодетт Кольбэр, и она жила одна на вилле у одного из своих друзей. Я считала, что она спаслась. Я и подумать не могла, что она была на грани самоубийства».

Вернувшись в Париж, она сообщила о происшедшем

Франсуазе Саган. Ее поглотил Атлантический океан, как тетку романистки Мадлен, художницу, которая, быть может, выпрыгнула за борт пакетбота, плывшего во Францию. Андреа, жиголо из «Женщины в гриме»[333] прыгнул за борт «Нарцисса»: «Одиночество уходило, а на его место приходило осознание бесполезности собственной жизни, отсутствие жизненных сил, способности к сопротивлению, реализма оценок, прилив исступленного, ребяческого желания быть любимым, и все вдруг показалось ему слишком трудным, слишком тяжким…»

Но когда он перешагнул борт, «что-то холодное, тонкое стегнуло его, обвилось вокруг туловища, прежде чем сомкнуться на шее. Нечто вроде троса, от которого, как успел подумать Андреа за тысячную долю секунды, он сейчас освободится. И Андреа умер, думая, что спасся». Это значило приписать смерти благосклонность к отчаявшемуся. Горькая констатация романистки, которая пережила самоубийства многих близких людей. В этом траурном списке композитор Мишель Магн, журналист Жан Марвье и фотограф Филипп Шарпентье.

Правдивая ложь

«Писать роман — значит лгать… я люблю лгать. Я всегда лгала». Франсуаза Саган научилась обманывать мир, чтобы избежать чересчур сложных жизненных ситуаций. Она играла комедию, как персонажи, которых она выводила на сцену в своих романах и пьесах. Требовательная, желающая получить все и сразу, она проявляет стремление к власти над людьми и обстоятельствами, свойственное гордым натурам. Для нее ложь — это способ скрыться от реальности, где царит тоска или, того хуже, безысходность. В этих условиях лучше беспардонно лгать, рискуя обидеть собеседника, если трюк слишком груб.

Однажды Франсуаза Саган не раздумывая телеграфировала Мари-Элен де Ротшильд, которая в 1971 году пригласила ее в Ферьер на «Бал Пруста», посвященный столетию писателя: «Затруднения. Двусторонняя пневмония». Мари-Элен позвонила своей подруге: «Ты мне лжешь. С какой стати двусторонняя пневмония?» — «Я не знаю. Мне это показалось наиболее правдоподобным», — сконфуженно пробормотала уличенная в очевидной лжи Франсуаза. Как написал муж[334] Мари-Элен, баронесса Ротшильд «…любит праздник ради праздника, эту паузу, которая возникает во времени как вздох, как улыбка жизни».

В этом она сходится с романисткой, которая придала горячей поспешности своего жизненного ритма фицджеральдовские оттенки. Это может быть костюмированный бал в великолепном венецианском дворце, дружеское застолье («Мы все друг другу близки, — говорит Жак Шазо. — Это значит, что мы знаем, кто с кем идет спать»), отношения в традициях Скотта и Зельды Фицджеральд. Вот как Франсуаза их представляет:

«Примерно 1925 год, около семи утра, бутылка “Дом Периньон” лежит наготове на сиденье фиакра между Скоттом Фицджеральдом, одним из лучших американских писателей своей эпохи, и его женой, красавицей Зельдой, возвращающимися в “Ритц”. Впрочем, это неправдоподобно, ведь в действительности, я думаю, она не любила ни больших отелей, ни марочных вин, ни великой любви. Тем не менее этим прелестным утром они были, конечно, оба молоды, богаты, красивы и веселы»[335].

Это могла быть ночная прогулка в одиночестве.

«Весь Париж во мраке — ваш, — пишет Франсуаза, — все улицы, проспекты, кафе, все облака и все рассветы. Берите машину и езжайте. Париж и ночь будут беззащитны»[336].

Праздник — это также способ выйти из тяжелого периода.

После несчастного случая в Боготе Франсуаза захотела пригласить друзей по случаю своего выздоровления. «Празднуется выздоровление», — говорит Зельда, героиня пьесы «Хорошая погода днем и ночью».

Ее зовут Зельда, как Зельду Фицджеральд, которая сошла с ума и погибла, заживо сгорев в психиатрической клинике. Она тоже побывала в заточении и сохранила ужасные воспоминания:

«Эти лечебницы — страшное место, знаешь, даже те, где есть все удобства. Это цвет беж, все бежевое, бежевый давит отовсюду, все время. Этот цвет становится унизительным…»

Это одна из лучших пьес Франсуазы Саган, которую она написала одним махом после смерти отца. Генеральная репетиция в «Комеди дэ Шанз-Элизэ» 18 октября 1978 года обернулась катастрофой. Как только был поднят занавес, стало ясно, что Анну Карину в роли Зельды и ее собратьев по несчастью ждет провал.

Во время премьеры оборвались тросы, державшие лифт, в котором находилась принцесса Каролин де Монако, отделавшаяся сильным испугом. Франсуаза Саган суеверно увидела в этом несчастье предзнаменование обманутых надежд. Это будет самый большой провал в ее жизни, но она не впадет в отчаяние:

«Как и всякий раз в подобных случаях, недели две я весело насвистывала: провал в театре бодрит гораздо больше, нежели успех, — по крайней мере меня»[337].

Мари-Элен де Ротшильд устроила ужин у себя в отеле «Ламберт», на улице Сен-Луи-ан-л'Иль, где приглашенные старались сохранять достойный вид, несмотря на то что находились под тяжелым впечатлением от пьесы, превращенной в нравоучительную историю. Франсуаза пришла с другом, итальянцем Массимо Гаржиа, который сохранил часть рукописи «Хорошая погода днем и ночью». Она подарила ему одну из тетрадей с таким посвящением: «Для Массимо, который красив, добр, весел, умен и нежен, как немногие из друзей Ван ден Бергов».

Зельда, которая происходила из богатой фламандской семьи сталелитейных промышленников, была отправлена в Швейцарию после того, как подожгла свою квартиру. Многие убеждены, что в большей степени, чем слабым нервам, она обязана своим недугом удовольствиям: алкоголю, игре, наркотикам, хулиганству, бессонным ночам, мотовству. Сумасшествие! Она сама подтверждает это, говоря молодой любовнице своего мужа: «Например, я очень любила кокаин, я любила бродяжничать по улицам, я ужасно любила стимуляторы: я имею в виду мужчин и возбуждающие таблетки».

Благодаря ее собственному опыту Франсуазе нетрудно было это представить, текст, казалось, рождался у нее сам по себе.

«Это появлялось, — говорит она, — как будто это было уже написано. Мне оставалось только продиктовать текст моей помощнице Изабель. Что я тут же и делала. Это действительно похоже на чудо. В определенном смысле моя пьеса родилась уже законченной».

Как замечает ее друг, американский романист Уильям Стайрон[338], «это мистическая сторона жизни писателя, которая вызывает пересуды, грязную злобу и в равной мере трогательные чувства, и именно ею Фицджеральд был так долго увлечен»[339]. Для него, как и для Саган, миф и творчество тесно переплетены. Их мечта о счастье и неспособность любить себя приведут их обоих на грань безумия и смерти.

В 1973 году Франсуаза станет Зельдой, угнетенной тяжелой депрессией, чуть ее не поглотившей. Всевозможные излишества пошатнули ее душевное равновесие, и ей пришлось срочно лечь в клинику «Жанны д'Арк» в Сен-Манде. В этот же год она побывала в госпитале «Сальпэтриер», в неврологическом отделении, где наблюдались также Андре Мальро, Жюль Ромен[340] и синдикалист Бенуа Фрашон. «В своей комнате, расположенной напротив отделения службы скорой помощи, она устроила себе рабочий стол, — рассказывает санитарка Мари-Кристин Гэйо. — В два часа ночи она вдруг начинала меня звать, чтобы удостовериться, что я здесь. Мое присутствие ее успокаивало. Потом она извинялась, что напрасно побеспокоила меня».

Вопреки обстоятельствам, Франсуаза всегда пыталась оказать внимание окружающим, кто бы это ни был. Этот принцип хорошего тона был в ней на уровне естественного рефлекса, в подобных обстоятельствах это поражает. Шарлотта Айо была очень удивлена, услышав слова, произнесенные Франсуазой, лежавшей на кровати в «Валь-де-Грас»: «Какой ужас! Вы знаете, я чуть вас не потеряла». Сестра Джульетты Греко расплакалась, войдя в комнату романистки: «Она так хотела меня рассмешить».

Эта ироничная вежливость была свойственна Фицджеральдам. Их дочь Скотти, приехавшая в мае 1985 года в Париж в связи с выходом нового перевода «Ночь нежна», обратила внимание на общность между творчеством Саган и ее отца. В телевизионной программе «Апостроф» Скотти Фицджеральд и Франсуаза, представив роман «И переполнилась чаша», обменялись своими впечатлениями. Интересно, что роман родился в связи с передачей 1977 года, когда Бернар Пиво беседовал с ней, Роланом Бартом[341] и Анной Голон.

Анна создала вместе с мужем знаменитый романный образ

маркиза Дэзанж. Во время разговора она выразила удивление по поводу нехватки динамичности в романах Франсуазы Саган. «Представьте, что эсэсовец входит в тот момент, когда Беатрис, ваша героиня, целует Эдуарда. Что будет делать Эдуард?» «Я была в замешательстве, потому что эта история из “Смятой постели” происходила в театральной среде в 1972 году. Но вопрос Анны Голон не давал мне покоя, пока я не написала книжку о войне».

Это была ее первая книга такого рода. Долгое время романистка, которой в 1940 году было пять лет, хотела описать годы, в которые прошло ее детство и отрочество. «Когда родители перестают бояться, дети чувствуют себя в безопасности», — говорит она. Критика постоянно упрекала ее в приверженности среде баловней судьбы, что мешало ей осуществить другой эксперимент:

«Меня так раздражали постоянные упоминания о моем «золотом обществе», что мне уже не хотелось больше ничего делать. К тому же передо мной был целый арсенал: виски, “феррари”, “дольче вита”, которая практически лишала меня возможности взяться за что-то серьезное. А потом я подумала: “Черт, после всего этого я не умру, не сказав о важных вещах, которые меня интересуют”».

Затем она опубликовала роман «Рыбья кровь»[342], где действие происходит во время оккупации. Ее друг Франсуа-Мари Банье восхищается в «Эль»: «Никогда Франсуаза Саган не писала так хорошо. Никогда ее персонажи не обладали такой силой, а сцены такой глубиной. Здесь невозможно говорить о декоре, настолько он виден изнутри. Ясность стиля, чувственность, ум. Ум Саган, которая пристально всматривается в души, позволяет ей проникать в глубины человеческого существа…»

Как Шазо, Банье, писатель, открытый Арагоном, — это тип шевалье Франсуазы.

Они вместе съездили в Нью-Йорк, неожиданно нагрянули к Глории Свансон, звезде немого кино, показавшей им гимнастику, которую она делает каждое утро, чтобы сохранить фигуру. Восхищавшаяся всегда артистами кино и театра[343] Франсуаза Саган испытывала особенную нежность к несравненной в «Федре» Мари Бэль, которая находилась часто во власти жестоких обстоятельств. В Экомовиле в ее честь была названа аллея, что вызывало у нее такую же гордость, как розетка ордена Почетного легиона.

С Мари Франсуазу познакомила экс-манекенщица Беттина у знаменитого парикмахера района Сент-Онорэ. Все старались говорить громко, чтобы перекричать шум сушилок. «Из-под

колпака она с видом древней владычицы громовым голосом, саму себя не слыша, провозгласила, что она сама не смогла бы написать пьесу для своего театра “Жимназ”», — рассказывает Франсуаза. Романистка, очарованная этим невероятным существом, «вамп-гаврошем» «Комеди франсэз», как ее удачно назвал Жак Шарон в своих мемуарах, обещала рукопись.

Произведение было названо «Иногда скрипки». Название апеллировало к реплике: «Остерегайся, Шарлотта, скрипки иногда опустошают…» Шарлотта, героиня пьесы, которая любит голую правду, деньги, драгоценности, комфорт, поддастся наивному шарму Леопольда, которого она хотела обобрать, — очевидно, что эта роль очень подходила Мари Бэль. Эльза Триоле[344], которой пьеса очень понравилась, скажет о главной исполнительнице: «Мари Бэль— Шарлотта, женщина с головой, обладающая крепким цинизмом и здоровьем животного; электрические разряды между ней и Леопольдом — Пьером Ванеком пересекают пределы рампы…»[345] В своем «Блокноте» Франсуа Мориак больше пишет об авторе:

«Я понятия не имею, что меня так трогает в этой молодой женщине, даже в не самом лучшем из того, что она написала, даже в худшем, в данном случае не это важно. Я прекрасно понимаю, что это. То, как она показывает зло, знание, которым о нем обладает и о котором она свидетельствует»[346].

Но эти похвалы исключительно редки. В основном критика сурова, и английская пресса после показа пьесы в «Пикадилли» в Лондоне ничем не выбивается из общего ряда. После триумфа «Замка в Швеции» Франсуаза могла позволить себе неудачу, надо было только это преодолеть, пережить. Она делала это каждый раз весело.

Чтобы проиллюстрировать провал или успех генеральной репетиции, Франсуаза вспоминает истории с казино. Например такую. Дело было в Англии. Доступ во французские казино ей был запрещен, но это не мешало ей посещать заграничные. В Лондоне, в зале «Крокфорд’с клоб» Франсуаза вдруг почувствовала тот болезненный укол, который мгновенно сковывает вас ужасом. Она только что потеряла сто двадцать миллионов сантимов, не отдавая себе в этом отчета, возбужденная атмосферой и, как всегда, превышая свои платежные возможности:

«Чтобы выплатить это, мне пришлось бы работать два года. Я рискнула всем. И что же! К концу вечера мой долг составлял не более пятидесяти ливров».

Огни рампы

С первой пьесы Франсуаза Саган проявилась как автор, заставляющий вспомнить Федо, Мюссе, Мариво[347], Тургеневе или Порто-Риш[348]. В самом деле, в «Замке в Швеции» ей удалось воспроизвести тот необыкновенный стиль, в котором написан роман «Здравствуй, грусть!», и поведать об играх и жестокостях юности. Никто другой, кроме Саган, не мог бы так неподражаемо изобразить страсти в соответствии с лучшими приемами буржуазного театра.

Она начала писать пьесу на мельнице в Кудре в феврале 1957 года, за несколько недель до происшедшего с ней несчастья. Только что был закончен роман «Через месяц, через год…». По поводу выхода книги она набросала несколько утешительных реплик, чтобы развлечь своих друзей, находившихся в подавленном состоянии. Замысел «Замка в Швеции» родился зимой 1954 года. Вместе с Флоранс Мальро и Бернаром Франком она гостила в Буже у Франсуа Мишеля, в Монтаплане. Дом был темный, просторный, высокий и располагался в отдалении от других построек. Он напоминал бункер.

Однажды вечером Бернар Франк рассказал, как один ловелас в результате определенных обстоятельств стал робким и трусливым любовником. «Это меня потрясло», — говорит Франсуаза Саган, которая тремя годами позднее создала образ Фредерика, милого и самодовольного молодого человека, который никак не может поладить со своими странными приятелями, живущими в затерянном в снегах замке.

Выдержки из предварительной версии первого акта «Замка» появились в «Кайе де Сэзон», журнале Жака Бренне, который финансировал Клод Пердриэль и который перешел потом к Жюйару. «Неизданный текст попал ко мне благодаря тесно связанному с Пердриэлем[349] Бернару Франку. Чтобы представить журнал в провинции, я организовал турне, как для театральной труппы. Первым этапом был Руан, где в недействующей церкви состоялась презентация.

Благодаря рекламе, сделанной Франсуазой Саган, которая прочитала манифест в честь “Кайе де Сэзон”, приходило много людей. В программе участвовал также певец Жан-Клод Дарнал, но потом, без Франсуазы, наши представления не имели большого успеха».

В октябре 1959 года Андре Барсак[350] наткнулся случайно на журнал и прочел этот набросок комедии, который ему сразу понравился. Франсуаза не закончила бы пьесу[351], если бы не

настояния директора театра «Ателье», который ее впоследствии поставил. Надо заметить, что драматический автор родился благодаря замечательной постановке, в которой Клод Риш и Франсуаза Брион в ролях Себастьяна и Элеоноры, брата и сестры, равно как и Филипп Нуаре в роли Гюго, мужа Элеоноры, явились такими, какими представляла их Франсуаза.

«Я с восхищением смотрела на этих актеров — они меня знать не знали, ничем не были мне обязаны, однако покорно подчинялись прихотям моего воображения, и за одно это я испытываю к ним безмерную благодарность…»[352]

Во время передачи Жерома Гарсэна «Почтовый ящик», посвященной Франсуазе Саган, актер и драматург Клод Риш поделился своими приятными воспоминаниями о репетициях «Замка в Швеции»: «Франсуаза приходила в зал. Она очень веселилась. Я не всегда понимал, что она говорит. Потом мы вместе шли чего-нибудь выпить». «Это, — добавляет он, — пьеса с немного жестоким романтизмом, забавно, но мне очень понравилось в ней играть».

В той же телевизионной передаче Жак Франсуа, который играл роль баронета Генри-Джеймса Честерфилда в пьесе «Лошади и фантазии», поставленной в «Жимназ» вместе с «Занозой» в качестве дополнения к программе, выразил свое восхищение эллиптическим стилем автора: «Я не люблю слишком активную фиксацию подробностей. Такая форма письма создает близость к вам зрителей». Философия Генри-Джеймса просматривается в высказываниях, подобных этому:

«Мы не воображаем себя кем-то, знаете, на самом деле мы представляем, что любим. Испытываем любовь. Мы хотим холода, если что-то не в порядке с отоплением, но невозможно испытывать боль, если сердце уже ею переполнено. Это называется эксперимент».

«Все, что нас в жизни умиротворяет, не нравясь нам в действительности, отвратительным образом нас притягивает с коварством змеи. Эти лужайки ядовиты и одновременно красивы. Мы отдаем себе отчет, что достичь полной свободы можно, только освободившись от себя самого. И что не нужно испытывать ничего, кроме страсти, потому что с ней совершенно нет покоя…»

Если говорить о прототипе баронета, то это, конечно, Ги Шеллер. Откуда бы ни приходили герои Саган, они всегда в итоге встречаются лицом к лицу с реальностью. Генри-Джеймс Честерфилд обрел своего двойника в этом давнем британском друге Франсуазы, ставшем лордом, который за двадцать лет до премьеры пьесы «Лошади и фантазии» воплощал в точности этот тип героя. «Я читал вслух “Смутную улыбку” на английском, а

она рядом читала по-французски», — говорит он, с нежностью вспоминая их спиритические опыты с крутящимися столами.

Франсуаза Саган не думала о Даниэль Даррие, когда писала «Сиреневое платье Валентины», свою третью пьесу, премьера которой состоялась в театре «Амбассадер-Генри Бернштейн» 16 января 1963 года. Когда актриса появилась первый раз в облике Валентины, в этом было что-то магическое: она была истинным воплощением своего персонажа. Своему племяннику Сержу она как-то сказала: «Я всегда в конце концов начинаю неумолимо походить на того, кого нужно».

В данном случае она в точности была той Валентиной, какую хотела видеть Франсуаза. Это соответствие, близкое к чуду, было определяющим в успехе постановки, но и сопровождение должно было быть не хуже. С пьесой «Превратности фортуны», поставленной в «Театре Эдуарда VII» спустя ровно год, день в день, после премьеры «Сиреневого платья Валентины», ее постигла неудача. Решив заняться постановкой, Франсуаза оказалась в положении человека, лишенного авторитета, командира корабля, чьи распоряжения остаются без внимания. Так же, как и в тот раз, когда она пригласила друзей — Жан-Луи Трентиньяна, Даниэль Жэлин, Джульетту Греко, Мишеля де Рэ — для постановки пьесы, которая шла в 1980 году в Санкт-Петербурге и Одессе:

«Я не могла им кричать из оркестровой ямы, как обычно делают режиссеры, я устроилась рядом со сценой и говорила тихо, не напрягаясь… и не заставляя их уставать!»

Это был веселый бедлам, сопровождавшийся постоянными возлияниями. Для создания атмосферы посылали за водкой в русский ресторан-бар, расположенный неподалеку. «Мы все понимали, что это катастрофа, — рассказывает Луи Трентиньян. — За несколько дней до премьеры Франсуаза, которая тоже отдавала себе отчет в провале, предложила нам пригласить настоящего постановщика. Но мы так ее любили, что решили лучше оставить все, как есть».

Тем не менее после премьеры на помощь был призван Клод Режи, однако при всех достоинствах пьесы ее сценическую судьбу уже невозможно было изменить. «Он приехал слишком поздно, — говорит Джульетта Греко. — Чтобы избежать неприятностей, я вывихнула лодыжку накануне генеральной репетиции, я никак не могла поладить с Алисой Косеа, игравшей мою мать, которая меня ненавидела. Франсуаза казалась очень оживленной. Ее “запас детскости” защищал ее от всего. Мы постоянно творили какие-нибудь глупости».

Жан-Луи Трентиньян, снимавшийся в «И Бог создал

женщину…» вместе с Брижит Бардо и Куртом Жюрженсом, познакомился с Франсуазой во время съемок: «Дом, где мы жили с Брижит Бардо на экране, — это дом, который Саган сняла в Понше. Я потом встретился с Франсуазой во время съемок фильма по ее пьесе “Замок в Швеции”, который делал также Роже Вадим. Это была неудача, несмотря на усилия, которые мы все приложили». «Франсуаза Саган и Брижит Бардо, — подчеркивает он, — остались на втором плане, несмотря на свою востребованность. Их дерзость была просто великолепна. Не будучи феминистками, обе они олицетворяли свободу женщины».

«Зато отношение к деньгам у них очень различное, — продолжает Жан-Луи Трентиньян. — Франсуаза позволяла пользоваться своими деньгами, не признавая за собой права беречь суммы, доставшиеся с такой легкостью. Вадим делал так же. Они с Саган во многом похожи. Он был с Джейн Фондой, когда посетил генеральную репетицию пьесы «Превратности фортуны». В Сен-Тропе после разрыва с Брижит Бардо, безумно влюбившейся в Трентиньяна, он проводил ночи в «Эскинад». «Франсуаза бывала там, — говорит он, — мы танцевали ча-ча-ча в ряд». В своей книге воспоминаний «От звезды — звезда» он приводит следующее высказывание романистки:

«Нужно праздновать конец любви, как празднуют смерть в Новом Орлеане, с песнями, смехом, танцами, вином. Любовь, как и жизнь, нельзя положить в банк. Она тратится, а потом о ней думается». В соответствии с этой красивой формулировкой после разрыва с Ги Шеллером она отправилась кутить к друзьям в Сен-Тропе. «Она приехала в “Коломбьер”, виллу на мысе Канебьер, в одиннадцать часов вечера в “ягуаре” бизнес-класса. Буквально примчалась, чтобы отпраздновать с нами свой развод», — рассказывает Жан Ветзель, который, как братья Галл, названные одухотворенным и едким Жаком Шазо братьями Бронте, вращался рядом с Жоржем Помпиду.

Приходи на артистов взглянуть… [353]

В процессе написания романа человеку предоставлена полная свобода. Нет правил, как в театре, где действие постоянно прогрессирует, следуя императиву времени, места, персонажей. Франсуаза Саган сравнивает это ощущение с игрой в сквош, когда нужно бросать мячик в стену: «Бросаешь его справа, слева, а он возвращается всегда в середину. В театре так со словами». Романистка продолжает: «В театре ты словно играешь в пинг-понг, все время, без промахов»[354].

Ее талант к лапидарности сделает ее блестящей сценаристкой и диалогисткой, в частности в работе над «Ландрю» Клода Шаброля[355]. Продюсер Жорж де Борегар, решив привлечь к работе Жака Лорана и Франсуазу Саган, попросит последнюю подумать над «Жорж Санд», фильмом, который снимет Шаброль, один из столпов «новой волны». Реакция критики на его вышедший в 1960 году фильм «Добрые женщины» была убийственной, и только Франсуаза защитила его в статье в «Экспресс».

Таким образом, встрече кинематографиста и романистки предшествовало хорошее предзнаменование, тем более что ироничный взгляд первого на человеческие пороки хорошо гармонировал с насмешливым тоном и изяществом мысли второй.

После работы над образом Жорж Санд ими сразу же овладела идея заняться «Ландрю». «Это было гораздо более забавно, — говорит Клод Шаброль. — Я сказал об этом Борегару, который, в свою очередь, переговорил с Карло Понти, другим продюсером намечавшегося проекта. Он согласился, что идея хороша. Ландрю, — сказал он мне, — в Америке больше известен, чем Жорж Санд, по поводу Ландрю я говорю “да”».

Франсуаза, только что вновь вышедшая замуж и ожидающая ребенка, приглашает Шаброля к себе на бульвар Инвалидов, где они очень быстро и весело пишут сценарий. Они находят взаимопонимание по всем пунктам, кроме одного: для эпизода процесса Клод Шаброль предпочел воспользоваться архивными документами, а романистка хотела выдумать реплики. «Комический ужас начала исчезал, текст становился тяжеловесным»[356], — сожалела она. Критика не обратила на это внимания и положительно оценила их сотрудничество. Робер Шазаль, в частности, писал: «Здесь хорошо проявился талант постановщика Клода Шаброля, некоторые фильмы которого нас разочаровали; он продемонстрировал нам удачно скроенную и

хорошо рассказанную историю, для которой Франсуаза Саган создала — кроме своего непосредственного участия в сценарном проекте — блистательный диалог…»[357]

Тандем Саган — Шаброль мог бы продолжиться в «Казанове», но этот проект остался на уровне замысла. Клод Шаброль предполагал экранизировать «Ангела-хранителя», но студия «Фокс» за сто тысяч долларов купила права, и экранизацию доверили другому режиссеру. «Было бы достаточно, если бы они воспроизвели роман страницу за страницей: он сделан как сценарий», — говорит Франсуаза.

Шаброль думал также о сценической постановке «Сиреневого платья Валентины». «Я сталкивался с нежеланием театрального сообщества работать с кинорежиссером на своей территории», — объясняет он. В то время действительно было сложно руководить актерами в театре, придя из кинематографа. Сегодня ничто не мешает Мишелю Бланку поставить новую пьесу Франсуазы Саган «Избыток наоборот», премьера которой состоялась 11 сентября 1987 года в театре «Буфф-Паризьен».

Ее герой Фредерик де Комбург, лейтенант 3-го подразделения саксонских уланов, напоминает Фредерика Фальсена из «Замка в Швеции». Это еще мальчишка, в чем-то трус, которому приходится опасаться за свою жизнь, потому что его спровоцировал на дуэль муж красавицы венки Адели. «У меня есть только моя жизнь, и я держусь за нее, как обреченный, представь себе», — делится он со своим другом Венцесласлом. И, кажется, что слышишь другого Фредерика, который восклицает: «А почему я не испугался? Почему у меня было желание умереть?» Он высказывает опасение Элеоноре, как бы ее муж Гуго не поколотил его палкой.

Эта водевильная комедия, плохо принятая критикой, что в свое время явилось причиной тяжелой судьбы Федо, неизменно вызывала смех у зрителей. Однажды беременная женщина вынуждена была обратиться к врачу: так ее рассмешило паясничанье Доминик Лаванан, исполнявшей роль Ганае, дикой амазонки с горячим темпераментом.

Мартин-Ламотт оказался идеальным исполнителем пьес Саган благодаря своему красноречию, «то серьезному, то распушенному, но всегда утонченному, лукавому и колкому», — как в программке пишет Мишель Блан. Доминик Лаванан познакомилась с Франсуазой[358] у Жан-Пьера Бувье, актера, работавшего в клубе над «Лукас Картон», на площади Мадлен.

Романистка рассказала ему о пьесе, написанной за десять дней по мотивам новеллы из сборника «Бархатные глаза»[359]. Увлеченная этой безумной, склонной к крайностям Ганаэ,

актриса сумела передать свой энтузиазм Мишелю Бланку. Так возникла веселая команда «Избытка наоборот».

Спустя восемь лет после «Хорошей погоды днем и ночью» Франсуаза Саган снова вернулась в актерский мир и погрузилась в захватывающую атмосферу репетиций.

«Когда ставится пьеса, — замечает она, — публики не существует. Можно перенести несколько инородных элементов, людей, которые занимаются декорациями, музыкой, светом. Самое главное это труппа, актеры. Это необыкновенно важно…»

Франсуаза всегда очень радовалась, оказываясь в этой семье, создающей спектакль, несмотря на частые ссоры и грызню.

«Даже при их самых отвратительных недостатках, когда они проявляют совершенную трусость и ведут себя тошнотворно, актеры мне нравятся, — говорит она. — Их фальшивая простота, их детскость, их возня, три месяца, проведенные подле них ради полуторачасового представления, — весь этот экстравагантный трюк заставляет меня испытывать сильные эмоции».

Некоторые из них стали ее близкими друзьями, как, например, Кристиан Марканд, приятель Брандо, Франсуаза Фабиан, Мари Дэймс, Жан Моро, не считая Джульетту Греко, Мари Бэль, Мелину Меркюри, назначенную министром культуры Греции, делили с романисткой памятные «праздники».

Орсону Уэллсу, с которым познакомилась на фестивале в Каннах в 1959 году, она посвятила целую главу своих воспоминаний «В память о лучшем»:

«Как велик во всем этот человек, осужденный на жизнь среди полукарликов, лишенных воображения и души, со снисходительным презрением выколачивавший из них ровно столько, сколько необходимо, чтобы напитать свой могучий остов»[360].

В феврале 1973 года она оказалась в Париже в связи с выходом фильма «Процесс» с Жаном Моро. Во время обеда в «О Бэль гурманд» Орсон Уэллс провозгласил, что Франсуаза была его лучшим французским критиком, пока у них не нашлась общая страсть к Лорель и Гарди[361].

«Тогда тебе не надо со мной расставаться, — сказала она ему. — Я завтра уезжаю в Нормандию. У меня там много фильмов Лорель и Гарди». — «Ты еще показываешь фильмы? Друзьям?..» — «Да. Мой сын Денис, ему десять лет, умеет обращаться с кинопроектором… О! Поедем, ты увидишь: сад прекрасный. И ты знаешь, зимой, когда деревья голые, это потрясающе!»

Федерико Феллини также принадлежал кинематографическому пантеону Франсуазы Саган, которая в 1986 году поехала на студию Чинечитта, чтобы увидеть его. Она

познакомилась с ним за пятнадцать лет до вечера, который он дал в своей квартире на улице Анри-Гейне (шестнадцатый округ) — одном из его немногих обиталищ на правом берегу. Он держался очень скромно, а его жена Джульетта Мазина спела «Жизнь в розовом» под аккомпанемент Фредерика Боттона. На итальянских студиях перед репортерами Феллини совсем другой, и она стремится создать образ «маэстро» для шикарного журнала Николь Висниак «Эгоист»:

«Это был император, король, тиран и, самое главное, кажется, друг каждого и царь для всех, — пишет она. И, смущенная, прибавляет: — Я не знаю, что бы я сделала, — говорила я себе, — если бы Феллини сел напротив меня в мое кресло у меня дома, в то время как я писала бы что-то в моих тетрадках…» Перед этим гением кино романистка чувствовала себя так, будто прикоснулась к тайне творчества, питаемого чудовищной тоской.

«Главное в обществе — не обертка! — утверждает она. — Но обертка Феллини — самая блистательная и наименее скрывающая эти искривления, метания души, которых не могут избежать ни ночь, ни день, ни временные на этой планете пассажиры, приглашенные и одновременно изгнанные, которыми мы все являемся, обладая большей или меньшей ясностью мысли и милосердием…»

В «Эгоисте» Франсуаза набрасывает портрет звезды — Катрин Денев: «Матовый проблеск иногда появляется в ее карих глазах, загорается и заставляет искать новый лучик в золотисто-желтом великолепии». Эта большая статья должна была появиться в американском журнале «Вэнити фэа», но ее не взяли, потому что там недостаточно внимания уделялось частной жизни актрисы. По договору в качестве гонорара ей полагалось девять тысяч долларов, в качестве компенсации она получила чек на тысячу долларов и перечислила все деньги в пользу ассоциации детей-инвалидов.

Эта встреча с Катрин Денев, «умопомрачительной блондинкой», позволила ей высказать свои представления о звездном мифе:

«Некоторые женщины, как Гарбо, например, полжизни скрывались от славы, ее лучей и ее изнанки. Некоторые, как Бардо, чуть свою не потеряли. Многие другие, очень многие другие, искали ее до самой смерти, а кто-то умер, так и не найдя ее. Но у всех этих звезд, мужчин и женщин, испытывавших страсть или ужас, потребность или невроз, изначально было желание получить резонанс, эхо, отклик. Если возможно, я думаю, бессознательно, из простой и всепоглощающей страсти к игре, обрести величие в театре, я не думаю, что с такой же

бессознательностью можно стать известной актрисой или звездой в кино…»

В 1966 году знаменитая актриса одолжила свой шарм, красоту и светлые волосы Люсиль, героине романа «Сигнал капитуляции», фильма Алана Кавалье, экранизации романа Франсуазы Саган. В этом проекте она, вопреки обыкновению, по просьбе режиссера приняла участие лично:

«Это было очень приятно; мы писали несколько недель в Сен-Тропе на пляже… маленькое домашнее задание. Я прибавила несколько сцен, несколько реплик. Мне нравится этот фильм, но Кавалье придерживался романа, быть может, мы были чересчур буквальны. Я думаю, главное в экранизации — не трогать диалоги, лучше сокращать сцены. Лучше совсем выбросить некоторые куски, чем их уродовать»[362].

Для образа Люсили, тридцатилетней женщины, которая бунтует против социальных противоречий, Катрин Денев была подходящей исполнительницей. Как и Мишель Пикколи будет великолепен в роли Шарля, ее богатого любовника, которого она покидает ради молодого человека, Антуана, а потом опять возвращается к пятидесятилетнему мужчине и его деньгам. Это была идеальная пара. Брижит Бардо и Жан-Поль Бельмондо, к которым сначала обратились братья Таким, не были похожи на персонажей Франсуазы.

Другая пара, Марк Порэль и Клодина Огер (Мишель и Натали), в экранизации Жака Дерея «Немного солнца в холодной воде» смотрится на экране менее гармонично. «Марк Порэль был слишком молод и по характеру более близок к атмосфере “Вечерней звезды”, чем к “Шери”»[363], — сожалела романистка, в итоге, впрочем, довольная результатом. Роман «И переполнилась чаша» также был экранизирован с Кристофом Малавой, Пьером Ардити и Натали Байе в ролях Шарля, возглавляющего маленькую обувную фабрику в Романе, его друга детства Жерома, который участвует в движении Сопротивления, и Алисы, женщины, которую предстоит покорить.

Эту комедию на фоне трагедии — события разворачиваются летом 1942 года — снял Роберт Энрико. Последний роман[364] Франсуазы Саган «Рыбья кровь» ждет, вероятно, та же студийная судьба. Его герой — Константин фон Мек, немецкий режиссер, обосновавшийся в Америке, как Эрнст фон Любич. Во время войны он снимает на юге Франции «Пармскую обитель»[365] для U.F.A. (Универсум Фильм Альжемейн) под контролем Геббельса.

Отступая от сюжета, Франсуаза подробно рассказывает о работе постановщика, опираясь на свой личный опыт. В 1974 году Жорж де Борегар пригласил ее поучаствовать в трехдневных

съемках короткометражного фильма «Еще одна зима». В начале фильма звучит музыка из «Травиаты». Пожилая женщина и молодой человек сидят на скамейке в парке. Он поджидает молодую девушку, но не влюблен в нее. Она, напротив, кажется, с тревогой ждет своего любовника, с которым они встречались в былые дни. «Видите ли, он женат», — говорит она молодому человеку.

Начало весны, и она не видела его всю зиму. Она боится, что он умер. Ее глаза наполняются слезами. Крупный план ее усталых ног и грубых ботинок, которые закрывают лодыжки. Наконец приходит подружка юноши. Очевидно, что, кроме физического влечения, их ничто не объединяет. Потом появляется красивый старик с хитрым взглядом. Лицо пожилого человека светится счастьем. Она поднимается, и они идут рядом. «Кто это?» — спрашивает молодая девушка у своего друга. «Никто, — говорит он, — помешанная». Но чувствуется, что мальчик испытывает определенную ревность к этой пожилой любящей паре.

Тринадцать минут истекли. Это очень красивое и короткое размышление о любви, одиночестве, движении времени.

«Я договорилась, что, если “Еще одна зима” мне бы не понравилась, ее бы сожгли, — объясняет Франсуаза. — На самом деле она завоевала какой-то “Оскар” на фестивале фильмов в Нью-Йорке. Я была в восторге. Вдруг мой продюсер мне сказал: “Раз маленький фильм имел успех, может, сделать большой?”»

Им станет «Голубой папоротник» по ее новелле «Бархатные глаза», где действие происходит в замкнутом пространстве гор и показаны отношения двух пар и сторожа шале. Эта психологическая драма была снята в Межеве летом 1975 года с участием Фабиана, Жан-Марка Бори, Жиля Сегаля, Каролины Целлье и Франсиса Перрена. Очень смущенная Франсуаза только через неделю смогла освоить ритуальные «Мотор» и «Стоп». Она была заснята операторами, которых она угощала в благодарность за их труд, с уважительной осторожностью смотрящей в камеру.

«Есть тридцать человек, бесконечно вам преданных, — говорит она, — мы развлекаемся как сумасшедшие, смеемся, много гуляем, снимаем…» Выход нерекламировавшегося фильма в мае 1977 года на фестивале в Каннах остался практически незамеченным. В любом случае критика отнюдь не призывала смотреть «Голубой папоротник», объявленный позднее в киноклубе «Антен 2»: Саган в качестве режиссера оценили как не оправдавшую надежд. «Может ли она научиться этому новому ремеслу? Должна ли она ему учиться? — задается вопросом «Круа». — Я ей этого желаю. Ответ в следующем фильме. Если он будет. Но почитайте “Бархатные глаза”: это прекрасно, я бы

сказал, как кино».

Вопросы доверия

«Я поеду в Канны как простая зрительница, с тем чувством, какое испытываешь, когда хочется пойти в кино». Это значило проявить элементарное благоразумие, но, произнеся это[366], Франсуаза во многом заблуждалась. Нельзя безнаказанно быть президентом жюри Каннского фестиваля — она заняла этот пост по случаю тридцать второго издания ее книг, с 10 по 24 мая 1979 года.

В день инаугурации романистка в длинном платье, рядом с Жан-Филиппом Лекатом, тогдашним министром культуры, Робертом Фавр-Лебре, президентом фестиваля, и своим другом режиссером Жюлем Дассеном, не подозревает еще, в какую ловушку она попала. Ее короткометражка «Еще одна зима» в секции «Угол зрения» была встречена аплодисментами коллег по жюри, приглашенных на просмотр. Среди этих людей она чувствовала себя замечательно, никто не оспаривал ее права выбора обладателя Пальмовой ветви.

Такое соревнование, как Канны, предполагает коммерческие игры и систему своего рода скрытых влияний. Она была покорена фильмом Фолькера Шлендорфа «Барабан» и с радостью обнаружила, что большая часть жюри была с ней согласна. Франсуаза собиралась короновать фильм немецкого режиссера, когда произошел неожиданный поворот в пользу «Апокалипсиса сегодня» Фрэнсиса Форда Копполы, совершенно ее ошеломивший.

Имело здесь место давление или нет, она расценила это как интригу Роберта Фавра-Лебре и решила покинуть фестиваль, хлопнув дверью. Ее с трудом уговорили, и она приняла участие в последнем голосовании: пять голосов за Копполу, пять голосов за Шлендорфа. Франсуаза хотела использовать свой двойной голос президента жюри в пользу «Барабана». «Нет, — неожиданно возразил ей Фавр-Лебре, у вас только один». В конце концов Золотая пальмовая ветвь была поделена между двумя фильмами.

Но семь месяцев спустя после того, как оба фильма вышли во Франции, Франсуаза Саган предала случай на голосовании огласке. В интервью «Матэн де Пари» она начала полемику с Робертом Фавром-Лебре, который обвинил ее в нарушении «тайны» обсуждения, обнародовании сплетен и неоплаченном по выезде из «Карлтона» счете (напрасно, ведь она не пьет уже более пяти лет). Чтобы прекратить обсуждение, Франсуаза предложила заменить жюри Гонкуровской премии на жюри Каннского фестиваля, тем самым продемонстрировав чистосердечие в отношении непоколебимых общественных установлений.

Это ее донкихотство еще заставит улыбнуться — когда встанет вопрос о приватизации TF 1. Выступающая решительно против Франсуаза организует 3 июня 1986 года вечер антиприватизации в своей квартире на улице Шерш-Миди. Там присутствуют бывший министр культуры, социалист Жак Ланг, архитектор Ролан Кастро, Франсуаза Верни, Ален Рене и его жена Флоранс Мальро, помощник генерального директора TF 1, Эрве Буржес и его директор программ Паскаль Жозеф.

«Нас в гостиной около тридцати, многие сидят на полу, это все мне напоминает атмосферу мая 68-го года», — пишет Эрве Буржес в своей книге «Цепь на руках»[367]. Его вмешательство произвело эффект холодного душа, поскольку перед людьми, которые говорили о сопротивлении «посягательству крупного капитала на канал», он выразил удивление по поводу недостатка у них реалистического взгляда на вещи. Франсуаза Верни, также пораженная этим ребячеством, оценила собрание как сообщество неразумных мечтателей. В своей книге Эрве Буржес пишет: «Франсуаза говорила быстро и отчетливо, обращаясь к своей подруге: Зачем ты пришла? Что мы будем делать? Для чего мы собрались? И каждый выдвигает свои предложения, одно причудливей другого. Да, это “ремейк”, довольно смешной, мая 68-го года!» Эта интерпретация обидела Франсуазу, которая организовала вечер по просьбе Моники Ланг: «Я считаю, что это не слишком воспитанно: он напрашивается ко мне, пьет шампанское, кричит, как другие, и потом описывает меня как пассионарию. Это неблагодарный человек».

Год спустя романистка сообщила о подготовке сериала «Банко», названного именем ее собаки, для TF 1, ставшего тем временем собственностью Франсиса Буйгю. Этот телесериал, посвященный взаимоотношениям и соперничеству двух семей, напоминал творчество Франсуазы Верни, которая реализовала себя в подобном жанре, например, адаптировав для телевидения бестселлер Линды да Сюза «Картонный багаж». Таким образом, быть выпускницей «Эколь Нормаль»[368], кандидатом наук по филологии и одной из деятельниц французской издательской индустрии, сначала в «Грассе», потом в «Галлимар» и «Фламмарион» — это свидетельство неординарности. Личность Франсуазы Верни, «которая забавляется жизнью так, чтобы потом появилось нечто, что позволит другим приятно провести время»[369], должна была сразу заинтересовать Франсуазу Саган.

Журналистка и писательница Анник Жэй была свидетельницей возникновения их союза, заключенного в момент, когда Франсуаза задавалась вопросом о своей литературной карьере, внезапно прекратив совместную работу с Жан-Жаком

Повером. Летом 1979 года она оказала помощь издателю «Ответов», сборника интервью, который удержал их на плаву во время финансовых затруднений. «Я отправился в Экомовиль, — рассказывает Повер. — Франсуаза искала плечо, на которое можно опереться, так как с Анри Фламмарионом дела уже не ладились. Она мне вручила письмо с договором о сотрудничестве, и я смог прочесть рукопись, над которой она работала, — “Плавание ‘Нарцисса’”, которая станет “Женщиной в гриме” и будет иметь успех во всем мире».

Она опубликует этот большой роман летом 1981 года, провозгласив с удовлетворением: «Ну вот и настал час мести…» Поскольку ей всегда ставили в упрек ее вечную камерность и ее тоненькие романы, она наконец позволила себе сочинить «Женщину в гриме»[370]. Это ее тринадцатый роман, пятьсот страниц, наполненных событиями, миллион характеров, приблизительно четыре «Здравствуй, грусть!» или «Души, покрытой синяками». Франсуаза Саган билась над историей, которую она задумала, увидев рекламу музыкального круиза, на протяжении двух лет.

В сентябре в Каннах несколько десятков меломанов — баловней судьбы отправляются на «Нарциссе», пакетботе класса люкс, в десятидневный музыкальный круиз по Средиземному морю. Сказочные стоянки: Капри, Портофино, Картаж, Сиракузы, Аликанте, Пальма… Изысканная кухня: «Стоянка определяла музыкальное произведение, а музыкальное произведение определяло меню».

Этот удивительный жестокий и забавный роман — единственный в таком роде у Саган. Не предусмотрев никакого плана, не зная заранее, как будут вести себя персонажи, она позволила себе идти у них на поводу, пока не была создана рукопись в восемьсот страниц. Эта работа совпала с тяжелым для нее жизненным периодом.

Обвиненная в плагиате в связи с предыдущим романом «Спящая собака»[371], навеянным новеллой Жана Гугрона, она вынуждена была вступить в борьбу с «Фламмарион», публиковавшим ее книги на протяжении тринадцати лет.

«Рене Жюйар, очень милый человек, боялся сыграть роль ведьминого подмастерья, — рассказывает Франсуаза. — Он говорит мне: “Ваши дела идут настолько хорошо, что я не хочу вас стеснять своими замечаниями”. После его смерти я стала издаваться у Фламмариона. Этот издательский дом, серьезный, семейный, мне рекомендовал мой друг Бернар Франк… Мне действительно не на что было жаловаться… до того дня, когда банк Ротшильда пожелал удостовериться в моей

платежеспособности после пятнадцати лет неведения».

Между издателем и автором установились теплые отношения, основанные на молчаливом согласии, которое предполагало и размолвки и примирение. «Фото Франсуазы всегда стояло на письменном столе Анри Фламмариона, но после их разрыва он позволял плохо высказываться о ее книгах», — говорит Клод Далла Торре[372]. Анри Фламмарион, который на протяжении десяти лет выплачивал автору ежемесячно 25 тысяч франков, не принимая во внимание счета, а в последние четыре года увеличил сумму до 60 тысяч франков, вдруг счел себя оскорбленным и заблокировал свои счета в ответ на совершенно обычную просьбу банка.

Как быть в этой финансовой путанице? Дело будет передано в суд, где сторона издателя позволит себе оскорбительные высказывания[373].

«Очень тяжело писать после дня, проведенного в этой смрадной атмосфере, — говорит Франсуаза Саган. — Эта книга была якорем спасения. В каком-то смысле я каждый вечер погружалась в мир вымысла, который был в тысячу раз соблазнительнее для меня, чем реальность».

Бернар Франк приходит ей на помощь и с едкостью резюмирует ситуацию: «Один сюрприз за другим. Фламмарион, после утверждения, что нужно быть сумасшедшим, чтобы говорить о плагиате в отношении “Спящей собаки” Саган, в следующую минуту хочет ее лишить ежемесячных выплат и даже требует денег. Я не знал, что Анри Фламмарион и его сын Шарль в этом смысле приверженцы Жарри: Ubu roi, ubu fils»[374].

Мы далеки от этого солнечного летнего дня 1966 года, когда Франсуаза Саган и Анри Фламмарион бросились к друг другу в объятия. После смерти Рене Жюйара и после ухода на покой его жены Жизели д’Ассейи Франсуаза почувствовала себя сиротой. Она вынуждена была позволить удочерить себя «другому» папе-издателю, который строил бы с ней планы на будущее, не ставя на первое место денежный вопрос.

«У моего отца, — говорит ей Анри Фламмарион, — была танцовщица, Колетт; теперь нам ее не хватает». — «Ну вот и отлично, — ответила Саган, — я великолепно танцую». Издатель проявляет спокойствие и уверенность, кроме того, это старый друг ее родителей… Он предлагает ей 25 тысяч франков в месяц авансом сверх авторских прав, составляющих 20 процентов от стоимости каждой книги. Но Франсуаза, как стрекоза, совершенно не способна управляться со своим бюджетом; она обращается к своему банкиру, Эли де Ротшильду, который просит одну из своих сотрудниц, Мэрилену Детшерри, заняться делами

безденежной романистки.

Через ее посредничество банк платит за жилье, газ, электричество, телефон, домашний персонал, поставщикам и так далее, она занимается также переездами, потому что в это время Франсуаза уезжает и не возвращается, в то время как мебель расставляется по местам и восстанавливается семейная обстановка. Лишенная одно время чековой книжки, она вынуждена была обходиться тысячью франков карманных денег на две недели. Зато она выплачивает в 1970 году абсолютно все налоги перед получением скидки в 10 процентов на декларацию, о которой она не просила.

Итак, разрыв с «Фламмарион», а в ноябре 1980 года Франсуаза Саган и Жан-Жак Повер придают официальный статус своему сотрудничеству, обменявшись письмами, эквивалентными контракту. «Следуя доброму правилу, поскольку теперь везде нужны “бумаги”, как мне говорила одна из моих бабушек, я предлагаю вам уточнить условия нашей работы», — подчеркивает издатель, который просит романистку предоставить ему «права издания, перевода, адаптации во всех жанрах, на все языки и во всех странах» ее двух следующих романов, один из которых «Плавание “Нарцисса”».

За каждую из ее книг он гарантирует три миллиона франков авторских прав, «сумма, которая вам будет выплачена в соответствии с оговоренными условиями». Он заканчивает, передавая поцелуй и выражая радость быть ее издателем.

С именем «Жан-Жак Повер» на обложке выйдут «Женщина в гриме», изданная в «Рамзай» в 1981 году, и «Неподвижная гроза» совместно с «Жюйар» в 1983-м. Как бы то ни было, идиллия приобретает резкие оттенки, перед тем как обернуться и вовсе неудачей. Франсуаза без энтузиазма констатирует: «Повер играл двойную роль: издателя и импресарио, что позволяло ему проникать повсюду». Кроме ссор она ему обязана встречей с романистом Эриком Орсена[375], который стал ее другом и литературным директором в «Рамзай», он поддержал ее против нападок «Фламмарион».

Встретив в 1983 году Франсуазу Верни, она выразила надежду на длительное сотрудничество, основанное на взаимной симпатии. Анник Жей, которая была посредницей, вспоминает встречу романистки и литературного директора, состоявшуюся вскоре у «Галлимара», на улице Себастьен-Боттен: «Франсуаза сказала мне: “Повера с меня хватит. Я подписала с ним договор на две книги. Мне нужен издатель, но кому я сегодня нужна?”»

«Она была почти убеждена, что никого больше не интересует. Я ей рассказала о Франсуазе Верни. В этот вечер я обедала с Жан-

Клодом Латте, ответственным за издательскую группу “Ашетт”. “Франсуаза Саган вас интересует?” — спросила я его. “Она бы оказала нам честь”, — ответил он мне, и на следующий день я провожала его к Франсуазе, на улицу Шерш-Миди. Еще через день она нанесла визит Верни. Это был удар молнии. Договор был заключен с “Галли-мар” из-за того, что они нашли общий язык, хотя с финансовой точки зрения “Латте” предлагало более выгодные условия»[376].

Первой изданной в результате этого договора книгой стали мемуары «В память о лучшем», появившиеся в 1984 году и рассказывающие о писательнице, которая как ни в чем не бывало стала классиком. В книге Франсуаза воссоздает мимолетные впечатления прошлого. Она перебирает свои интимные воспоминания, словно драгоценности, ее живой ум соседствует с природным милосердием, здесь она преподает урок доброты, а ее любовь к литературе приобретает статус высшей истины.

«Сначала, — говорит Франсуаза Верни, — она не верила в эту книгу. Перспектива собирания статей ее не привлекала. Но понемногу она в это все втянулась из симпатии, которую она испытывает к людям». Романы «И переполнилась чаша» и «Рыбья кровь», опубликованные соответственно в 1985 и 1987 годах, родились в атмосфере их взаимопонимания. Подруги встречаются раз в неделю, обычно в субботу или воскресенье.

Романистка пишет ночью в тетрадках, потом записывает на кассеты и отдает их машинистке. Когда несколько глав готовы, она передает их Франсуазе Верни. «Мы обсуждали сюжет книги, — объясняет литературный директор. — Франсуаза принимает критику и советы. У нее совсем нет тщеславия литературных дам. Сильные картины ее заводят. Или персонажи, такие как, например, режиссер Константин Фон Мек, снявший фильм “Рыбья кровь”. После первого порыва, где проявляется уже ее почерк, она правит. Она работает гораздо больше, чем многие думают, и часто сомневается».

«В течение нескольких лет, — прибавляет Франсуаза Верни, — она была немного пренебрежительна к своему творчеству. Мне кажется, что пятьдесят лет стали для нее решающим моментом, она очень много внимания уделяет работе».

Ее бывший муж Боб Вестхоф не раз был разбужен посреди ночи, чтобы высказать свое мнение: «Она смотрела мне прямо в глаза, пока я читал. “Какое у тебя впечатление?” — спрашивала меня сурово Франсуаза. Нужно было быть очень внимательным с ответом. Если я ей указывал на повторение или еще что-нибудь неважное, она раздражалась: “Я не об этом тебя спрашиваю. Я

хочу знать, это для тебя занимательно?”»

На самом деле на протяжении долгого времени единственным человеком, который мог судить ее работу, был ее близкий друг Бернар Франк. «Мы никогда не были похожи, например, на Сартра и Симону де Бовуар, — говорит он. — Здесь никогда не было и намека на пару и на подглядывание за тем, кто что делает. Читая друг другу, мы успокаивались. Снимали как бы друг перед другом шляпу. Лично я никогда много не думал о нашей дружбе: она мне казалась очевидной. Мне часто было хорошо, я чувствовал себя счастливым у Франсуазы, и я думаю, что в определенные моменты она тоже радовалась, что я был рядом». Это написано о Кажарке — единственном месте, где Франсуаза могла работать спокойно. Она поехала с ним туда на зиму к бабушке. «Мы дрожали от холода, — говорит она, — там не было центрального отопления, — но работали там месяц или два».

Друзья Франсуазы

«С Сартром мы очень хорошо понимали друг друга. Мы оба родились 21 июня, я тридцать лет спустя после него. Мне его очень не хватает», — говорит Франсуаза. Она публично высказала свою привязанность к нему за год до его смерти[377] по случаю его последнего дня рождения, 21 июня 1979 года. Это «письмо о любви к Сартру» появилось в «Эгоисте» с согласия философа и писателя, оно является частью книги «В память о лучшем».

Романистка возобновила с ним отношения, прерванные более двадцати лет назад. Их дружеская близость проявлялась от случая к случаю, в основном на обедах, где присутствовали Симона де Бовуар и Бернар Франк, в ком Сартр предчувствовал талант, посвятив ему в его двадцать один год литературную хронику «Тан модерн». «Я встретился с Сартром опять в 1963 году, в баре “Пон Руаяль”, — рассказывает Франк. — Он мне предложил увидеться с Ле Кастором и Франсуазой. Вчетвером мы позавтракали в “Релэ биссон”. Я заказал устриц и рыбу. Это было почти провокацией: Сартр испытывал ужас перед устрицами и ненавидел рыбу. Франсуаза тоже такие вещи не любит, они с Сартром обошлись бифштексом. Вдруг Симона де Бовуар спросила, не хочу ли я написать фельетон в “Тан модерн”. На мой удрученный вид она сказала: “Я вижу, что вы мне не доверяете”. Несмотря на восхищение, которое я по отношению к ней испытывал, я буквально выдавил из себя “да”, поскольку эта работа плохо оплачивалась, да и сам журнал не пользовался такой популярностью, как в 50-е годы. Ле Кастор, приехавший на мельницу рядом с Милли несколькими годами раньше в обществе Клода Ланзмана, казался мне очень забавным, но у Франсуазы было больше точек соприкосновения с Сартром. По поводу ее невнятной речи он сказал ей: “Я не всегда понимаю, что вы говорите, но мне никогда не надоедает слушать ваш голос”. Они утешали друг друга, когда у кого-то из них не ладились дела. Франсуаза в этот момент особенно переживала. Она жила на улице д’Алезиа, в четырнадцатом округе и часто заходила за ним на бульвар Эдгар-Кине, и они шли обедать в располагавшийся неподалеку “Аббэ Сен-Гийом” на улице Томб-Иссуар. Они невольно составляли пару, о которой ходили легенды».

На протяжении года Жан-Поль Сартр и Франсуаза Саган будут обедать вместе почти каждую неделю.

«Когда я приходила к нему, в его трехкомнатную квартиру в современном довольно страшном доме, он ждал меня уже готовый к выходу. У меня едва было время позвонить, как он

выходил, и мы отправлялись. В ресторане я пыталась заказать столик, а он меня удерживал за руку, это было комическое зрелище. Его это забавляло. Я чувствовала себя его матерью. Он был почти слепой, поэтому я ему резала мясо. Мы разговаривали как путешественники на перроне вокзала. Говорили о жизни, о любви, людях вообще, но никогда о наших книгах.

Зато мы обсуждали наши замыслы. Я помню, как он рассказывал про новеллу, которую он не мог написать из-за своей слепоты. В этой его ситуации есть трагизм. Но он до конца был бодр, человечен, абсолютно терпим. Он мне сказал, что умные люди никогда не бывают злыми. “Я знал, — говорил он, — только одного человека одновременно умного и злого: это был педераст, который жил в пустыне!”»

Не в состоянии больше писать, в 1975 году Жан-Поль Сартр согласился высказать свои мысли о современности посредством телевидения. Издатель и писатель Марсель Жюйан после присуждения звания президента Национального общества телевидения «Антен 2» был вдохновлен этим амбициозным проектом, увязшим в возникших вокруг него спорах. С Франсуазой Саган дело пошло на лад: на телевидении появился ее сериал «Золотая кровь Борджиа», который романистка написала в соавторстве с братом, занимавшимся зарубежными связями канала.

На этот пост Жак Куарэ был принят по рекомендации Франсуазы, которая переживала, что ее друг погружен в угнетающую атмосферу интриг. «Она мне сразу сказала, что нельзя оставаться один на один с этими людьми, — рассказывает Марсель Жюйан. — На ее взгляд, телевидение — это мир злых и вредных людей. Чтобы защитить меня от них, она направила ко мне Жака, в каком-то смысле своего ангела тьмы, Портоса из “Трех мушкетеров”».

Франсуаза Саган, старавшаяся уберечь горячего и чувствительного президента «Антен 2»[378] от неприятных эмоций, подсказала ему несколько замечательных идей и поддерживала его против врагов. «Она мне посоветовала сделать передачи про животных с Брижит Бардо, — говорит Марсель Жюйан. — Я встретил Брижит Бардо у Франсуазы, которая ходила за мной по пятам, не боясь себя скомпрометировать. Однажды у меня были неприятности, связанные с прессой. В машине раздался телефонный звонок: она позвонила, чтобы прочитать мне статью, которую написала в мою защиту для “Франс-суар”. Она называлась “Я вам запрещаю прикасаться”».

Марсель Жюйан не забыл также стремительное спасительное вмешательство Франсуазы Саган: «Она жила в то время на улице

Гийнемер, напротив Люксембургского сада, а я занимал квартиру рядом с другом, на улице Феру. Мне только что сделали укол кортизона, я разговаривал с ней по телефону. Вдруг я упал в обморок. Франсуаза быстро прибежала, толкнула дверь, которая, к счастью, не была заперта, и, увидев, что я без чувств, вызвала полицию и скорую помощь».

Это одна из черт ее характера: Франсуаза Саган редко теряет присутствие духа. Эта естественная склонность к абсолютно спокойному поведению часто и многими отмечалась. «У вас альтруистический рефлекс!» — воскликнула она в машине фотографа Жан-Лу Сиеффа. Он только что внезапно затормозил и, чтобы ее поддержать, бросил руль. Это происшествие, которое относится к 1956 году, может показаться незначительным, но оно соответствует свойствам натуры романистки: склонности к юмору и естественности.

Однажды двое воров проникли в ее комнату на первом этаже на улице Алезиа средь бела дня, так, что их не услышала ни Пепита, черная кухарка, ни Ахмед, который исполнял обязанности дворецкого.

«Надо же, трубочисты, — подумала я. — Они разговаривали между собой, не обращая на меня внимание. Я поняла, что происходит, только тогда, когда один из них навел на меня пистолет. “Зачем вы ко мне пришли?” — спросила я их. “Мы работаем на этой улице”, — ответил он мне, требуя ключ от ящика. “Там только любовные письма”. Это было уморительно, когда они их стали читать и покраснели. Когда они уходили, я им крикнула: “Не прикасайтесь к собаке!”. — “Хорошо”. И на лестнице они перешагнули через Верзера, который даже не пошевелился. Занимавший комнату этажом выше Бернар Франк вышел почти тотчас. “С кем ты разговариваешь?” — “С ворами, которые пришли за моими драгоценностями”. Страховое общество мне возместило девятнадцать миллионов старыми франками. Это было не слишком много, но это меня устроило».

Верзер — замечательная немецкая овчарка. В Дортмунде его отец приобрел известность, приняв участие в задержании сорока одного вора, но сам он не обидел бы и мухи.

«Это моя ошибка, — говорит Франсуаза. — Я его воспитала, как большую кошку. Из-за его замечательной родословной ко мне часто приходили дамы со своими горячо любимыми представительницами породы женского пола. Рандеву происходило в гараже. Через час дама возвращалась и говорила мне натянутым тоном: “Моя собачка, наверное, не слишком хороша для него, он совсем ею не заинтересовался. Он предпочел

играть в мяч”. Я смущенно объясняла, что Верзер так и остался ребенком и что он всегда был немного простофилей. Через три-четыре раза мне надоело извиняться. Верзер умер девственником в шестнадцать лет и, казалось, прожил счастливую жизнь».

Франсуаза очень тяжело переживала смерть своей немецкой овчарки, безобидной, как ягненок. Когда у него парализовало заднюю часть тела, она втащила его к себе в комнату и провела возле него целый день, прежде чем ему сделали усыпляющий укол. На протяжении пяти лет романистка отказывалась завести другую собаку, потом в ее жизни появился Лулу, сын фокстерьера ее подруги Пегги Рош. Она назвала его Банко, по названию игры, которой она увлекалась в казино.

«Это, безусловно, самая умная из четырех собак, которые у меня были, — сказала Франсуаза. — Когда меня просят уточнить, какой именно фокстерьер, я говорю: “Это тротт[379] с двумя т. Фокс тротт…” — “А! Фокстрот!” — восклицают люди в восхищении и в следующую секунду впадают в гнев, поняв, что над ними подшутили».

В передаче Жан-Пьера Гутена «Тридцать миллионов друзей» на TF 1 она выразила свою любовь к животным (за исключением хладнокровных, таких как змея или лягушка) и сказала, что любит гладить их шерсть.

«Животные рядом со мной с детства. Это элемент физической и эмоциональной жизни. Иногда я испытываю ощущение, что мои отношения с моей собакой намного нормальнее, чем с некоторыми людьми».

Ночью ее домашние питомцы спят на ее кровати. Из-за Мину, большого рыжего кота, романистке иногда снится конец света:

«Солнце увеличивается, приближается. Я иду по улице, обращаюсь к пассажирам, говорю им, что это важно, но они меня не слушают. Солнце продолжает расти и вдруг взрывается».

Проснувшись, она обнаруживает, что кошмаром она обязана коту, который свернулся клубком на ее ногах. Франсуаза пинком прогоняет Мину, который будет теперь целый день на нее дуться. В ее доме в Экомовиле нашли убежище лошадь Пимпин, осел и коза, уши которой Верзер любил жевать. У этой козы интересная история[380]. Франсуаза увидела ее на улице Верней, в седьмом округе, когда обедала у подруги. Очаровательная Кармен играла на барабане, стоя на табуретке, как ее научили трое бродячих цыган, стоявших рядом.

Договорившись с ними о цене, счастливая романистка, предоставившая им досрочный отпуск, поселила козу в усадьбе, где Кармен разоряла сад и время от времени запрыгивала на столик для аперитива.

«Совершенно неожиданно, — рассказывает Франсуаза, — она умерла… от старости на следующий год. Растянулась на солнышке и больше не поднялась, во рту у нее был цветок мака. Ветеринар, которого позвали слишком поздно, сказал нам, что ей было сто или около ста лет, если считать по человеческому возрасту. Она так и не смогла перебороть свой инстинкт: Кармен была старой театралкой, которая делала мне одолжение, играя на барабане. А я маршировала».

Скаковая лошадь Гасти Флег также много значила для нее. Она, вероятно, была достойна уважения, так как ее хозяйка говорила ей перед забегом: «Будь внимательна… Если ты видишь, что бесполезно, не несись… Не беги слишком быстро… Прыгай аккуратно»… «Эта лошадь, — прибавляет она, — сослужила мне огромную службу, помогая мне в нужный момент».

Силуэт лошади порой сопровождает ее посвящения. Но лишь немногие обладают теперь маленьким рисунком, полученным первыми читателями «Здравствуй, грусть!», попросившими автограф. По просьбе Жерара Мурга она приехала вечером 14 мая 1954 года к пяти часам в 9-ю типографию на улицу Опера, где были проданы 84 экземпляра романа. «Было шампанское и печенье, — вспоминает Мург. — Первый тираж был почти продан. Я предложил Франсуазе назвать типографию ее именем. “Может быть, ‘Здравствуй, грусть!’”? — спросила она. “Нет, нет, будущее остается за Саган”, — ответил я под одобрительную реакцию взволнованного Рене Жюйара».

В любом случае, более четверти века спустя, в 1980 году, кубинский представитель в Гвинее приветствовал всегда сердечным «Здравствуй, грусть!» своего французского коллегу Жан-Мари Франка[381], когда встречал его в Малабо, в столице, вне посольства. Для дипломата Фиделя Кастро, находившегося на посту в африканской стране, знаменитый бестселлер романистки, который он, наверное, прочел до своего пребывания на Кубе, олицетворял Францию, как Де Голль, Брижит Бардо, Морис Шевалье[382], в Америке.

В поисках настоящего времени

«Я очень привязан к Франсуазе Саган, однако я не читал ни одной из ее книг, кроме сценария по мотивам “Здравствуй, грусть!”. Я так глубоко понимаю ее, что подсознательно боюсь не найти в ней ожидаемой глубины. Я вбил себе в голову — быть может, ошибочно, — что она пишет для женщин.

Франсуаза казалась мне постоянно неудовлетворенной, постоянно находящейся в поисках чего-то. Эва Гарднер, Рита Хэйворт под французским “соусом”.

Я часто с удовольствием встречаюсь с ней, но у меня никогда не было желания ее читать…»

Эти строки из автобиографии Омара Шарифа опубликованы «Этернель маскюлэн»[383]. Этот знаменитый переводчик «Доктора Живаго» разделял страсть Франсуазы к игре и к лошадям, что их и сблизило в Довиле. Во время их пребывания в Нормандии их интересы сконцентрировались вокруг казино, поля для скачек, торгов годовалыми жеребятами.

У египетского актера была знаменитая мать, игравшая лично с королем Фаруком, который в сентябре 1956 года встретился с молодой романисткой за столом баккара в казино Монте-Карло. Ее игровой опыт составлял три месяца. Она не умела играть взакрытую и невольно смухлевала, когда пыталась собрать туза и семерку. Фарука чуть не хватил удар. «В тот вечер я, конечно, выиграла, однако же не припомню другого случая, когда бы мои выигрыши сопровождались таким конфузом», — говорит она, вспоминая этот эпизод[384].

Бернар Франк также был заядлым игроком. Сидя в августовский вечер 1960 года в своей студии на улице Сен-Пэр, он решил навестить свою подругу Саган в Экомовиле. Франк не стал менять пять фишек номиналом по сто франков, которые лежали у него в кармане, взял такси и, на свое несчастье, остановился в Довиле, в двенадцати километрах от усадьбы Саган. Остановка у казино стала для него роковой. Ближе к утру он оставил там чек на восемь тысяч франков, который нужно было погасить в течение недели.

Приехав в усадьбу, он увидел на входной двери записку: «Бернар, мы рады, что ты решился на эту героическую вылазку. Мы очень устали и не можем больше ждать. До завтра, целую нежно». Он мечтал только об одном — выспаться. Разумеется, Франсуаза Саган помогла ему. Бертран Пуаро-Дельпеш, который был там вместе с Жан-Полем Фором и Жаком Шазо, вспоминает, что романистка увезла всех есть креветки в Онфлер, а потом

отправилась в казино Довиля, где оплачивала и рвала чеки, которые выдал Франк, и без особых усилий отыграла его долг. «Франсуаза даже выиграла приличную сумму, из которой выделила пятьсот франков, чтобы сделать покупки к обеду», — уточняет он.

Усадьба Брейль представляла собой красивое, но без особых излишеств строение. Там подавали очень вкусный куриный суп с домашним рисом, но особенно хороша была атмосфера нежности и дружеской близости, царившая там, где находилась Франсуаза. Маленькая деревенская гостиная, очень плохо обставленная, где в августе топили для красоты камин, была в каком-то смысле сердцем этого жилища. Там играли в карты, в джин, покер, бридж, белот, по настроению приглашенных или заехавших проездом. Там бывала певица Барбара, для которой Франсуаза купила пианино «Плей-ель», кутюрье Ив Сен-Лоран в сопровождении Пьера Берже, приезжавший обдумать свои будущие модели, или Джеймс Джонс[385], автор «Отныне и во веки веков», который провел там месяц.

Эти постоянные шумные приезды и отъезды не всегда нравились Марку и Фернанде, супругам, смотревшим за домом, которые видели, как в Экомовиль приезжали все до последнего члены «jet society», чья воинственная светскость находила отражение на страницах международных журналов «Вог» или «Зе Бест», журнала Массимо Гарджиа, итальянского плейбоя, за которого Франсуаза чуть не вышла замуж. «В 1973 году мы собирались пожениться, — говорит он, — этот год для каждого из нас оказался тяжелым. Мы поддерживали друг друга».

Возмущенная статьей в еженедельнике «Минют», посвященной состоянию ее здоровья, романистка сообщила о своем намерении покинуть Францию и окончательно обустроиться в Ирландии.

«Ирландия, — говорит она, — это страна, где защищена свобода каждого. Там я смогу написать хорошую книгу, до сих пор я писала только приятные».

В мечтах Франсуаза Саган видела себя едущей в запряженной лошадью нарядной повозке. Увы! Повозка на самом деле оказывалась не из крашеного дерева, а из пластика, без подножек и с совсем маленькими окошками. Среди ее друзей, вместе с ней была Эльке, пикантная брюнетка, которая работала на немецком телевидении в Мюнхене. Франсуаза остановила выбор на домике береговой охраны и взяла напрокат разбитую колымагу.

В программе развлечений визит в паб, прогулки верхом, чтения, ловля лососей, шумные партии в гольф. На краю поля перед домом вся компания развлекалась тем, что отмечала путь

колышками с повязанными на них белыми платками. Последний раз она играла в гольф в шикарном клубе в Германии. По неопытности она «пропахала» игровую площадку, к большому неудовольствию директора. «Хоть раз у вас сделают канавки…» — парировала Франсуаза.

Вначале казавшаяся неудачной поездка в Ирландию закончилась сумасшедшим весельем, но, разумеется, ни за что на свете Франсуаза не согласилась бы остаться жить здесь или в каком-либо другом месте за границей.

Во время путешествия она часто любуется прелестью закатов, ей доставляет удовольствие изысканный ужин с тремя или четырьмя сведущими людьми, разговаривая с которыми, она может получить представление о стране. «Ей не нравится гулять, как это делают все туристы, — говорит Пегги Рош. — Она не любит посещать достопримечательности и предпочитает читать в отеле, в тишине, без телефона. На Сейшелах она пыталась найти казино с американской рулеткой». В апреле 1987 года романистка, которая никогда до этого не плавала в круиз, что удивит читателей «Женщины в гриме», ступила на борт пакетбота, отправлявшегося в недельное плавание по Адриатическому и Эгейскому морям из Венеции.

Город дожей принадлежит миру ее наваждений, где обретаются поэзия, воображение, элегантность, — значит, сама красота. В первый раз она испытала такое эмоциональное потрясение, когда в 1954 году еженедельник «Эль» предложил ей попутешествовать по Италии и сделать репортаж. Возвращение в Венецию в конце путешествия Франсуаза Саган восприняла как внезапное проявление скрытой реальности:

«Когда возвращаешься, поражает серовато-голубоватый рассвет над этим городом, еще сонным, погруженным в волны тумана. Приближение по морю к Венеции — это что-то совершенно особенное. Это прибытие должно восхитить варваров и заставить расступиться их лодки; все эти торговые улочки, широкие и тихие, весь этот большой порт, такой открытый и такой уязвимый, опасный в своей неподвижности, постепенно сужающийся — эстуарии становятся проспектами, бульварами, улицами, потом улочками, и, наконец, можно только догадываться о существовании какого-то места, где произошло убийство, трагического тупика, какой-то великолепной западни…»[386]

Действие первой новеллы Франсуазы Саган, опубликованной в Соединенных Штатах, «Убийство в меню»[387], происходит в Венеции. Две молодые супружеские пары сидят на террасе Гритти: Жиль и Памелла Мендий, Анна и Андре Бассен. Анна

любовница Жиля, он только что сказал ей, что хочет расстаться. Муж Анны знает об их отношениях, но всегда веселая и беззаботная Памелла ни о чем не подозревает. Напряжение нарастает, Анна все более и более убеждается, что не хочет потерять своего любимого.

Они обедают вчетвером, танцуют; вернувшись за стол, Анна вынимает револьвер и стреляет в Жиля в упор.

Саган блистательно показывает цинизм этих красивых и богатых молодых существ, которые играют в жизнь, в любовь, пока кто-то не решает пренебречь правилами игры: ревность превращает в драму водевильный сюжет.

Тема ревности стала сюжетом ее пятого романа «Волшебные облака», название которого позаимствовано из «Стихотворений в прозе» Бодлера. В поисках счастья Жозе и ее муж, американец Алан, только что разошлись. Как всегда у Саган, женщина лучше переносит эту изматывающую борьбу внутри пары, где каждый ищет разделенной любви.

Жозе обладает «непробиваемым оптимизмом, который был единственной константой ее характера», что очень важно для Саган:

«Жозе не помнила, чтобы когда-нибудь испытывала безысходное отчаяние. Правда, случалось, она была подавлена, иногда до отупения. Четыре года назад, например, она рыдала, когда умер ее старый сиамский кот. Она хорошо помнила, как ее сотрясали волны неутешного горя, ей казалось, что кто-то со скрежетом скоблит у нее внутри, и это было больно до слез. Она помнила, как неотступно возникала перед ее взором уморительная мордочка кота, как ей хотелось вновь увидеть его спящим возле камина, ощутить его трогательное доверие к хозяйке. Да, именно это было самое ужасное: исчезновение того, кто всецело тебе доверял, кто во всем на тебя полагался. Видимо, поэтому так невыносимо тяжело терять ребенка. Возможно, еще труднее было бы пережить гибель ревнивого мужа»[388].

«Я буду ревновать не тогда, когда ты встречаешься с другой, а когда с ней смеешься», — говорила романистка Массимо Гаржиа. «Франсуаза — это нежность, способность понять многие вещи прежде, чем они высказаны», — замечает Массимо, написавший в статье[389]: «Для большинства мужчин женщина — это объект обладания, часто покупка. Эта форма власти над женщиной тем более сильна, чем слабее социальный статус мужчины. Поэтому очень часто чувство неудовлетворенности в социальном плане выражается в любовных отношениях. Это объясняет тот факт, что многие ищут девушек-девственниц или женщин-рабынь…»

Будто в ответ на это суждение своего итальянского друга

Франсуаза пишет:

«Мужчина отдается точно так же, как женщина (если использовать это слово), и женщина выбирает своего любовника в соответствии с критерием безнаказанности. Оставшись объектом, она становится субъектом. Она автоматически делает из своего компаньона другой объект. И, конечно, вкус к обладанию красивым объектом свойствен не только мужчинам; даже если большая часть женщин не говорит об этом в таких выражениях…»[390]

Какой возраст считает Франсуаза Саган самым лучшим? Романистке было двадцать восемь лет, когда она написала о преимуществах тридцати.

«Начать с того, что мужчины могут сколько угодно заставлять вас страдать — для вас это ничего не значит, и они это хорошо понимают. Враги, к которым мы испытываем страсть и любовь, когда нам двадцать, становятся нежными и близкими (прибавлю: оставаясь смутно опасными, как прежде) в наши тридцать. Проходя, они салютуют нашему оружию: о маленькой морщинке в углу рта, которая изводит нас перед зеркалом, мужчины знают, что это шрам другой любви, великой любви, и что это нам помешает выброситься из-за них в окно и слепо выполнять все их капризы (я вам советую тем не менее постучать по дереву). Более счастливого возраста невозможно себе представить».

Саган цитирует Бальзака о женщине тридцати лет и заканчивает так:

«Мы дадим мужчинам восхитительное доказательство нашей слабости — мне уже не двадцать лет, вы знаете — да, я очень любила X, я была так молода… Мужчины станут нежными, уплывут тихо в наше прошлое, будут тактичны, не замечая, что в нашей теперешней жизни мы триумфально беззаботны. Нет слабости, которая при правильном использовании не становится силой»[391].

Отпраздновав пятьдесят, Франсуаза Саган остается верной самой себе, всегда отдавая себе отчет в том, что «мы рождаемся, умираем и живем в одиночестве». В интервью, взятом Пьером Дюмайе, романистка на вопрос о старости ответила:

«Для меня старость — это когда вам больше никто не нравится и вы никому больше не нравитесь. В надежде на совпадение».

Сегодня она просто говорит:

«Мне кажется, у меня никогда не будет времени быть старой».

«Я не могу представить себя похороненной, — прибавляет она. — Я вижу себя исчезнувшей, улетучившейся. Вообще-то говоря, существует семейный склеп в Созаке, меня туда положат

вместе с другими, их чуть-чуть потеснят».

Что до будущего, образа, который она оставит после смерти, это ее меньше всего беспокоит:

«Я не уверена, что у нашего существования есть продолжение; из-за атомных механизмов XXI век может вообще никогда не наступить. В этих условиях имеет значение прожитая жизнь. Что касается жизни воображаемой… Я вас отсылаю к цитате Шатобриана, которую я поставила эпиграфом к “Женщине в гриме”: “Какое значение можем мы придавать мирским делам? Дружба? Она исчезает, когда тот, кто любит, становится могущественным. Любовь? Она обманчива, мимолетна или преступна. Слава? Вы делите ее с посредственностью или преступлением. Удача? Можно ли счесть за благо подобную суетность?”»[392]

На самом деле ее занимает только настоящее, которому принадлежит ее творчество, и ее фривольности нужны ей для ее книг, как Марселю Прусту нужно было посещать общество снобов парижских салонов. Ее любовь к праздникам была сначала попыткой себя защитить, поскольку ее взгляд на людей — это выражение одиночества, подвергнутого испытанию светскостью. Франсуаза Саган всегда шла до конца в своих страстях, находя в излишествах лишь элегантную манеру никогда не показывать свою тоску и не впасть в соблазнительно спокойную безнадежность.

Пока я пишу…

Нужно ли ненавидеть Саган? Писатель-дипломат Ромен Гари[393] задал этот вопрос в «Эль»[394], прочтя «Немного солнца в холодной воде». Авантюрист, эксперт по безнадежности, заметил в романистке (это была ее восьмая книга) жестокое намерение продолжать описывать некую социальную реальность. Ее верность «буржуазному реализму» раздражала многих, особенно после событий мая 1968 года.

В отблеске голлистской идеологии это писатель, которого нужно низвергнуть, — отсюда провокация автора «Корней неба», задавшегося вопросом, нужно ли ненавидеть Саган.

«Да, конечно, — отвечает он, — если вы из тех, кто ставит себя вне общества, которое сильнее своей смерти, потому что постоянно возрождается из пепла, вновь похожее на само себя. И нет, если вы любите в романе верность зеркального отражения».

«Здесь есть аморальность. Есть декаданс, по меньшей мере декаданс сохраняется. Я любуюсь ее отказом уступить террору в изящной словесности, тому террору, который требует от романиста, чтобы он заботился о том, чтобы изменить мир, чтобы он дал себе идеологическое алиби, пусть даже для большого переворота. Если романист “буржуа”, считается необходимым, чтобы он имел, как минимум, стыдливость, чтобы восставать, делать вид, что себя ненавидит, быть против того, чем он является. Франсуаза совершенно лишена этого чувства “вины”».

Во время событий мая 1968 года на романистку, золотая легенда которой порождала сарказм, показывали пальцем студенты, занявшие «Одеон». Ей ставили в упрек, что она ездит на «феррари». Ее спасли чувство юмора и находчивость: «Нет, нет, это “мазерати”!» Вокруг нее все засмеялись. «Были моменты очень серьезные, были моменты веселые», — говорит она об этих днях бурных уличных дебатов. Царивший тогда дух анархии и вольнодумства Франсуазе был очень близок.

Бунтовщики Латинского квартала не мешали завсегдатаям модных ночных клубов. Франсуаза, верная «Джимми’с» Режины, видела, как у ее ног упала граната. Дамы были в шоке, у них потек макияж.

«Они стали неузнаваемы, — говорит романистка. — Ко мне на колени упал парень, истекающий кровью. Раненый укрылся в клубе. Режина организовала эвакуацию… Друзья поднялись в ее квартиру, где можно было промыть глаза».

Из этого бурного периода она извлекла мораль пьесы «Пианино в траве», премьера которой состоялась в театре

«Ателье» 15 сентября 1970 года. Сорокачетырехлетняя Мод, богатая, красивая (ее роль сыграла Франсуаза Кристоф), решает пригласить на дачу друзей и воссоздать атмосферу каникул, проведенных вместе двадцать лет назад. Переживут ли они вновь счастливые дни?

Луи, сорока пяти лет, милый, но неудачник (роль сыграна Даниэлем Ивернелем), говорит Изабель (Эвелин Бюйль), глупенькой девушке Анри (Доминик Патюрель): «Вы робот, моя дорогая, как и все, вами манипулируют. И, Бог свидетель, ваши маленькие друзья, воздвигающие баррикады, мне часто докучают, но я вам говорю — у них есть все основания выйти из себя. Что вы об этом думаете?» Изабель ошарашена: «О чем?» Луи: «Что вы думаете о молодых людях вашего возраста, которые строят баррикады, которые недовольны жизнью?» Изабелла: «Я нахожу, что это очень мило — все крушить, но при этом нужно себе представлять, что будет вместо этого».

Образ Луи воплощает ускользающее счастье молодежи, имевшей идеалы, которые предательски отравила жизнь. «Жизнь невыносима, моя милая, ты этого не понимаешь, — говорит он Мод. — ЛСД, алкоголь, транквилизаторы, морфин — все это действует одинаково. Все это — чтобы провести время». Он считает, что в тридцать пять лет есть вещи, которые уже не вернуть — «любовная история, амбиции, представление о себе, потом таких вещей становится все больше». Для Мод, которая надеялась встретить Очаровательного Принца двадцати лет, Жан-Лу (Жак Гарден), ее бывшая большая любовь, явится еще более жестоким разочарованием (Жан-Лу стал банальным деловым человеком).

Она пытается покончить с собой, вскрыв себе вены. По этому поводу Луи говорит: «Нужно страшно любить жизнь, чтобы пытаться ее покинуть».

Однажды в тяжкий час Франсуаза Саган вскрыла себе бритвой вены на кистях рук:

«Гнет безнадежности. Но я не хотела умирать, ведь я здесь. И потом — это отвратительно, везде кровь, жжет. Люди убивают себя, чтобы допечь других. Элегантные самоубийства редки».

Самоубийство Ромена Гари 2 декабря 1980 года — одно из них, как свидетельствует последняя фраза его прощального письма: «Я наконец высказался вполне»[395].

Под именем Эмиля Ажара он осуществил потрясающую литературную мистификацию, которая восхищала Франсуазу Саган, часто мечтавшую скрыться под псевдонимом.

«Но написать книгу, — говорит она, — это не шутка. Был риск, что все пойдет прахом, что она не будет замечена ни

читателями, ни критиками, что она ничего не принесет. С другой стороны, если мистификация раскроется, мне попадет. Это великолепный акт альтруизма, поскольку у каждого писателя есть лицо, имя, привычки. Он должен подняться на подмостки, а там его заставляют изображать ученого медведя. И, если он не пытается воспользоваться образом, который представляет, его в этом жестоко упрекают. В конце концов его обвинят в мошенничестве. Так зачем эта маска? Это так утомительно — выпутываться из этого маскарада, даже если это очаровательная вуалетка».

В 1976 году Франсуаза Саган перенесла операцию в связи с острым панкреатитом, в госпитале Бруссэ, и была уверена, что пришел ее последний час, — она думала, что у нее рак поджелудочной железы.

«В смерти нет ничего романтического. Это пошло, тускло, это ужасно пугает; в этом есть какая-то драматическая конкретность, ничтожность…»

Ничего общего с тем, что она написала: «Должно быть, смерть — это всего лишь голубоватый туман, нетрудное падение в провал» («Смутная улыбка»); «я вижу смерть… облаченной в черный бархат, черные перчатки, неотвратимой, бесповоротной, совершенной» («Душа, покрытая синяками»).

Еще один раз Франсуаза проснулась живой, теперь ей, однако, строго противопоказан алкоголь. На самом деле воспаление не удалось излечить операцией, и малейшее излишество доставляет мучительные страдания. Содовая, фруктовый сок и время от времени бокал белого вина — вот все, что она себе может позволить. Это действовало ей на нервы, но страсть писать и жажда счастья не оставляют ей времени жаловаться.

Ей необходимо продолжать сочинять истории, живя спокойно свою собственную жизнь. В обществе стилиста Пегги Рош и секретарши Мари-Терез Бартоли, верных друзей, она продолжает идти по жизни, прислушиваясь «к подлинным проблемам времени». Вместе с Жаком Лангом она отправилась в Польшу, в Гданьск, и нанесла визит Леху Валенсе: «Это невероятная сила души. Он сопротивляется всему. Его невозможно не уважать. Мы договорились поохотиться во Франции».

Ее в данный момент также занимает политическая деятельность на стороне Франсуа Миттерана. Внимательный читатель ее произведений констатирует: «Ее талант один из самых искренних в ее поколении, и его регистр гораздо шире, чем казалось в начале ее творческого пути». Франсуаза Саган — историческое лицо. Весной 1980 года ее пригласили в Японию,

где она обнаружила, что символизирует «свободу» для трех четвертей японских женщин, что там существуют «клубы Саган».

«Пока вы пишете, вы свободны, — утверждает она. — Сартр говорил: “Быть свободным не значит делать то, что хочется, это значит хотеть то, что возможно”. Пока я пишу, у меня есть чувство, что я делаю именно то, для чего я родилась»[396].

Последняя глава

Реальность и легенда слились воедино в образе Франсуазы Саган. Спустя полвека после появления мирового бестселлера «Здравствуй, грусть!», который вызвал в обществе эффект электрошока, не угасает интерес к личности его автора. Действительно ли восемнадцатилетняя девушка, названная некогда Франсуа Мориаком на первой странице «Фигаро» «очаровательным монстром» французской литературы, явила собой образ-миф? Словно храбрый корсар бурных волн литературной повседневности, она бороздит неверные волны жизни, как истинный пират презирая порой опасность, бередя интерес хроникеров, заставляя пристально следить за своим рискованным путешествием.

В 1998 году появились ее мемуары «Страницы моей жизни» («Derrière l'épaule» — «Через плечо»). Она взглянула на свое прошлое сквозь призму перипетий своего жизненного и творческого пути, представив свою жизнь чередой кинокадров. Но это не автобиография. «У меня никогда не возникало желания написать историю своей жизни», — говорит она вначале. В самом деле, «проказница Лили» — Жан-Поль Сартр шутливо называл ее как героиню комиксов — любила иногда пооткровенничать. Однако деликатность ее сдерживает. Она всегда отказывалась судить что бы то ни было в принципе, она слишком уважает свою собственную свободу, чтобы в какой-либо мере препятствовать проявлению свободы окружающих. Потому биографы и эссеисты оказываются ни в коей мере не стесненными в своих интерпретациях, хотя и ограниченными требованием некоторой моральной элегантности. Пусть каждый обходится как может, убежденный в том, что, как ему кажется, знает. В любом случае они останутся при своих мнениях, даже если мудрость сердца заставит их погрузиться в хаос неуверенности и противоречий. Алан Вирконделе, автор книги «Очаровательный маленький монстр» («Un charmant petit monstre») скажет: «Миф живуч. Настолько живуч, что Франсуаза Саган сама однажды решила не пытаться его разрушить: это залог внутреннего равновесия и комфорта. Раз ее любят и желают видеть под вуалью ее легенды, она будет носить свою легенду, "как носят вуалетку"».

Пол Вандромм в книге «Франсуаза Саган, или Элегантность преодоления» («Françoise Sagan ou l'élegance de survivre») отметил: «Опыт страдания, это постоянное испытание на ее жизненном пути, оказался благотворен для творчества. Нельзя сказать, что это новое слово в литературе, но она привносит чистоту и

глубину в душу тех, кто открывает для себя ее мир. Ее звучание тонко, но, преисполненное милосердием, оно обретает значительность».

Сама Франсуаза во вступительном слове к собранию своих произведений в серии «Букэн», издаваемой ее бывшим мужем Ги Шеллером, удостоила меня следующего посвящения: «Жану-Клоду Лами — этот увесистый труд, который он изучил до последней страницы с неизменным вниманием и пониманием, с дружеским расположением и огромной гордостью быть героиней его книг».

Франсуаза Саган в восемнадцатилетнем возрасте попала в жуткий водоворот большого успеха, в котором она рисковала захлебнуться. Несчастные случаи, приступы безумия, алкоголь, наркотики, случайные связи, судебные процессы, приговоры, любовь, смерть, — все это штрихи к портрету отчаянной женщины, избравшей судьбу писателя вне закона, идущего по краю сумрачной бездны.

Филипп Бартеле так закончил предисловие к тому серии «Букэн»: «Франсуаза Саган обладает качеством, которое Мальро ставил превыше всего и называл “милосердием разума”». Отсюда ее неспособность к гримасам, любым — по отношению к другим и по отношению к себе самой. «Когда некого больше целовать и одиночество напоминает работу, в которой больше никто не нуждается…» Она говорила так в двадцать два года, и эта «работа, в которой больше никто не нуждается», — быть может, самое приемлемое определение ремесла писателя, обратившегося в призрачный облик «феномена», «мифа». Не так давно Антуан Блондэн, сказав, что она оставалась вопреки всему «верной своему лирическому призванию», отметил, что ей свойственно «смиренное и страстное чувство преклонения, которое она испытывает по отношению к литературе». Не совсем ясно, при чем тут «очаровательный монстр» и почему некоторые настаивают на этом определении. Быть может, они не умеют читать… Машина времени уносит меня в прошлое, и я обращаюсь к статье, которую она опубликовала в «Экспресс» в октябре 1956 года и которая была перепечатана в «Марбр», сборнике статей Франсуазы Саган, Ги Дюпре и Франсуа Нурисье, собранных Жан-Марком Паризи. В двадцать один год романистка анализировала свое положение с исключительной проницательностью. Это называлось «Советы молодому писателю, добившемуся успеха» и теперь может быть прочитано с не меньшим интересом. Речь идет о правилах поведения, которым автор «Здравствуй, грусть!» следовала всю жизнь.

«Если вы ощущаете со всей очевидностью свой успех и не так

наивны, чтобы поверить, что вы действительно окончательно состоялись как писатель, вам должно прийти в голову следующее: вы превратитесь в своего рода объект. Люди будут видеть вас как объект вне зависимости от того, является это их ремеслом или нет. Для начала вас будут приглашать в светские салоны. О вас будут болтать, обсуждать вашу жизнь, ваши приключения. В разговоре с вами используют литературные аллюзии, для вас загадочные. Хорошо. Вы покидаете салоны, вы хотите быть окружены лишь друзьями. И они у вас очень скоро появятся.

Огромное количество людей, которые хотят вас увидеть, поскольку Некто, им знакомый, знает вас, тысячи людей, которые хотят денег, нуждаются в них, которые пишут вам по пять отчаянных писем в день. И телефон, который непрерывно звонит, и вся эта толпа, которая бросается на вас, чудесным образом соблазненная словом “деньги”, словом “успех”, и молодые глупцы, которые поздравляют вас с тем, что у вас хватило цинизма написать роман с расчетом на коммерческий успех, и люди, которые полагают, что вы невыносимы, совсем вас не зная, и те, которые считают, что вы очень сообразительны, и это любопытство, и эта недоброжелательность, и эта настойчивость. И, кроме того, те, кто вас любит, перед кем вы испытываете смутные угрызения совести, кто пишет вам нежные письма, на которые у вас нет времени отвечать, и газеты, которые вы открываете случайно и где вы находите нелепые изречения, которые, оказывается, вы произнесли, и эта ярость, которую вы испытываете, и которая так быстро вас отпускает (…)

Покупайте то, что вы хотите купить, давайте то, что вы хотите дать, не рассчитывайте ни на обстоятельства, ни на людей. Естественности очень мало, очень мало людей, достаточно милосердных, чтобы принять ваш успех или вашу доброту, если вы добры. Или же, если у вас есть время и вкус к этому — будьте злы. Это более привлекательно. Или, наконец, будьте равнодушны, если для вас это возможно, но это очень трудно.

Лучший совет, который я могу вам дать, — развлекайтесь. Если вы живете в Париже. Ходите пешком, бродите, изнуряйте себя, спите возможно меньше. Будьте расточительны, это будет вынуждать вас не стоять на месте. Но, главное, ничего не организуйте. Ни обед у издателя, ни дружеский ужин, ни светскую вечеринку. Скитайтесь (…)

С другой стороны, успех имеет также положительные стороны: поначалу он несколько успокаивает в вас тщеславие. Однако потом он не дает никакого успокоения, в особенности в главном. Но здесь вы, я думаю, никогда не будете спокойны. Никогда не знаешь, стоит ли чего-нибудь то, что ты делаешь, или

нет. Никто вам не скажет относительно этого нечто безусловное. И когда вы почувствуете смертельное беспокойство по этому поводу — значит, вы начали работать. Это то, о чем вы спрашиваете себя на протяжении тех нескольких часов в день, которые посвящаете работе. Это и есть самое существенное.

Наконец, если можете, отправляйтесь в деревню».

Стоит добавить, что Франсуаза Саган родилась для успеха. И «приняла его, не моргнув, очень храбро, как маленькая вдова, быстро осушившая слезы. Потом скажут, что удачу вообще легче принять, чем невезение», — заметит Франсуа Нурисье в статье, посвященной Франсуазе Саган и Бернару Бюффе, появившейся в июне 1956 года в ежемесячнике «Парижьен». Но по мере того, как прибывает вера в удачу, человек склонен все сильнее давить на акселератор судьбы. Неотвратимо это движение увлекает вас во враждебные просторы, где вы рискуете оказаться погребенными, словно в зыбучих песках. Франсуаза Саган, ничего не ожидая от этой запредельности, позволила себе подчиниться воле демонов, которые блуждают подле одиночек, побежденных обстоятельствами. Она была не в состоянии больше писать, и ей оставалось лишь недрогнувшим голосом произнести прощальные слова. Она согласилась ответить на вопросы ведущего телевизионной передачи «Кампюс» Гийома Дюрана. Это было в марте 2002 года. Съемка состоялась в парижской квартире ее приятельницы Ингрид, давшей ей приют, как раненой птице, неспособной парить в небесной синеве, потому что ее крылья преждевременно одряхлели. Юная Франсуаза Куарэ из семнадцатого округа обратилась ad vitam aeternam в г-жу Саган, живущую на улице Фош, одной из крупнейших магистралей города. Милый способ пренебречь суетой, когда времена роскоши давно миновали.

Отвечая однажды на вопрос знаменитого опросника «Пруст»: «Что для вас предел несчастья?» — она произнесла: «Болезнь, вынужденное одиночество». А на вопрос: «Какую смерть вы бы предпочли?» — усмехнувшись, обронила: «Быструю». Ответ, который мог бы быть словом автора.

Здравствуй, печаль!

Франция уже начала готовиться к наступающему в этом году 70-летнему юбилею своего «национального достояния» — писательницы Франсуазы Саган, но юбилей придется отмечать уже без нее. Вечером 24 сентября все телеканалы прервали свои передачи, чтобы сообщить о том, что от легочной эмболии в любимом ею нормандском городе-красавце Онфлере умерла Саган. Четыре дня спустя там, на незаметном маленьком кладбище, в присутствии небольшой группы самых близких друзей ее похоронили. А газеты и журналы продолжают посвящать ей не только целые страницы, но и целые номера. Преждевременный и горький ее юбилей уже состоялся.

«Здравствуй, печаль!» — таким заголовком, перефразируя название ее первого и самого знаменитого романа, открыла свой очередной номер газета «Монд». Вот заголовки в других газетах: «Чудо, которое мы потеряли», «Невосполнимая потеря», «Прославлена по достоинству», «Самая знаменитая из всех современных французских писателей». Горе способствует преувеличениям, это известно, но «в случае Саган» такие дефиниции не слишком далеки от истины. На ее смерть откликнулась вся «вертикаль власти»: от политической до культурной. Президент Ширак: «Франция потеряла выдающуюся личность, гордость нашей литературы. Ее духовность, тонкость и чувствительность находили отзвук в человеческой душе, ее книги снискали себе читательскую любовь, не потускневшую на протяжении многих десятилетий». Премьер-министр Жан-Пьер Рафферен: «Горе пришло сегодня в дома миллионов французов. Невозможно смириться с мыслью, что уже не будет новой книги Франсуазы Саган». Взволнованные слова нашла от имени всех коллег другая известная писательница, президент Академии Гонкуров Эдмонда Шарль-Ру: «Ее литературная судьба не имеет себе равных: стать мифом уже в ранней юности, обрести мировую славу в девятнадцать лет и не растерять в течение полувека! Она избавляла людей от душевного одиночества, а сама познала его в полной мере».

Через все десятки и сотни страниц, посвященных ей в эти скорбные для Франции дни, проходит одна мысль: жизнь Франсуазы Саган не менее богата и интересна, чем ее романы, и не случайно она всегда была в фокусе внимания самой серьезной, а вовсе не желтой прессы. Скептики удивлялись ее незатухающей славе, завистники иронизировали над дурным вкусом читающей публики. Но самые крупные писатели (бывает ли что труднее —

получить безоговорочное признание у коллег?) с первой же встречи, несмотря на разделявшие их годы, становились ее друзьями и не скупились на самые лестные оценки: Мориак, Сартр, Трумен Капоти, Теннесси Уильямс…

Написав за месяц, в кафе, свой первый роман и отстучав двумя пальцами на раздолбанной машинке, юная Франсуаза Куарэ назвала его строчкой из Поля Элюара и отнесла в одно из крупнейших издательств «Жюйар». Уже через месяц французский тираж никому не известного автора превысил 200 тысяч экземпляров, а на смену подлинному имени пришел псевдоним Саган — так звали одного из героев любимого ею Марселя Пруста. «Здравствуй, грусть!» — принесший ей славу дебют — обошел всю планету, его издали в полусотне стран, счет тиражам пошел на миллионы. В своем последнем интервью журналу «Экспресс», которое увидело свет уже после ее смерти, Саган так объясняла этот феноменальный успех: «Шок, который вызвала моя первая книга, обязан ее откровенности, не перешедшей в цинизм и пошлость. Все было названо своими словами: желания, чувства, потребности, вкусы. Общество еще не было подготовлено к этому, его приучили лицемерить, ханжить, таиться, умалчивать. Этот маскарад уже смертельно всем надоел, потребность в раскрепощении и мыслей, и тела, и слова была вполне очевидной, но как-то не находилось того, кто возьмет на себя бесповоротный разрыв с осточертевшими табу. Бог избрал меня…»

Он избирал ее потом множество раз — чтобы доказать, что первый успех не был случайным. Каждый новый роман становился событием: «Смутная улыбка», «Через месяц, через год», «Любите ли вы Брамса?..», «Немного солнца в холодной воде»… Ее пьесы «Замок в Швеции», «Лошади и фантазии», «Пианино в траве» и другие держались в репертуаре годами (их ставил блистательный Андре Барсак). Ее песни пела Жюльетт Греко. Почти все ее романы получили экранную жизнь — их героев воплотили Мари Белль, Даниэль Дарье, Жан-Луи Трентиньян, Ингрид Бергман, Моника Витти, Ив Монтан, Энтони Перкинс, Мишель Пикколи, Жан-Клод Бриали… Еще при жизни ей было посвящено шесть монографий. И все они отмечали: самый главный талант Франсуазы Саган — всегда оставаться самой собой. И еще интеллигентность — в романах, рассчитанных на массовую читательскую аудиторию, где это качество никогда не считалось необходимым. Скорее наоборот. И еще ирония, грусть, доброта.

Пресса взахлеб писала о ее друзьях, о порочных и мимолетных связях, о романах, ею написанных и ею прожитых, о вечерах на ипподроме и ночах в казино, о дорогих машинах, на

которых она носилась с бешеной скоростью, об автоавариях, в которые она попадала, о ее удачах и огорчениях, о ее любимых собаках и любимых напитках — на этих сюжетах сделал себе карьеру не один журналист. Но ни одно пятнышко грязи к ней не пристало. Даже три судимости не поколебали тот пьедестал, на который ее вознесла молодая слава.

1990 год. При обыске найдены 300 граммов кокаина и столько же героина. Приговор: 6 месяцев тюремного заключения условно, штраф 10 тысяч франков и уплата таможенной пошлины в размере 350 тысяч франков. «Посадите нас вместе с Саган» — с таким воззванием обратились к судьям писатели Маргерит Дюрас, Режин Дефорж, актеры Жюльетт Греко, Мишель Пикколи, Барбара, кутюрье Соня Рикель и еще многие другие знаменитости. «Перед законом все равны», — ответили судьи.

1995 год. Опять кокаин. Теперь уже не только хранение, но и употребление. Приговор: один год условно с испытательным сроком в полтора года плюс штраф — 40 тысяч франков. Саган не спорила с фактами, на суде она просила лишь об одном: «Дайте мне умереть так, как я хочу. Законы создаются для людей, а не против них». Призывала в «свидетели» Монтескье. В ответ — глухое молчание.

2002 год. Обвинение куда более страшное. По просьбе бизнесмена с сомнительной репутацией Андре Гельфи Саган передала своему другу, президенту Миттерану, письмо узбекского президента Ислама Каримова. Речь шла о возможности предоставить компании «Эльф» право на разработку нефтяных месторождений в Северном Узбекистане. Миттеран, вопреки возражениям МИДа, согласие дал, сделка состоялась, а «Эльф» вскоре поменял свои планы, проект рухнул. Рухнул и покой уже тяжелобольной писательницы: расследуя обстоятельства сделки, прокуратура обнаружила неуплату ею налогов — преступление чуть ли не десятилетней давности. Приговор: один год условно и штраф в размере 800 тысяч евро, значительную часть которого уплатил вместо нее Андре Гельфи.

Все судимости теперь напрочь забыты, хотя, оплакивая смерть легендарной Саган, пресса не могла о них не напомнить. Правда, лишь для того, чтобы вновь подчеркнуть: после писателя остаются книги, а не его прегрешения. Впрочем, сама Франсуаза Саган относилась к своему творчеству с максимальной суровостью. Она написала о себе краткую справку для Словаря современной французской литературы — в сущности, эпитафию: «Вошла в литературу в 1954 году пустяковым романом “Здравствуй, грусть!”, вызвавшим международный скандал. Ушла из жизни, оставив после себя много произведений, столь же

симпатичных, сколь и легковесных, и это событие стало скандалом лишь для нее самой». Судя по тому, как встретили ее смерть не только Франция, но и весь мир, Франсуаза Саган жестоко ошиблась.

Аркадий Ваксберг

Основные даты жизни Франсуазы Саган

1935, 21 июня — У Пьера и Мари Куарэ родилась дочь Франсуаза.

1954, 6 января — Франсуаза Куарэ принесла рукопись своего первого романа «Здравствуй, грусть!» в издательство «Жюйар».

1957, 14 апреля — Франсуаза Саган попала в серьезную автокатастрофу.

1958, 13 марта — Франсуаза Саган вступила в брак с Ги Шеллером, распавшийся через год.

1962, 10 января — Франсуаза Саган вышла замуж за Боба Вестхофа.

1962, 26 июня — У Франсуазы Саган родился сын Денис Вестхоф.

1978, 2 января — Умер отец Франсуазы.

1985— Во время путешествия по Латинской Америке Саган найдена в состоянии комы в гостиничном номере. Медики установили, что причина комы — передозировка лекарствами.

1988— Франсуаза Саган посетила Советский Союз.

1990— При обыске у Саган найдены 300 граммов кокаина и столько же героина. Приговор: 6 месяцев тюремного заключения условно, штраф 10 тысяч франков и уплата таможенной пошлины в размере 350 тысяч франков.

1995 — Саган приговорили к году тюрьмы условно за употребление кокаина.

2002, 26 февраля — Парижский суд заочно («по состоянию здоровья» она четыре раза не явилась на заседание) приговорил писательницу за неуплату налогов к году тюрьмы условно и к возмещению казне около восьмисот тысяч долларов (налоги, которые она задолжала, плюс штраф).

2004, 24 сентября — В больнице городка Онфлер в половине восьмого вечера в возрасте 69 лет скончалась Франсуаза Саган.

Произведения Франсуазы Саган

(фрагменты помеченных (*) переводов включены в текст настоящего издания)

«Bonjour tristesse», 1954, роман («Здравствуй, грусть!» — пер. Ю. Яхниной*; пер. Т. Ворсановой);

«Un certain sourire», 1956, роман («Смутная улыбка» — пер. А. Борисовой*);

«New-York», 1956, заметки (Нью-Йорк);

«Dans un mois, dans un an», 1957, роман («Через месяц, через год» — пер. Н. Комина*; пер. Н. Кожевниковой);

«Aimez-vous Brahms?..» 1959, роман («Любите ли вы Брамса?..» — пер. Н. Жарковой; пер. Н. Ключанской);

«Château en Sudède», 1960, пьеса («Замок в Швеции»);

«Le gigolo», 1960, рассказ («Жиголо»);

«Les Merveilleux Nuages», 1961, роман («Волшебные облака» — пер. Н. Комина);

«Les violons parfois», 1962, пьеса («Иногда скрипки»);

«Landru», 1963, сценарий («Ландрю»);

«La Robe mauve de Valentine», 1963, пьеса («Сиреневое платье Валентины»);

«Bonheur, Impair et passe», 1964, пьеса («Превратности фортуны»)

«Toxique», 1964 («Отрава»);

«La Chamade», 1965 («Сигнал капитуляции» — пер. Н. Комина; «Сигнал к капитуляции» — пер. Е. Залогиной);

«Le Cheval evanoui», 1966, пьеса («Лошади и фантазии»);

«L'Echarde», пьеса («Заноза»);

«Le Garde du coeur», 1968 («Ангел-хранитель» — пер. Е. Залогиной*; пер. А. Новиковой);

«Un peu de soleil dans Геаи froide», 1969 («Немного солнца в холодной воде» — пер. Н. Немчиновой);

«Un piano dans l'herbe», 1970, пьеса («Пианино в траве»);

«Des bleus a Гате», 1972 («Синяки на душе» — пер. А. Борисовой; «Душа, покрытая синяками» — пер. Н. Комина*);

«И est des parfùms», 1973, в сотрудничестве с Ж. Аното («Он — это ароматы»);

«Un profll perdu», 1974 («Неясный профиль» — пер. А. Борисовой);

«Reponses» 1954–1974, 1975 («Ответы»);

«Brigitte Bardot», 1975, с фотографиями Г. Дюссара («Брижит Бардо»);

«Des yeux de soie», 1976, новеллы («Бархатные глаза»);

«Les fougéres bleus», 1976, сценарий по новелле «Бархатные глаза» («Голубой папоротник»);

«Le Lit defait», 1977 («Смятая постель» — пер. А. Борисовой);

«Le sang doré des Borgia», 1977, сценарий: диалоги Ф. Саган, сценарий Ф. Саган и Ж. Куарэ, текст Е. де Монпеза («Золотая кровь Борджиа»);

«II fait beau jour et nuit», 1978, пьеса («Хорошая погода днем и ночью»);

«Le Chien couchant», 1980 («Приблуда» — пер. И. Радченко);

«Musiques de scène», 1981, новеллы («Музыка к сценам» — пер. Хо-тинской);

«La Femme fardée», 1981, роман («Женщина в гриме» — пер. В. Львова*);

«Un Orage immobile», 1983 («Неподвижная гроза»);

«Avec mon meilleur souvenir», 1984, воспоминания («В память о лучшем» — пер. Л. Завьяловой*);

«De guerre lasse», 1985, роман («И переполнилась чаша» — пер. И. Радченко);

«Sand et Musset», 1985, любовные письма, представленные Ф. Саган («Санд и Мюссе»);

«La Maison de Raquel Vega», 1985 («Дом в Ракель Вега»);

«Un sang d'aquarelle», 1987, роман («Рыбья кровь» — пер. И. Волевич);

«L'Excès contraire», 1987 («Избыток наоборот»);

«Sarah Bernhardt ou le Rire incassable», 1987 («Сара Бернар, или Ненадломленный смех»);

«La sentinelle de Paris» («Парижский часовой»);

«La Laisse», 1989, роман («Поводок» — пер. И. Писаревой);

«Les Faux-Fuyants», 1991, роман («Окольные пути» — пер. А. Щедрова);

«Repliques», 1992 («Реплики»);

«Et toute та sympathie», 1993 («От всей души» — пер. А. Щедрова, стихи И. Кудесова);

«Un Chagrin de passage», 1994 («Прощай, печаль» — пер. В. Львова);

«Le miroir egare», 1996, роман («В туманном зеркале» — пер. Ю. Ях-ниной; пер. М. Кожевниковой);

«Derriere l'epaule», 1998, воспоминания («Страницы моей жизни» — пер. В. Жуковой).

Как сценарист Франсуаза Саган сотрудничала с создателями следующих кинофильмов, снятых по ее произведениям:

«Bonjour tristesse» (real.: Otto Preminger, co-scen.: Arthur Laurents, 1958);

«A Certain Smile» (real.: Jean Negulesco, co-scen.: Frances Goodrich et Albert Hackett, 1958);

«La recréation» (real.: Fabien Collin et Francois Moreuil, co-scen.: Daniel Boulanger et Francois Moreuil, 1960);

«La proie pour l'ombre» (real.: Alexandre Astruc, co-scen.: Alexandre Astruc et Claude Brule, 1960);

«Goodbye Again» (real.: Anatole Litvak, co-scen.: Samuel A. Taylor, 1961);

«Landru» (real.: Claude Chabrol, 1962);

«Château en Suede» (real.: Roger Vadim, co-scen.: Claude Choublier, Roger Vadim, 1963);

«La chamade» (real.: Alain Cavalier, co-scen.: Alain Cavalier, 1968);

«Un peu de soleil dans l'eau froide» (real.: Jacques Deray, 1971);

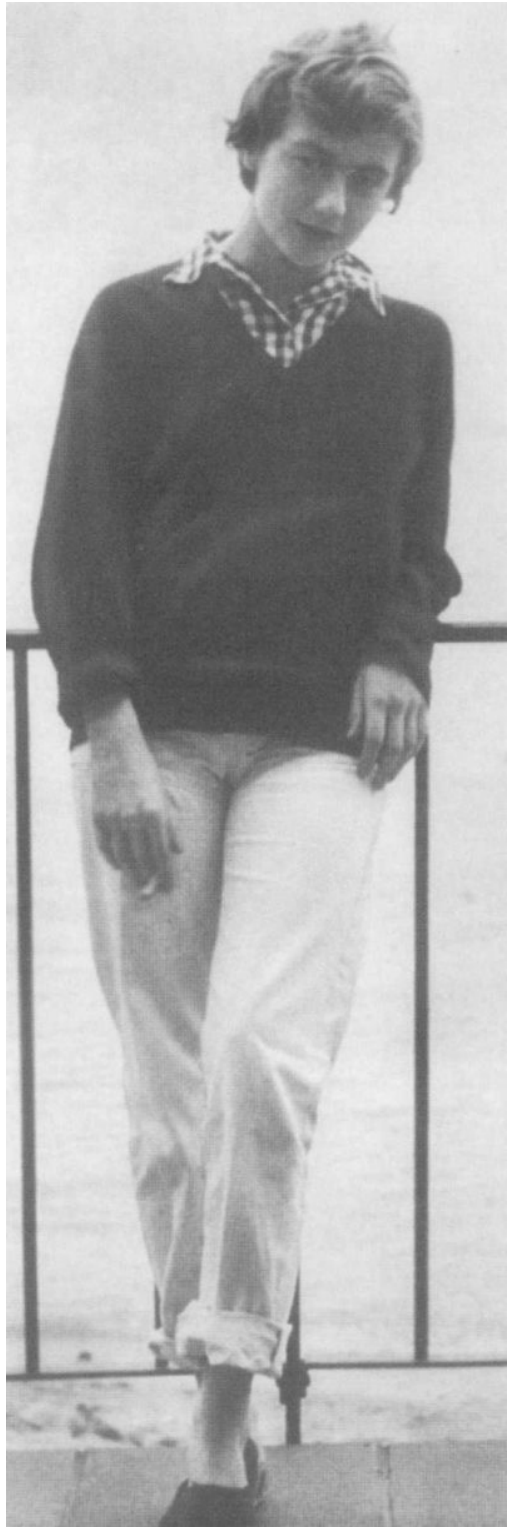
«De guèrre lasse» (real.: Robert Enrico, co-scen.: Jean Aurenche, Philippe Clevenot, Didier Decoin et Robert Enrico, 1987);

«La femme fardée» (real.: Jose Pinheiro, co-scen.: Jacques Cortal, Frederic Fajardie, Lou Inglebert, Jean-Jacques Pauvert et Jose Pinheiro, 1990);

«Les faux-fuyants» (real.: Pierre Boutron, 2000);

И сняла «Les fougères bleues» (1977).

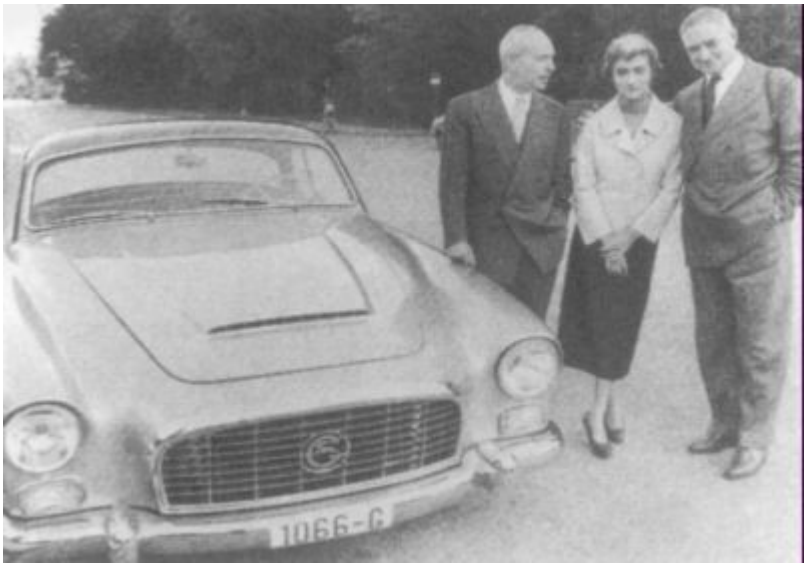
Иллюстрации



Франсуазе Саган девятнадцать, и она уже знаменита. Сан-Тропе, 1956 г.

С самого детства она любила быструю езду и животных.

Ее первый автомобиль…

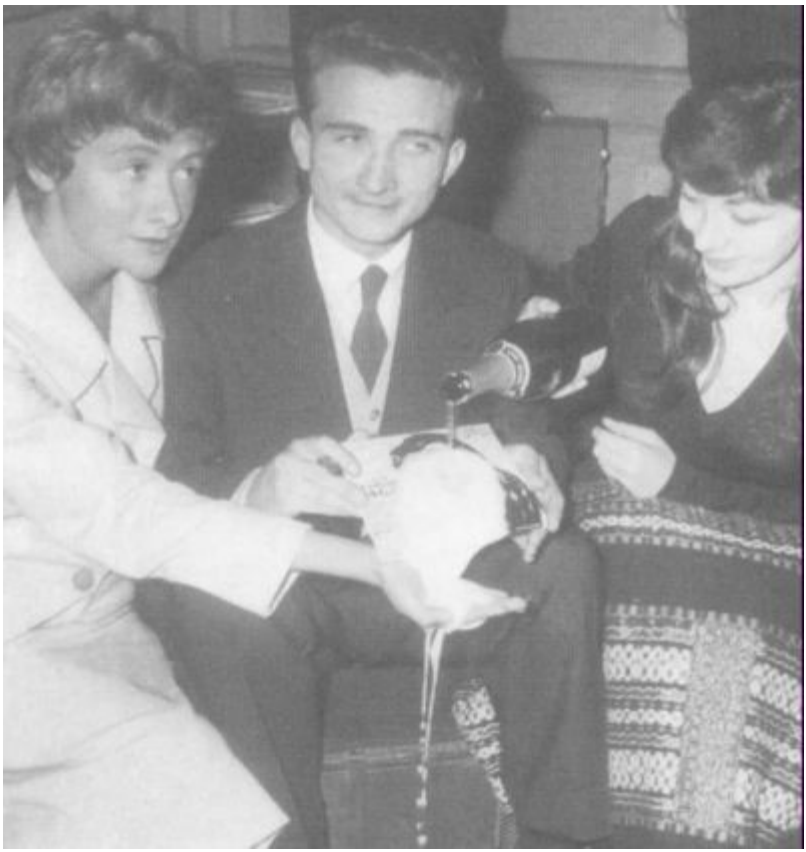


Франсуаза с отцом Пьером Куаре (слева от нее) и Ж. А. Грегуаром.

Франсуаза Саган вскоре после публикации романа «Здравствуй, грусть!».

Ставит автографы на своем первом романе, тираж которого достиг уже 810 тысяч экземпляров. Рядом — писатель Пьер Флуран.

На гала-концерте в парижской Опера. 1957 г.



Франсуаза Саган отмечает выход пластинки с четырьмя песнями на ее слова.

Музыка Мишеля Маня (в центре). 14 июня 1956 г.

Слева направо: Жан Куаре, Флоранс Мальро, Мишель Мань, Франсуаза Саган

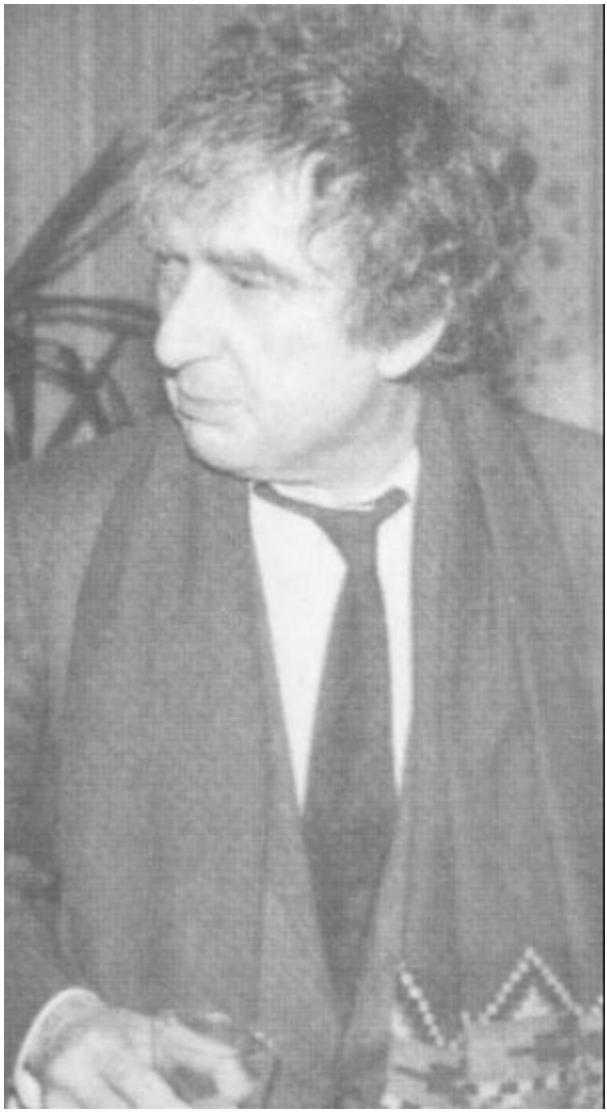
За рулем своего "ягуара"

Интервью при выписке из больницы.

Так выглядела машина Франсуазы Саган после катастрофы.

С подругой Анабеллой.

В объятиях старого друга Жака Шазо



Писатель Бернар Франк, ее преданный друг.

С Жанной Себерг, переводчицей романа «Здравствуй, грусть!».

С Бернаром Бюффе. Январь 1958 г.

Франсуаза Саган и Ги Шеллер только что зарегистрировали свой брак в мэрии Батиньолля.

13 марта 1958 г.

Блестящая светская пара.

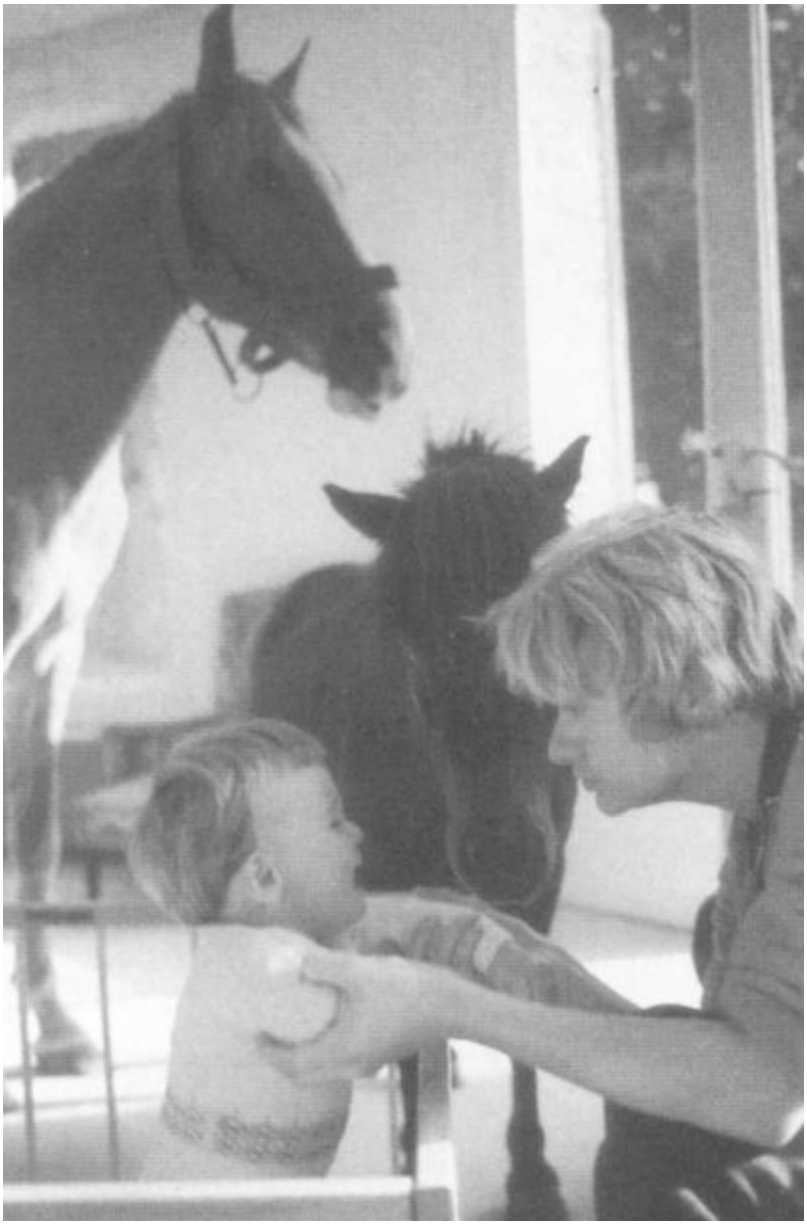
Это — счастье..

С Франсуа Мориаком (в центре) и Франсуа Ле Гри

С Жаном Кокто 4 января 1958 года

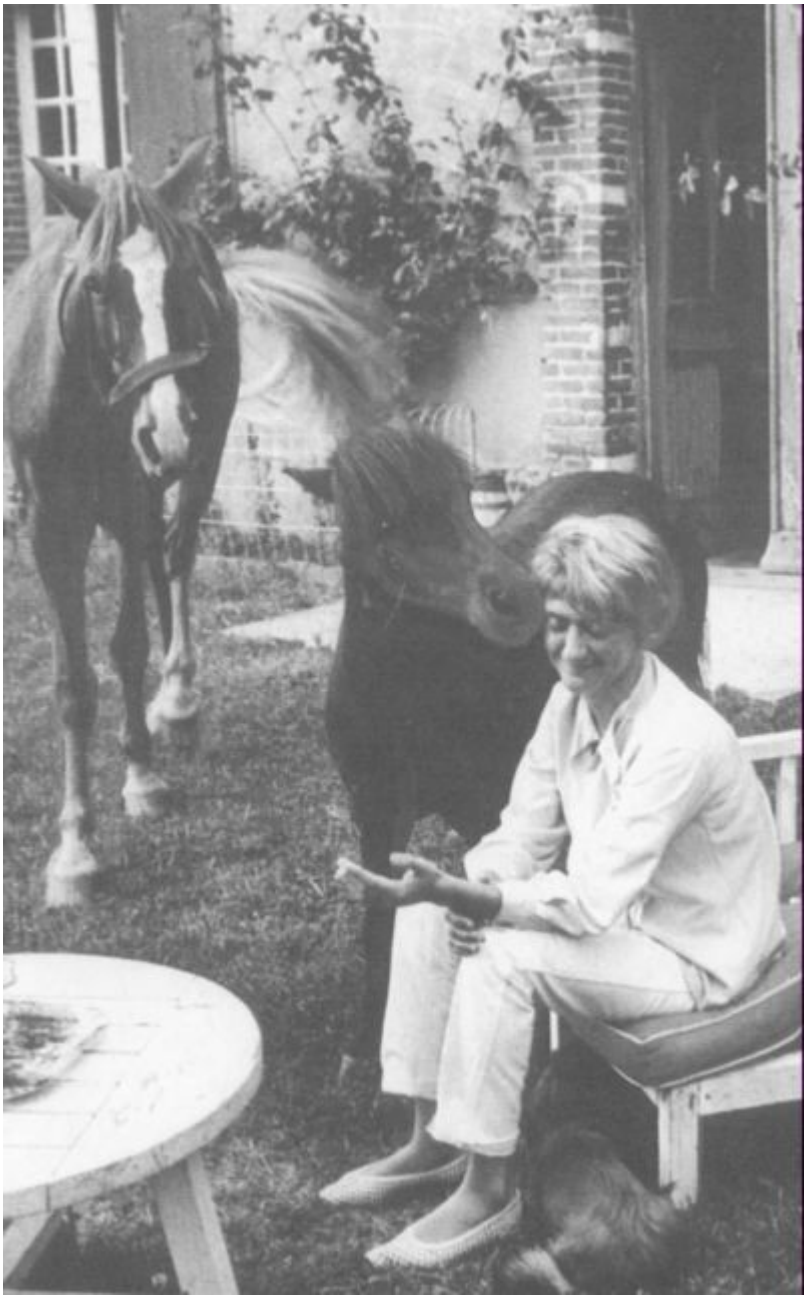
В Довилле с Бобом Вестхоффом.

Крестины Дениса. Восприемники Паола и Жак Шазо. Справа, рядом со священником Боб Вестхофф. 1962 г.

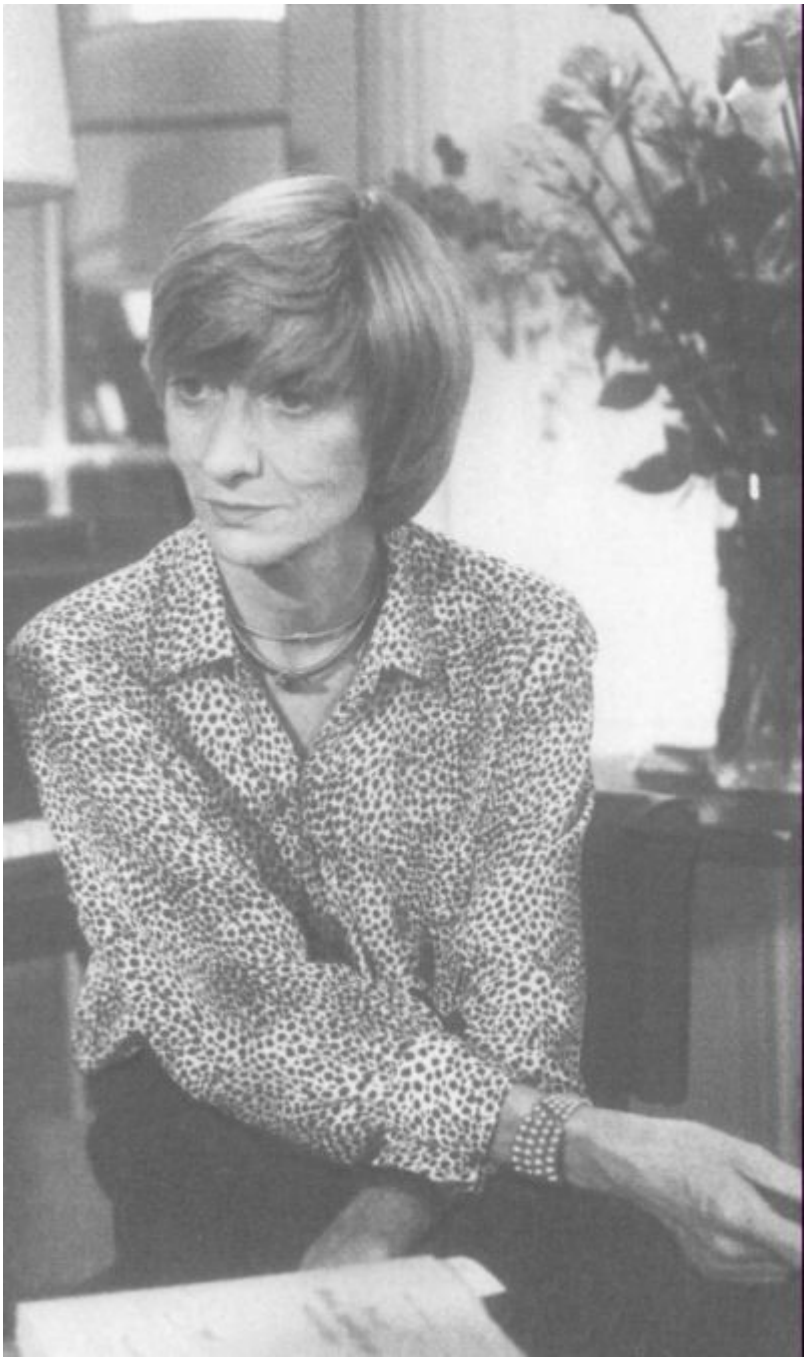


С самой колыбели Франсуаза Саган привила своему сыну любовь к лошадям

Вдвоем…



Любовь бывает только взаимной.



Здравствуй, грусть!..

notes

Примечания

1

Сиоран Эмиль-Мишель (1911–1995) — фр. писатель, философ. Характер его творчества отражают названия двух его программных произведений: «Силлогизмы горечи» и «Несчастье родиться». Считал, что ощущение безнадежности лежит в основе подлинного философского размышления, а попытка избежать страдания уводит человека от понимания его истинного предназначения на земле. Автор эссе «История и утопия», «Злой демиург», «Упражнения в словословии», «Грехопадение времени».

2

Ренодо — премия Теофраста Ренодо, одна из пяти крупных литературных премий, присуждаемых ежегодно во Франции, создана в 1926 году десятью литературными критиками; премия Фемина учреждена в 1904 году сотрудниками журнала «Ви орёз»; Интераллье с 1930 года присуждается ежегодно роману, написанному журналистом.

З

Грассе Бернар (1881–1955) — фр. издатель, основатель крупного издательского дома (1907), публиковал Кокто, Мориака, Морана, Пруста, Радиге; создал коллекцию «Зеленые тетради» (1920).

4

Галлимар Гастон (1881–1976) — фр. издатель. Совместно с основателями «Нувель ревю франсэз» создал издательство «НРФ», которое с 1919 года носит его имя.

5

Le Grix, dit Grixe, ou la Grise: grise (f) — серая, grisaille (f) — гризайль, техника рисунка в серых тонах

6

«A ce sentiment inconnu… j'hésite à opposer le beau nom de tristesse».

7

«A l’entente de ce rire comblé» вместо «à entendre ce rire». Entente — означает «согласие, договоренность, смысл», напоминает неуклюже образованное отглагольное существительное от «entendre» — слышать (фр.)

8

Imparfait du subjonctif — время, соответствующее русскому несовершенному виду, наклонения сюбжонктиф. Образуется при помощи суффикса — ass- и отличается громоздким звучанием. Нехарактерно для текста Франсуазы Саган.

9

Добрый вечер, грусть.

10

«Здравствуй, грусть!»: «Но иногда на рассвете… передо мной встает лето и все связанные с ним воспоминания… И тогда что-то захлестывает меня, и, закрыв глаза, я окликаю это что-то по имени: “Здравствуй, грусть!”» (пер. Ю. Яхниной).

11

Элюар Поль (Эжен Грендель) (1895–1952) — фр. поэт, в 1920 — 1930-е годы под влиянием А. Бретона и Л.Арагона обратился к сюрреализму, издавал собственный журнал «Проверб». Возлюбленный Гала, которая покидает его в 1929 году ради С. Дали, что ввергло его в глубокий духовный кризис. Вскоре его женой становится Нюч Бенз, актриса и певица, модель Пикассо. Его взгляд на события Первой мировой войны (автор антифашистских поэм «Ноябрь 1936», «Победа Герники») заставляет его порвать с Бретоном. Сказал однажды: «Когда пишешь, то вожделенно мечтаешь о своем создании, как о живом существе». Автор лирических сборников «Сама жизнь», «Град скорби», «Естественный ход вещей». Лауреат Международной премии мира.

12

Грин Жюльен (1900–1998) — фр. романист и драматург, академик; американец по происхождению, принял католичество. О нем можно сказать то же, что сказал о себе Мориак: католик и романист, но не романист-католик. В его произведениях сталкиваются божественное и демоническое, духовное и плотское, его персонажи — раздираемые противоречиями существа, которых судьба ведет к безумию или самоубийству. Автор биографии Франциска Ассизского, романов «Мойра», «Адриенна Мезюра», «Полночь».

13

Бернанос Жорж (1888–1948) — фр. писатель, католик. «Достаточно одного человеческого существа, столь глубоко искреннего, как Бернанос, чтобы не отчаяться», — писал о нем Филипп Супо. Автор романов «Под солнцем сатаны», «Дневник сельского священника», «Господин Уин», проникнутых глубокой верой в Бога и человечностью, протестом против власти денег, лжи и посредственности.

14

Дюра Маргарита (Донадье) (1914–1996) — фр. писательница, родилась в Индокитае, долго жила на востоке («Моряк из Гибралтара»). Ее творчество причисляют к направлению «нового романа», также автор сценариев к фильмам, публицистики. В романах, наполненных индийским колоритом, — страсть на грани смерти и ад желания. В 1984 году получила Гонкуровскую премию за роман «Любовник». Тема социального неравенства звучит у нее как тема человеческих взаимоотношений («Боль»), политике противостоит человечность, как в романе «Хиросима моя любовь», где японец и француженка любят друг друга на фоне атомной трагедии.

15

Рошфор Кристиан (1917–1998) — фр. писательница, занималась серьезно живописью, музыкой, изучала медицину; стала известна после публикации новелл, передающих атмосферу после Второй мировой войны («Пепел и золото», «Отдых воина», «Стансы к Софи»), отвергала интеллектуальное шарлатанство конца века («Врата в бездну»).

16

Quarez.

17

«Potins de la Commère» — точный перевод названия газетной рубрики: «Кумушкины сплетни».

18

Обон Франсуаза де (1920–1974) — фр. романистка, активная общественная деятельница, известна своими крайними феминистскими взглядами, автор эссе «Феминизм и экология: революция или мутация», в котором уподобляет ущемление прав женщин экологическим проблемам.

19

Малле-Жорис Франсуаза (р. 1930) — бельгийская писательница, автор романов «Аллегра», «Бумажный домик». С 1973 года вице-президент Гонкуровской академии.

20

Мориак Франсуа (1885–1970) — фр. писатель и журналист. По словам Мартен дю Гара, он способен добавить реальных персонажей к уже созданным великими писателями. Автор романов «Пустыня любви», «Подросток былых времен», «Клубок змей», «Тереза Дескейру», мемуаров, биографии Ш. Де Голля. Лауреат Нобелевской премии (1952) «за глубокий психологический анализ и артистизм в жанре романа».

21

Моруа Андре (Эмиль Эрзог) (1885–1967) — фр. писатель, ученик психолога и юмориста Алана, автор романизированных биографий Шелли, Байрона, Бальзака, Тургенева, Дюма-отца, Дюма-сына, Гюго.

22

Моран Поль (1888–1976) — фр. дипломат и писатель, космополит, в романах и новеллах блестяще воссоздал атмосферу 1920-х годов в Европе («Открыто ночью», «Закрыто ночью», «Галантная Европа», «Венеции»), автор исторических произведений: «Геката и собаки», «Конец века», «Новый Лондон».

23

Автор перевел старые франки в новые — книга Ж.-К. Лами вышла в 1988 году.

24

Радиге Реймон (1903–1923) — фр. писатель, хорошо известный в кругах артистической богемы своего времени. Автор либретто комической оперы «Поль и Виргиния» в сотрудничестве с Жаном Кокто и Эриком Сати, пьесы «Пеликаны», в 1919 году после знакомства с Тристаном Тцара публикует ряд статей в сюрреалистическом журнале «Литература». Нашумевший роман, написанный на автобиографическом материале, «Бес в крови» рассказывает о связи жены солдата, ушедшего на фронт, с юным любовником. Написав еще один роман, «Бал у графа д'Оргёль», который исправлял Кокто, он внезапно умер от тифозной лихорадки.

25

Сартр Жан-Поль (1905–1980) — фр. писатель, философ и публицист, журналист, активный общественный деятель, которого Де Голль сравнил с Вольтером. Глава французского экзистенциализма. Доминанты его мировоззрения: абсурдность бытия, одиночество, поиск абсолютной свободы, стремление личности воплотить экзистенциалистский принцип «сущность предшествует существованию» и состояться. Автор трактатов «Бытие и ничто», «Критика диалектического разума», романа «Тошнота», пьес-притч «Мухи», «Дьявол и господь бог».

26

Бовуар Симона де (1908–1986) — фр. писательница, эссеистка. Жена Ж.-П. Сартра. Автор романа «Гостья», вписывающегося в традиции экзистенциалистской эстетики. «Мандарины» — более реалистичен, рассказывает о жизни послевоенной Франции (Гонкуровская премия 1954 года). Ее перу принадлежат проникнутые феминистическими устремлениями размышления о проблемах «второго пола», повести «Прелестные картинки», «Очень легкая смерть», «Сломленная», эссе «Нужно ли сжечь маркиза де Сада?», воспоминания, пьесы.

27

Мальро Андре (1901–1976) — фр. писатель и политический деятель, соратник Де Голля. Его впечатления о пребывании на Востоке нашли отражение в романах «Королевская дорога», «Завоеватели» и «Условия человеческого существования». Последний награжден Гонкуровской премией. Автор антифашистских романов «Годы прозрения», «Надежда». Предвосхитил фр. экзистенциализм.

28

Пруст Марсель (1871–1922) — фр. писатель. Автор цикла романов, объединенных героями и сюжетной линией «В поисках утраченного времени». Полагал, что литература создается другим «я», чем то, которое проявляется в действительности, и материалом для этого глубоко субъективного процесса служат впечатления прошлого. Цикл вырос из материалов к неоконченному произведению «Против Сен-Бёва» и изначально носил название «Перебои сердца».

29

Деон Мишель (р. 1919) — фр. писатель, юрист по образованию, журналист, академик. Автор романов «Дикие пони», «Лиловое такси», «Двадцать лет зеленого молодого человека», «Тайная жизнь Сальвадора Дали», «Комната твоего отца». Почетный член Ирландской академии, лауреат многих литературных премий.

30

«Bloc-Notes». 13 сентября. 1957

31

«Le Dernier Prix» («Последняя премия»). 1 июня. 1954.

32

Слово «монстр» во французском языке несет в себе кроме значения «жуткий, ужасный» смысл «значительный»: les monstres sacrés — великие, выдающиеся артисты.

33

«La terrible petite fille», terrible (страшный), enfant terrible — озорной ребенок. В романе Ж. Кокто «Enfants terribles» описывается возникшая в компании подростков сложная психологическая ситуация, которая привела к трагическому финалу.

«La force des Choses» (Gallimard).

«В память о лучшем», пер. Л.Завьяловой.

36

Хемингуэй Эрнест Миллер (1899–1961) — амер. писатель. В романах «Фиеста» и «Прощай, оружие!» выразил умонастроения «потерянного поколения», лишившегося ориентиров в атмосфере социального кризиса, связанного с Первой мировой войной. Его потрясла человеческая трагедия на фоне гражданской войны в Испании 1936–1939 годов (роман «По ком звонит колокол»), теме «трагического стоицизма» он посвятил повесть-притчу «Старик и море». Его повествование отличается стилистической простотой, зачастую напоминает репортаж, но всегда содержит глубокий подтекст.

37

Нобелевские премии — названы в честь учредителя шведского химика А. Б. Нобеля. Присуждаются с 1901 года за выдающиеся достижения в области науки (не связанные с разработкой вооружения) и искусства

38

Гонкуровская премия — ежегодная фр. литературная премия (с 1901 года) за достижения в жанре романа, присуждаемая Гонкуровской академией (10 чел.), фонд премии составляет капитал, оставленный по завещанию Э. Гонкуром.

39

Генрио Эмиль (1889–1961) — фр. писатель, академик, поэт, критик, автор романов «Дьявол в отеле», «Ариси Брун, или Буржуазные добродетели», воспоминаний, эссе.

40

Батай Жорж (1897–1962) — фр. писатель, философ, журналист, идейный противник сюрреалиста Андре Бретона, требовал от искусства брутальной искренности, автор эссе «История эротизма», «Внутренний опыт», «Литература и зло».

41

Марсель Габриэль (1889–1973) — фр. философ и драматург, «христианский экзистенциалист», автор эссе «Существование и объективность», «Быть и иметь», пьес «Жажда», «Рим больше не в Риме».

42

Бланшо Морис (1907–2003) — фр. романист и критик, пишет легко, но читается трудно; по выражению Эмануэля Левинаса, его текст «продуцирует смыслы, не имея в виду какой-либо определенной цели», автор романов «Ожидание, забвение», «Неописуемое сообщество».

43

Кайуа Роже (1913–1978) — фр. эссеист, автор работ «Миф и человек», «Человек и священное», «Игры и люди».

44

Арланд Марсель (1899–1986) — фр. писатель, тонкий психолог, автор романа «Вода и огонь», критических работ, мемуаров.

45

Ори Доминика (Анна Декло) (1907–1998) — фр. писательница, журналистка и переводчица с английского, в 1953 году руководила «НРФ», член комиссии многих литературных премий. В 1994 году призналась в авторстве «Истории О», эротического романа, вышедшего в 1954 году под псевдонимом. Под настоящим именем опубликовала «Антологию религиозной поэзии» и сборник эссе «Чтение для всех».

46

Кемп Роберт (1879–1959) — фр. журналист, академик, критик театра «Монд», литературный, театральный, музыкальный критик. Его статьи, заметки, воспоминания собраны в изданиях «День за днем», «Жизнь книг», «Жизнь театра».

47

Камю Альбер (1913–1960) — фр. философ и писатель, близкий к экзистенциализму. Тема «абсурдности» жизни в повести «Посторонний», понимание высшего мужества человека как борьбы с бессмысленностью бытия в романе «Чума», попытки преодолеть отъединенность от мира в философских книгах «Миф о Сизифе» и «Бунтующий человек». Лауреат Нобелевской премии (1957).

Robert Kanters «A perte de vue» (Seuil, 1981).

49

Одиберти Жак (1899–1965) — фр. писатель, автор романов «Абраксас», «Сады и реки», театральных пьес.

50

Сфинктер — круговая мышца, суживающая или замыкающая при сокращении ротовое отверстие.

51

Фалле Рене (1927–1983) — фр. романист и поэт, блестяще запечатлел богемный Париж и особенности национального колорита: «Предместье юго-запада», «Мотороллер».

52

Констан Ребек Бенжамен Анри де (1767–1830) — фр. писатель и публицист, автор психологического романа «Адольф», способствовал развитию романтизма.

53

Игра слов: coup de pot — удача, везение; pot (m) — чугунок, potage (m) — суп, potin (m) — сплетня.

54

Бешет Сидней (1897–1959) — один из крупнейших солистов джаза, мастер саксофона сопрано, один из лучших кларнетистов в истории джаза.

55

Армстронг Луи Даниел (1900–1971) — амер. трубач и певец. Организатор джаз-ансамблей, секстета «Все звезды Луи Армстронга». Создал исполнительский стиль импровизации на основе блюза.

56

Жид Андре (1869–1961) — фр. писатель, автор романов «Яства земные», «Подземелья Ватикана», «Фальшивомонетчики». Его произведения отмечены чертами декаданса в сочетании с эстетизмом и аморализмом. Мастер интриги. Часто наделяет персонажей автобиографическими чертами. Лауреат Нобелевской премии (1947).

57

Фолкнер Уильям (1897–1962) — амер. писатель. Автор романов «Сарторис», «Шум и ярость», «Свет в августе», «Осквернитель праха», где реалистические традиции сочетаются с психологизмом, «потоком сознания», символикой.

Черные серии — детективная литература.

59

Колетт Сидони Габриэль (1873–1954) — фр. романистка. Ее серия о Клодине вышла под именем ее мужа, Анри Готье Виллара (Вилли), первое произведение, вышедшее под ее именем, — «Диалоги животных» (1904). Автор романов «Шери» о сложных взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, «Кошка» о муках ревности, «Изнанка мюзик-холла», дневника «Вечерняя звезда», рассказывающего об оккупации Франции и Движении сопротивления, статей, пьес. В 1945 году избрана в Гонкуровскую академию.

«Здравствуй, грусть!», пер. Ю. Яхниной.

61

Базен Эрве (Жан-Пьер Мари Эрве Базен) (1911–1996) — фр. писатель, стал знаменит после публикации романа «Змея в кулаке» о сложных, граничащих с ненавистью, взаимоотношениях матери и сына, автор сатирико-психологической трилогии «Семья Резо». Его произведения характерны острой социальной критикой на фоне экстремальных человеческих ситуаций: душевное расстройство, инцест. Автор психологического романа «Супружеская жизнь» (1967), философско-романтического репортажа «Счастливцы с острова Отчаяния» (1970). Лауреат международной Ленинской премии. С 1958 года избран в Гонкуровскую академию и в 1973 году стал ее президентом.

62

Уайльд Оскар (1854–1900) — англ. писатель, близок фр. символистам, утонченный денди, блистательный гость светских салонов, автор философского романа «Портрет Дориана Грея», драматург: «Саломея», «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным». Автор эссе «Упадок лжи», «Критик как художник», «Истина о масках». Из-за обвинения в гомосексуализме потерял положение в обществе, был осужден на каторжные работы, где написал обращение к своему другу «De profundis (Тюремная исповедь)». В последние годы жизни печатался во Франции под псевдонимом Себастьян Мельмот.

Цитата из «Заветов молодому поколению»: «Порочность — это миф, созданный людьми благонамеренными, когда им было нужно объяснить, почему же иные из нас бывают так странно привлекательны» (пер. К. Чуковского).

63

Пьеса В. Гюго.

64

Деон Мишель (р. 1919) — фр. романист и эссеист, академик, автор романов «Коррида», «Свидание в Патмосе», «Обманутые надежды».

«Bagages pour Vancouver» (Mes arches de Noé, t. 2) (La Table Ronde, 1985).

Умер в мае 1987 года, в 88 лет, от травм, полученных в результате падения с лошади.

67

Лоти Пьер (Жюльен Вио) (1850–1923) — фр. писатель, моряк. Его стилистика — импрессионистский экзотизм: романы «Госпожа Хризантема», «Пока буду жить».

68

Фаррер Клод (1876–1957) — фр. писатель, морской офицер, автор экзотических романов, в которых отразил свои впечатления о странствиях: «Корсар» («Тома-Ягненок»), «Подружки».

69

Делару-Мардрус Люси (1880–1945) — фр. поэтесса и романистка, посвятившая свое творчество жизни природы («Горизонты»), автор пьес («Безнадежная Сафо») и мемуаров.

70

Жип (Сибилла Габриэлла Мари-Антуанетта Пикетти де Мирабо, графиня де Мартель де Жанвиль) (1849–1932) — фр. романистка, анархистка, бунтовщица по природе («Эй! Властители!»). Сатирически изобразила светское общество периода Бель Эпок («Вокруг свадьбы»), оставила мемуары.

71

Монтень Мишель де (1533–1592) — фр. философ-гуманист: «Опыты» (1580–1588).

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

73

Там же.

74

Ж.-К. Лами использовал цитаты из своих бесед с Франсуазой Саган.

75

Рембо Артюр (1854–1891) — фр. поэт, написавший все свои произведения до 20 лет, слывет «проклятым поэтом». Его считали хулиганом, провидцем, бродягой, его прельщали наркотики и гомосексуальные связи. Он создал тексты, трудно поддающиеся литературоведческому определению: сочетает нарочитую алогичность с реализмом. Из всего написанного опубликовал только сборники «Сквозь ад» и «Озарения», считая поэзию одной из форм проявления в мире и не заботясь о писательской карьере.

«De guerre lasse» («Уставшие от битв»).

"Cinquante Ans d’automobile» (t. 2) (Flammarion, 1981).

«Reponses» (Jean-Jacques Pauvert, 1974).

«Cinquante Ans d’automobile» (t. 2)

80

Там же.

«Reponses».

82

Там же.

83

«Любите ли вы Брамса..» — с двумя точками в многоточии вместо трех. Но первый тираж в сто тысяч экземпляров вышел с вопросительным знаком. Убрать его решил Рене Жюйар, сочтя неловким задавать читателю вопрос.

Тан модерн» («Temps Modernes» — «Современность») — политический и литературно-философский журнал, созданный Сартром в 1945 году совместно с Р. Ароном, Мерло-Понти, С. де Бовуар и др. Сартр, участник Сопротивления, сразу после освобождения Франции выдвинулся как лидер экзистенциализма в литературе и философии, был идеологом некоммунистической «левой интеллигенции», тяготевшей к неортодоксальному, несталинистскому марксизму; ее печатным органом и стал «Тан модерн».

85

La Fusillère — место расстрела.

Франсуаза Саган не выносила из-за этого Коко Шанель: «Оба раза, когда мы вместе обедали, общение не ладилось. Она позволяла себе откровенно антисемитские высказывания, что заставляло меня покинуть стол».

87

Герои романа Филиппа Гериа, олицетворение буржуазной добропорядочности.

«Reponses».

«Elle». № 317. 21 ноября. 1955.

«Здравствуй, грусть!», пер. Ю. Яхниной.

91

Там же.

Assasins — убийцы.

Francoise Sagan» par Gerard Mourgue (Editions Universitaires, 1958).

«Душа, покрытая синяками», пер. Н. Комина.

Там же.

96

«Oiseaux» — название учебного заведения означает по фр. «птицы».

«Samedi-Soir». 24 июня. 1954.

98

Косма Жозеф (1905–1969) — композитор, автор песен, в том числе на стихи Ж.-П. Сартра, музыки к фильмам Марселя Корне «Женни», «В расцвете лет» («Прекрасная жизнь»), Эли Лотара «Обервилье» («Песня воды») и др.

99

Превер Жак (1900–1977) — фр. поэт и сценарист, автор лирических сборников «Слова», «Сказки», «Зрелище», поэмы «Хроника Баламутских островов». Многие его стихи стали песнями, он создал сценарии к фильмам М. Карне «Набережная туманов», «Дети райка». Автор фельетонов, коллажей, афоризмов, воссоздающих атмосферу Парижа между двумя войнами. Лишен искусственности, очень искренен и лиричен.

100

Жене Жан (1910–1986) — фр. писатель. Демонстративно пренебрегал общественными установлениями, часто сидел в тюрьме за мелкие кражи, в основном книг, поначалу именно там ему удавалось погрузиться в литературную работу. После знакомства с Кокто, который объявил его «одним из самых значительных писателей современности» и защитил на одном из судебных процессов, он получил признание и начал активно печататься. Автор «Богоматери цветов» — одновременно романа, автобиографии и поэмы в прозе, романов «Чудо о розе», «Дневник вора», пьес «Служанки», «Похоронные торжества», посвященной памяти близкого друга.

101

Третье имя отца Франсуазы Саган, второе — Анри.

102

Гексли Альдус (1894–1963) — англ. писатель, потомок Мэтью Арнольда, внука Томаса Гексли, знаменитого натуралиста, друга Ч. Дарвина, горячий защитник теории эволюции. Посвятил себя путешествиям и литературному творчеству. Автор романа-сатиры на высший английский свет «Контрапункт», с пессимизмом описал мир под властью технократии в романе «Лучший из миров». Убежденный пацифист, один из идеологов битников и хиппи. Разочаровавшись в идеологии Запада, обратился к восточной философии («Вечная философия») и религиозному идеализму.

103

Генри Мюллеру: «Carrefour». 21 апреля. 1954.

«Les bleus à l'âme» («Боль души»).

105

Жаку Жуберу: «Lire». Февраль. 1979.

«Monde».

107

«Le journal du Dimanche». 16 июня. 1985.

«Envoyer la petite musique…» (Grasset, 1984).

109

«Bonjour Francoise… Mysterieuse Sagan» (edition du Grand Damier. Juin 1957).

110

«Почтовый ящик» Жерома Гарсена на FR3 (сентябрь 1984 года).

«Réponses».

Фор Жан-Поль — внук историка искусства Эли Фора.

113

Будущий министр иностранных дел в правительстве Франсуа Миттерана.

«Réponses».

115

Сакс Морис (Эттингаузен) (1907–1945) — фр. писатель, автор автобиографических рассказов о времени Второй мировой войны: «Шабаш», «Псовая охота».

116

См. «В память о лучшем».

117

Думерг Гастон (1863–1937) — президент Франции в 1924–1931 годах.

118

Она зовет «мадам» своих актеров (кроме Даниэль Делорм, к которой она обращается на «ты»), и ее зовут… «мадам».

119

Пер. П. Борисова, эпиграф к «Здравствуй, грусть!».

120

Ницше Фридрих (1844–1900) — нем. философ, представитель волюнтаризма и иррационализма, один из основателей «философии жизни». В «Рождении трагедии из духа музыки» противопоставил дионисийское (жизненно-оргиастическое) и аполлоновское (созерцательно-упорядоченное) начала. В эссе «По ту сторону добра и зла» проповедовал эстетический имморализм. Автор апологии сильной личности «Так говорил Заратустра».

121

Блондэн Антуан (1922–1990) — фр. романист, спортивный журналист. Друг Жака Лорана, Роже Нимье — их творчество причисляют к так называемому «гусарскому роману». В центре их повествования — образ разочарованного героя, остро ощущающего свою исключительную значимость в мире. Лауреат премии Интераллье за роман «Зимнее знамение», по которому А. Верней снял фильм «Обезьяна зимой».

«Revue de Paris». Июнь. 1954.

123

Бальзак Оноре де (1799–1850) — фр. писатель. Принято считать его реалистом, однако Гюго характеризовал его как революционера, а Бодлер считал чудесным визионером. Человек дела, написавший за двадцать лет сотню произведений, и одновременно мечтатель, израненный внутренними противоречиями, автор эпопеи «Человеческая комедия» (90 романов и рассказов, связанных общим замыслом и многими персонажами, среди которых «Неведомый шедевр», «Шагреневая кожа», «Евгения Гранде», «Утраченные иллюзии»).

124

Стендаль (Анри Мари Бейль) (1783–1842) — фр. писатель, автор романов «Красное и черное» о трагической карьере «плебея» в буржуазном обществе, «Пармская обитель», обличающего политическую реакцию после Наполеоновских войн, эссе «Расин и Шекспир» — манифеста реализма.

125

Цитата приписана роману «Ангел-хранитель» («Le Garde du cœur». Julliard, 1968).

Пер. Ю. Яхниной.

«Ангел-хранитель», пер. Е. Залогиной.

«L’Express». № 247. 16 марта. 1956.

«Cahier Francois Mauriac № 9» (Grasset, 1982).

«Portraits» (Gallimard, 1969).

131

Данинос Пьер (1913–2001) — фр. писатель-юморист. В «Записках майора Томпсона» с живостью и остроумием запечатлел портрет француза, увиденный глазами англичанина. Создал панораму предрассудков и страстей своих современников в «Снобиссимо», «Туристократы», «Франция в словах».

Реаж Полина — см. Ори Доминика (Анна Декло).

133

«Elle». 14 июня. 1954.

«Paris-Match». 31 июля. 1954.

135

Мишель Деон посвятил Франсуазе Саган свой роман «Обманутые надежды» (Plon, 1956).

136

Вайян Роже (1907–1965) — фр. романист, эссеист, журналист; основатель с Р. Домаль журнала «Гран Жё», участник Сопротивления, член фр. компартии, автор романов-трагедий, написанных в классических традициях («Странная игра», «Маски»), пытался уравновесить в себе природу искателя наслаждений и вольнодумца («Месье Жан», «Закон»).

137

Аполлинер Гийом (Вильгельм Аполлинарий Костровицкий) (1880–1918) — фр. поэт, символист, сюрреалист. Автор поэт, сборников «Бестиарий, или Кортеж Орфея». Многие из вошедших в него стихотворений посвящены Роберу Делоней, искусство которого он называл «орфизмом». В сборнике «Алкоголи» устранил пунктуацию, что обогатило возможности смысловых связей. Автор сборников «Vitam impendere amori», «Каллиграммы», интересных изысканной словесной игрой.

По фр. ослик — âne (m).

139

«Le Crapouillot». Январь. 1959.

140

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824) — англ. поэт-романтик, пэр, член палаты лордов. Создал образ разочарованного поэта-бунтаря в поэме «Паломничество Чайльд Гарольда», «восточных» поэмах («Гяур», «Лара», «Корсар»). Автор драматической поэмы «Манфред», богоборческой мистерии «Каин», сатирической поэмы «Бронзовый век».

141

Теннисон Альфред (1809–1892) — англ. поэт, лорд, автор цикла «Королевские идиллии», основанного на легендах о короле Артуре, отличается консервативностью, сентиментален. Автор драм «Королева Мария» и «Бекет».

142

Теккерей Уильям Мейкпис (1811–1863) — англ. писатель, автор романа «Ярмарка тщеславия», пронизанного иронией над пороками буржуазного общества. Продемонстрировал социальный пессимизм в романе «История Пенденниса», автор исторических романов «История Генри Эсмонда», «Виргинцы».

143

Пер. Ю. Яхниной.

144

«Я уговорила маму пойти к Максу Леруа, меховщику с улицы Матиньон, — рассказывает Франсуаза Саган. — Там я ее практически заставила купить это норковое манто. С течением времени моя пантера понемногу изменилась. Сначала рукава заменили черным драпом. Это было очень красиво. Потом переделали низ. В конце концов из того, что осталось, сделали шапочку, и я ее кому-то подарила».

145

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

146

«Marie-Claire», октябрь 1972 года.

147

Франк Бернар (р. 1929) — фр. эссеист, журналист. Его книги — это обращения к друзьям, окрашенные тонким юмором. Автор романов «Плата», «Крысы», «Комическая иллюзия», «Литературная коллекция», «Безумный век». Это он впервые назвал «гусарами» четверку Блондэн — Деон — Лоран — Нимье. Заметил однажды, что правые писатели во второй половине XX века используют по преимуществу выразительность слова, а левые — идеи. Сам он предпочитал искать золотую середину.

«Holiday». Апрель 1969.

149

В сентябре 1955 года Жюйар мог записать: 350 тысяч.

150

«Monde». 25 мая. 1954

151

«История О» — эротический роман, вышедший в 1954 году под псевдонимом Полины Реаж. В 1994 году в его авторстве призналась Доминика Ори. Роман имел продолжение, опубликованное под тем же псевдонимом в 1969 году, — «Возвращение в Руасси».

152

Кокто Жан (1889–1963) — фр. писатель, художник, театральный деятель, кинорежиссер и сценарист. Близок сюрреализму. Одни из первых сборников «Лампа Аладдина», «Танец Софокла». Друг и поклонник Дягилева и Стравинского, знал Модильяни, Блеза Сандрара, Пикассо, поддержал Р. Радиге. Ему нравилась мысль о том, что поэтическая ложь, ложь творца — это высшая правда (роман «Самозванец Тома»). В 1955 году избран в Королевскую академию Бельгии и Французскую академию. Автор романа «Трудные дети», пьес «Антигона», «Орфей», сборников стихов «Орфей», «Завещание Орфея». «Завещание Орфея» — один из самых нарциссистских и эстетских его фильмов. В противовес А. Бретону, провозгласившему идею «автоматического письма», считал, что художник — это медиум, которому предназначено расшифровать тайну мира.

153

«Les 2 gemeaux» — двое Близнецов (астр.), в отличие от «jumeau» — близнец по рождению (фр.)

«Saint-Tropez d’hier et d’aujourd’hui» Аннабеллы Бюффэ и Люка Фурноля (Editions Sylvie Messinger, 1981).

155

Кессель Жозеф (1898–1979) — фр. романист. Его отец, медик, родился в Оренбурге. В 25 лет стал известен благодаря роману «Красная степь». Также автор романа «Ночи Монмартра», лауреат Премии Французской академии. Журналист, много путешествовал, обожал образ «аморального варвара». Участник обеих мировых войн. После поездки в Кению создает роман «Лев». Автор романов «Дневная красавица», «Лиссабонские любовники», «Пленница Махно», «Яванская роза».

156

Астрюк Александр (р. 1923) — фр. писатель, режиссер «новой волны», ставивший задачу быть автором фильма в той мере, в какой является автором произведения писатель. Фильмы: «Жизнь», «Сентиментальное воспитание», «От пера к камере», «От камеры к перу».

157

Ашар Марсель (Марсель-Августин Фереоль) (1800–1974) — драматург, стал известен благодаря пьесе «Хотите поиграть с моа?». Его ставил Луи Жуве, в частности, пьесу «Жан с Луны». Блестящий сценарист, мастер диалога («Майерлинг» А. Литвака, «Мадам…» М. Офюльса), снял сам «Парижский вальс» и др.

«Marcel Achard ou 50 ans de vie parisienne» (Editions France—Empire, 1977).

159

Бюффе Бернар (1928–1999) — фр. художник, гравер и литограф. Для него характерен сухой и драматичный рисунок, сдержанные цвета. Член Академии изящных искусств (1974).

Поллак Мишель — создатель «Права на ответ», был другом Франсуазы. «У нас было маленькое приключение, длившееся два месяца», — говорит романистка, которая подписала, как Самюэль Беккет, петицию в защиту Полака после его увольнения с TF 1.

«La Tête la Première» (Olivier Orban, 1975).

162

Нурисье Франсуа (р. 1927) — фр. писатель, блестящий памфлетист, автор во многом автобиографических произведений «Маленький буржуа», «Империя облаков», «Праздник отцов», «Бар эскадрильи».

163

Шардон Жак (Жак Бутелло) (1884–1968) — фр. писатель, в тоне легкой меланхолии, проникновенно пишет о взаимоотношениях в паре: «Эпиталама», «Любовь — это гораздо больше, чем любовь», «Счастье Барбезьё», «Клер». Сказал однажды: «Я начал с романов, потом писал новеллы, затем стал писать сказки в десять строчек и кончил тем, что пишу телеграммы». Автор публицистического эссе «Любовь к ближнему», характерного четкой выразительностью стиля.

«Lettre à Roger Nimier» (Grasset, 1954).

165

Галлие Жан-Эдерн (1936–1997) — фр. писатель, в 1960 году совместно с Филиппом Соллерсом создает «Тель кель». Памфлетист. Опубликовал книгу о внебрачной дочери Ф. Миттерана Мазарин (кстати, романистки, которую высоко оценила Ф. Саган), затем, убежденный, что он является жертвой напрасных преследований, стал сторонником Ж. Ширака. Автор романов «Приключения молодой девушки», «Каждое утро — это подвиг», «Евангелие сумасшедшего», «Сила души».

166

Автор «Encyclopedie Fasquelle de la Musique», ученик и друг Нади Буланже.

167

Делли — псевдоним, под которым Жанна Мари Пти-жан де ла Розьер (1875–1947) и ее брат Фредерик (1876–1949) публиковали популярные сентиментальные романы «Между двумя душами», «Хозяин молчания», «Митси».

«Bernard Frank» par Salim Jay (Nouvelles éditions Ruptures, 1982).

169

Нимье Роже (1925–1962) — фр. романист, представляет направление реакции на экзистенциалистский роман, его разочарованные в жизни герои восстают против идеологии и морали: «Грустные дети», «Любовная история», «Иностранка».

170

Лоран Жак (1919–2000) — фр. памфлетист («Поль и Жан-Поль»), эссеист. Печатался также под псевдонимом Сесиль Сен-Лоран (роман «Клотильда»).

171

Баррэ Морис (1862–1923) — фр. писатель и политический деятель. Опубликовал два на три четверти выдуманных интервью «Восемь дней у месье Ренана» и «Под оком варваров» в духе декаданса и утонченного нарциссизма. Затем последовали столь же претенциозные «Свободный человек» и «Сад Береники». Был привержен движению буланжистов (шовинистическое движение во Франции в конце XIX века за пересмотр конституции). Во «Враге законов» проповедовал аристократический анархизм.

«France-Soir». 6 января. 1980.

173

«Монд» — франц. ежедн. вечерняя газета, издается с 1944 года, Париж.

174

«Play-Boy». Французское издание. Январь 1981 года (интервью Аник Жей).

«Paris-Match». № 261. 1954.

176

Прувост Жан (1885–1978) — промышленник, купил и основал ряд журналов: «Пари-суар», «Матч», который стал «Пари-Матч», «Мари клэр», создал совместно с «Ашетт» «Теле 7 жур».

177

«Grand Format» Эвелины Паж на RTL (июль 1986 года).

«Le Cas Francoise Sagan» (Editions du Cerf, 1958).

179

Мюссе Альфред де (1810–1957) — фр. поэт-романтик; меланхолия и пессимизм в цикле «Ночи», более риторичном по сравнению с ранними («Испанские и итальянские песни»). Автор психологического романа «Исповедь сына века», где отразились его любовные взаимоотношения с Жорж Санд, пьесы «С любовью не шутят».

180

Санд Жорж (Аврора Армандина Люсиль Дюпен, баронесса Дюдеванг) (1804–1876) — фр. писательница, родственница маршала де Сакса, воспитывалась в парижском монастыре, вышла замуж за барона Дюдеванта и родила двоих детей. Своим псевдонимом обязана Жюлю Сандо, в сотрудничестве с ним она начала печататься («Роз и Бланш»), затем стала известна как автор романов «Индиана», «Лелия», «Мопра», «Консуэло». Возлюбленная Мюссе, с ним она посетила Венецию, подруга Листа, затем Шопена. Основательница журналов «Ревю индепендан», «Ревю сосиаль». От романтической сентиментальности обратилась к социальному гуманизму, потом нашла себя в мирной сельской жизни и вновь вернулась к романтическим устремлениям. Также автор пьес и автобиографической прозы («История моей жизни»). Написала ответ на «Исповедь сына века» Мюссе — «Он и она». Ее стиль отличается гармоничностью, легкостью и искренностью

181

«Sand et Musset, Lettres d’amour presentées par Françoise Sagan» (Hermann, 1985).

182

Ibid.

183

Расин. Береника, III акт, II сцена.

184

«Через месяц, через год», пер. Т. Ворсановой; эпиграф взят из «Макбета» (акт II) У. Шекспира: «Не стоит задумываться над этим, иначе можно сойти с ума», роман посвящен Ги Шеллеру.

«Arts». 15–21 сентября. 1955.

186

Пулитцер Жозеф (1847–1911) — амер. журналист, венгр по происхождению. Создатель газеты «Ивнинг ворд», школы журналистики и учредитель двенадцати литературных премий, которые носят его имя и присуждаются с 1918 года ежегодно административным советом Колумбийского университета.

187

Вийон Франсуа (1431 — после 1463) — фр. поэт, автор основанных на автобиографическом материале поэм «Малое завещание» и «Большое завещание», которые посвящены жизни парижских низов, пронизаны мотивом смерти в сочетании с гедонизмом. По словам Ж. Бедье, он «обновил и затронул все темы французской лирической поэзии».

188

В своем пятом романе «Волшебные облака» Франсуаза использовала имя Киннеля. Брандон и Ева Киннель посещают Жозе и Алана, персонажей «Через месяц, через год».

189

«Brigitte Bardot racontée par Francoise Sagan, vue par Ghislain Dussart» (Flammarion, 1975).

190

№ 1056. 10–16 марта. 1975.

191

Tristesse (фр.) — грусть.

192

«Франс-суар» — фр. ежедневная вечерняя газета, изд. с 1941 года.

193

Уэллс Орсон (1915–1985) — один из самых известных амер. кинорежиссеров. Успех ему принес уже первый фильм «Ситизен Кан», он снялся в более чем пятидесяти фильмах, от «Джейн Эйр» Роберта Стивенсона до «Декады чудес» Клода Шаброля. Он предвосхитил образ «wonder boy» американского кино, а как режиссер олицетворял шекспировское вдохновение и отличался глубокой европейской культурой, что в определенном смысле отдалило его от голливудской «индустрии мечты».

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

«France-Soire». 15 апреля. 1955.

196

Франсуаза приехала в Кэй Вест с сестрой Сюзанной, Бруно Морелем и журналисткой «Эль» Колеттой Гиманс.

197

Уильямс Теннеси (Томас Ланир) (1911–1983) — амер. драматург, автор пьес «Стеклянный зверинец», «Трамвай “Желание”», «Орфей спускается в ад», «Ночь Игуаны», сборника «Драконова страна». Его любимая тема — страдания одиноких поэтических натур в жестокой и прагматичной действительности. В его творчестве заметно влияние экзистенциализма, он часто использует религиозную символику и откровенно биологические мотивировки.

«Retour a Nayack — A la recherche de Carson McCullers» (Seuil, 1979).

199

Маккаллерс Карсон Смит (1917–1967) — амер. писательница, посвятила свое творчество теме разрушительности и иллюзорности любви, глубокого человеческого одиночества. Автор повести «Баллада о невеселом кабачке», романов «Сердце — одинокий охотник», «Часы без стрелок».

200

Впечатления, собранные Жанной Файард (Tennessee Williams, Seghers, 1972).

201

«Le garde du coeur» («Страж сердца»)

202

Письма Роже Нимье.

203

Моран Поль (1888–1941) — фр. дипломат и писатель, космополит, в романах и новеллах блестяще воссоздал атмосферу 20-х годов в Европе («Открыто ночью», «Закрыто ночью», «Галантная Европа»), автор исторических произведений: «Геката и собаки», «Конец века», «Новый Лондон».

204

Герой романа Поля Морана «Спешащий человек» Пьер Ниокс несется сквозь жизнь в бешеном внутреннем ритме, боясь остановиться хоть на мгновение. Он теряет деньги, теряет друзей. Вдруг женится и ненадолго успокаивается, но вскоре ссорится с женой, она прогоняет его. Что в итоге? Пустота. Человеческое сознание в XX веке подвластно новому богу — скорости. И герой Морана далеко не единственная его жертва. Название романа имеет двоякий смысл: «Homme pressé» — это и угнетенный человек, находящийся под гнетом обстоятельств.

205

Дассэн Жюль (р. 1911) — амер. кинематографист. После непродолжительной карьеры в театре стал ассистентом Альфреда Хичхока. Маккартизм заставил его уехать в Англию, где он создал свой шедевр «Ночные разбойники». Потом вернулся во Францию, где снял «Потасовку», «Закон» и др.

206

Мелина Меркюри (Мария Амалия Меркюри) (1924–1994) — греч. актриса и политическая деятельница, жена Жюля Дассэна, снималась в фильмах: «Тот, кто должен умереть», «Крики женщин». Автор автобиографии «Я родилась гречанкой». Вернулась на театральные подмостки в «Медее», поставленной Миносом Волонакисом.

«Le Monde». 27 апреля. 1957.

«Un orage immobile».

«D’une etoile l’autre» (Edition № 1, 1986).

210

«Bonjour Sagan» par Bertrand Poirot-Delpech (Edition Herscher, 1985).

211

Pipette (фр.) — пипетка.

«Globe». № 10. Октябрь. 1988.

213

Шамфор Николя Себастьян де (1741–1794) — фр. писатель, восторженно встретивший Великую французскую революцию. Позднее изменил взгляды, боролся против якобинцев, писал великолепные памфлеты, знаменит своими афоризмами.

214

«Françoise Sagan vous parle…» («Express» № 325 от 13 сентября 1957).

215

«L’Aurore». 2 сентября. 1957

216

Он подарил супругам кофейный сервиз императрицы Евгении.

217

Литвак Анатоль (1902–1974) — амер. режиссер, украинец по происхождению. Работал в Германии, во Франции («Майерлинг»), потом устроился в США, где снял психологический фильм «Ров со змеями» и ряд других работ («Женщина в автомобиле в очках и с ружьем»).

218

Преминжер Отто (1906–1986) — амер. режиссер, австриец по происхождению. Его герои — уязвимые, но внутренне светлые и мужественные. Работал во многих жанрах: детектив («Лаура»), исторический фильм («Кардинал»), вестерн («Река течет в одну сторону»), музыкальная комедия («Поржи и Бесс»), сентиментальная хроника («Здравствуй, грусть!»).

219

Негулеско Жан (1900–1993) — амер. кинематографист, румын по происхождению. В 14 лет покинул Румынию и приехал в Париж изучать живопись. Затем отправился в Голливуд, работал техническим консультантом, монтером, декоратором, помощником режиссера, писал сценарии и снимал короткометражные фильмы. Первый большой фильм — «Женщина из Сингапура». Стал известен благодаря фильму с захватывающей интригой «Маска Деметриоса». Снял фильм-катастрофу «Титаник», экзотичный «Муссон», приключенческий «Тени на море», несколько сентиментальных комедий, в частности «Как выйти замуж за миллионера?» с Мерилин Монро. Автор мемуаров, посвященных истории его карьеры в Голливуде.

«Cinématographe». № 107. Февраль. 1985.

С уважением к замыслу романа были сыграны Ингрид Бергман, Энтони Перкинсом и Ивом Монтаном.

222

Годар Жан-Люк (р. 1930) — фр. кинорежиссер. Он однажды сказал: «Я делаю фильмы, чтобы понять, зачем я их делаю». Создал новую модель экранного повествования, использовав диалоги и монологи, насыщенные глубоким подтекстом. В фильме «На последнем дыхании» трансформировал жанр детектива в напряженно-поэтичный рассказ, ставший манифестом «новой волны» в кинематографе.

Впоследствии он снимет Жанну Себерг в «Перемене» — фильме по новелле Ф. Саган.

«Toxique». Julliard. 1964.

225

«Magazine Litteraire». № 34. Записал Франсис Буэб (Ноябрь. 1969).

226

Бодлер Шарль (1821–1867) — фр. поэт, символист, автор сборника «Цветы зла» (1857). Для него характерны анархическое бунтарство, эстетизация порока, тоска по гармонии.

227

Арто Антонен (Антуан Мари Жозеф Арто) (1896–1948) — фр. писатель и актер, в 1926 году совместно с Роже Витраком и Раймондом Ароном создал «Театр Альфреда Жарри», где опробовал на практике свою концепцию «театра жестокости». По своему воздействию, утверждал Арто, театр схож с чумой: он «заставляет людей увидеть, каковы они на самом деле, он срывает маски, обнажая ложь, распущенность, низость и лицемерие мира». Арто использовал невербальные элементы театра (звук, свет, жесты, мимика), желая отказаться от «диктатуры речи». Арто оказал сильное влияние на французский театр через своего самого прославленного ученика Ж.-Л. Барро, а также таких драматургов, как Ж. Жене, С. Беккет и П. Вайс. Автор эссе «Театр и его двойник», где изложил свою теорию театра.

228

Мишо Анри (1899–1984) — фр. поэт и художник, бельгиец по происхождению. Сказал однажды, что «пишет, чтобы себя познать». У него нервный, спонтанный текст, одновременно напоминающий стихи, басню, рассказ и эссе. Он стремится заглянуть туда, где таится «обратная сторона вещей». Автор книг «То, чем я обладаю», «Некое перо», «Жизнь идет», «Опыты, заклинания», «Смятая жизнь».

229

Пер. Н. Комина.

230

Пер. Е. Залогиной

231

Пер. А. Борисовой.

232

Золя Эмиль (1840–1902) — фр. писатель, представитель критического реализма. Основное произведение: двадцатитомная серия «Ругон-Маккары» — история одной семьи; лучшие романы серии: «Чрево Парижа», «Западня», «Жерминаль», «Деньги», «Разгром» воплощают принципы натурализма (эссе «Экспериментальный роман» (1880).

«Globe». № 4, февраль/март. 1986. Записал Франк Моберт.

234

Памфлет, написанный Э. Золя, выступившим с протестом против дела Дрейфуса в 1898 году.

235

См. «l'lnsolence de monsieur К…» («Оскорбление месье К…»), статья в «Le Monde». 14 декабря. 1977.

236

См. ее статью: «То, что я видела вчера, — это отказ в правосудии»: «Liberation». 30 апреля. 1986.

Там находились писатели Эрве Базен и Жан-Луи Куртис.

Editions Herscher, 1985

«Elle». 27 сентября, 4 и 11 октября. 1954.

240

Передача «Антен 2» в трех частях, каждая по полтора часа: 31 декабря 1977, 7 и 14 января 1978 года.

«Le Quotidien de Paris». 1 января. 1978.

«Chateau en Suède», 1959.

243

«Regine confesse Sagan», опубликовано: «Пари-Матч». 21 ноября. 1980.

«VSD Special» № 500 (от 2.4.87 — 8.4.87).

245

Холидэй Билли (Элеонора Фаган) (1915–1959) — афроамер. джазовая певица.

По словам литературного журнала «Saturday Review»: «Так же, как “Шанель № 5”, Эдит Пиаф и камамбер, Франсуаза Саган стала одним из продуктов французского экспорта».

247

Мишель Магн родился в Лизьё (Кальвадос) 20 марта 1930 года.

248

Мулуджи Марсель (1922–1994) — фр. автор, композитор, исполнитель песен, опубликовал сборник поэм, также несколько романов.

249

Греко Джульетта (р. 1927) — фр. певица и актриса. В послевоенные годы пела в кабаре «Ле табу», стала «музой Сен-Жермен-де-Пре», снималась в «Орфее» Ж. Кокто, «Когда ты прочтешь это письмо» Ж.-П. Мелвилла, «Здравствуй, грусть!» О. Преминжера.

250

Легран Мишель (р. 1932) — фр. композитор и исполнитель, представитель «новой волны», автор музыки к фильму «Шербурские зонтики», «Женщина есть женщина», работал с такими режиссерами, как Деми, Дерей, Молинар, Лелюш.

«Deux ou trois vies qui sont les miennes» (Julliard, 1977).

252

Мопассан Ги де (1850–1893) — фр. писатель, достаточно быстро стал востребован широким кругом читателей благодаря внутренней лаконичности и прозрачности стиля, естественности и непринужденности авторского повествования. Автор романов «Жизнь», «Милый друг», сборников новелл «Заведение Телье», «Мадемуазель Фифи».

253

По фр. «город» женского рода — la ville.

254

Пер. Л. Завьяловой

255

«L’Evénement du Jeudi». № 4. Ноябрь. 1984. Записано Эрминой Гершер.

Там же.

257

Через посредничество своего адвоката, господина Жана-Клода Зильберштейна, Франсуаза Саган попросила наложить арест на книгу под названием «Дом в Пакель Вега», которая была посвящена автором колумбийскому художнику Фернандо Ботеро. Дело осложнилось, когда литературный директор «Ля Дифферанс», Гарри Янковичи, обвинил романистку и журналиста Марка Франселе в «нарушении неприкосновенности жилища, нанесении побоев и вымогательстве подписи» в ночь с 18 на 19 марта. В конце концов обе стороны отказались от обвинений

258

На вопрос Мануш «Хотела бы ты прожить мою жизнь?» Франсуаза Саган честно ответила: «Да, некоторые моменты. Самые веселые. Праздники. Жить за гранью очень интересно. Там, где предел, быть противопоставленной упорядоченному скучному обществу, такому, как наше». «Figaro Litteraire». 22 июля. 1972.

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

«France-Culture», 1955.

261

Полностью (лат.).

262

Столица Колумбии расположена на 2,650 м высоты. Это загадочная горная болезнь, которая может повлечь физиологические изменения.

263

Миттеран Франсуа (1916–1996) — президент Франции с 1981 года до вынужденной отставки по состоянию здоровья в 1995 году 1-й секретарь французской Социалистической партии в 1971–1981 годах. В 1965–1968 годах лидер Федерации демократических и социалистических левых сил.

«Cajarc au ralenti», «L'Humanité». 29 сентября. 1977.

Être zinzins (фр.) — быть пьяным.

Эрве Базен, новый президент Гонкуровской академии, предложил бы ей костюм по крайней мере от Ролана Доржелеса.

267

Юрсенар Маргарита (Крайенкур Маргарита де) (1903–1987) — фр. романистка и эссеистка, обладающая чистым, классичным стилем («Философский камень»). В романе «Алексис» с жидовскими интонациями рассказывает о мучительной борьбе с гомосексуальными наклонностями молодого музыканта, в «Воспоминаниях Адриана» — воспроизводит другой голос, лишенный слабости, — римского императора II века, мучительно преодолевающего внутренние противоречия, прагматизм и скептицизм, чтобы обратиться в итоге к гуманизму. Автор мемуаров, пьес.

268

Зал заседаний Французской академии имеет купольный свод.

269

Деко Алан (р. 1925) — фр. историк, автор популярных исторических повествований: «Великие тайны прошлого», «Секреты истории». Член Французской академии, почетный президент Сорбонны.

Шуман Морис (1911–1998) — фр. политический деятель, академик, олицетворял голос Франции во время Второй мировой войны в радиовещании, во время V республики сенатор, государственный секретарь, министр иностранных дел, автор трудов: «Германизм», «Бергсон и возвращение бога», романов «Концерт в мажоре», «Победа и ночь».

«Le Monde». 19–20 мая. 1985.

272

Роб-Грийе Ален (р. 1922) — фр. писатель, представитель нового романа, стремился отразить мельчайшие изменения сознания, восприятия персонажей, тонкий психолог, автор романов «В лабиринте», «Дом свиданий», «Резинки», «Ревность», детективного повествования «Проект революции в Нью-Йорке», киноромана «В прошлом году в Мариенбаде». Создал, следуя тому же художественному принципу «скольжения по реальности восприятия», ряд кинофильмов, автор критических работ (сборник «За новый роман»).

«L’Express». 11 октября. 1965, интервью, взятое Мадлен Шапсаль.

№ 101. Май. 1956.

«Etudes», ежемесячный журнал, основанный в 1856 году членами Общества Иисуса; № 5. Май. 1956.

Пер. А. Борисовой.

«Les bleus à l'âme».

«Paris-Match», 25 марта 1983

279

«Les Potins de la Commère» (фр.) — букв. «Кумушкины сплетни».

280

Ануй Жан (1910–1987) — фр. драматург. Жан-Жак Готье как-то о нем сказал: «Кто не любит Ануя, тот никогда не проникнет в тайну человеческой природы». Пьесы «Горностай», «Путешествие без багажа» вскрывают конфликт героя с окружающим миром. Автор антифашистской трагедии «Антигона», исторических пьес «Жаворонок», «Беккет». Близок к экзистенциализму («Подвал»).

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

«Paris-Match». 16 апреля. 1960.

Она проявляла недовольство по поводу разбросанных вещей Франсуазы и не любила «банду Саган», которая иногда наводняла квартиру. В конце концов она взяла расчет, но после развода, высказавшись по поводу взаимной вины супругов, вернулась на службу к Ги Шеллеру. По решению суда в июне 1960 года она не получила никакой пенсии.

284

«Comment travaillent les ecrivains» (Propos recueillis par Jean-Louis de Rambures. «Le Monde». 6 февраля. 1976).

«Les Ecrivains sur la sellette» de Jean-Louis Ezine.

Например, такого рода: «Глэдис, знаешь, что со мной случилось? У отца “ягуар”, “жерар”, “остэн”, у матери “кадиллак”. Я поехала на метро. Представляешь?»

287

Высказывания, записанные Моникой Шураки.

Пер. Н. Комина.

«Femme». № 7. Июль/август. 1983.

«Les Plis de l’eau».

291

[291] «Le Rendez-vous manqué». Музыка Мишеля Магна, декорации Бернара Бюффэ, постановка Роже Вадима. Спектакль был поставлен в Париже в театре «Елисейские Поля».

292

[292] Моравиа (Пинкерле) Альберто (1907–1990) — итал. писатель. Его имя связывают с хроникой «Европейский дневник» в «Корьере делла сера», которую он вел на протяжении многих лет в неизменно утонченно-саркастическом тоне, демонстрируя скептицизм по отношению к современной цивилизации и стремление предотвратить экологический кризис и атомную катастрофу, автор эссе «Атомная зима», романа на эту же тему «Человек, который смотрит». Автор социально-психо-логических романов: «Равнодушные» — иронического повествования о буржуазной семье, «Римлянка», проникнутого утонченно-психологическим эротизмом, «Скука», «Внутренняя жизнь». В «Римских рассказах» и романе «Чочара» — влияние неореализма. Его стиль отличается сухостью, скупостью, он лишен излишеств, его характеристики исключительно точны.

Serge Siritwky, Francoise Roth «Le Roman de l’Express 1953–1978» (Atelier Marcel Juillard, 1979).

«La jeune fille et la grandeur» (L’Express. № 470. 16 июля. 1960).

Id. № 34. 27 июня — 3 июля. 1985.

296

Франсуаза Саган отвечает на вопросы Alix Rheims («Elle». 6 января. 1986).

«L’Express». 13 сентября. 1957.

«Неясный профиль», пер. А. Борисовой.

«Elle». 6 января. 1986.

300

Бретон Андре (1896–1966) — фр. писатель, один из основоположников сюрреализма. Последователь Бодлера, Малларме и Гюисманса. Поэмы «Аркан 17», «Лампа в часах». Утверждал, что личность обретает свободу только в интуитивных актах — сне, бреде и т. п., высказал идею автоматического письма — фиксации писателем в процессе творческого акта движений своего подсознания.

301

Он издаст журнал «Новые письма», который потом станет коллекцией.

«Un siècle debordé» (Grasset, 1970, Flammarion, 1987).

303

Голль Шарль де (1890–1970) — президент Франции в 1958–1969 годах. В 1940 году основал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция» (с 1942 года «Сражающаяся Франция»), примкнувшее к антигитлеровской коалиции; в 1941 году стал руководителем Французского национального комитета, в 1943-м — Французского комитета национального освобождения, созданного в Алжире. В 1944-м — янв. 1946 года — глава Временного правительства Франции. После войны основатель и руководитель партии «Объединение французского народа». В 1948 году премьер-министр Франции.

«Le Crapouillot». № 68. Март. 1965.

Она также подписала «Манифест 121».

306

Номера от 4 по 11 августа 1960 года.

307

Кастро Фидель (р. 1926) — политический деятель. С 1976 года — председатель Государственного совета и СМ Республики Куба. В 1953 году возглавил вооруженное выступление против диктаторского режима Батисты, за что был осужден на 15 лет. В 1955 году амнистирован. Эмигрировал в Мексику, где сформировал вооруженный отряд для продолжения борьбы против диктатуры. В 1956 году высадился на Кубе с яхты «Гранма» и возглавил партизанскую борьбу, приведшую к победе в 1959 году Кубинской революции. Лауреат Международной Ленинской премии (1961).

308

«Magazine litteraire». № 205. Март. 1984 (записано Жан-Жаком Брошье).

309

«Sarah Bernhardt, ou le rire incassable» Опубликована «Лаффонт» в октябре 1987 года. Франсуаза Саган присутствовала при рождении книги в Новом обществе Фирмин-Дидо в Оре. Тогда она впервые наблюдала, как печатается одно из ее произведений.

FLN — Front de la Liberation nationale.

311

OAS — Organisation de l’Armée Secrète.

«Messieurs les best-sellers» de Gilbert Ganne (Librairie Academique Perrin, 1966).

313

Марсо Фелисьен (р. 1913) — фр. романист и драматург, академик, бельгиец по происхождению. Мастер иронии, внимательный наблюдатель («Разделенные страсти», «Терраса Лукреции», «Капри — остров маленький», «Кризи»).

Что сомнительно после ухода Роже Каза.

«Le Monde». 27 марта. 1987.

316

Бернар Франк намекает на этикет. Если посетитель не относился к постоянным, время ожидания варьировалось в зависимости от статуса клиента. Жак Лоран описал это в своем романе «Неясные подмножества» «Les Sous-Ensemble flous» (Grasset, 1981).

317

Пекюше — герой неоконченного романа Флобера «Бювар и Пекюше». Двое приятелей-переписчиков Бювар и Пекюше делят наследство, доставшееся Пекюше, и пытаются организовать совместное дело, однако прогорают. Веря в силу знания, они обращаются к наукам — от химии через философию и историю до спиритизма — но им так и не удается сохранить свои владения, и они вновь становятся переписчиками. Через череду нелепых поступков персонажей Флобер определяет значение истинного ума.

«Chez Lipp» de Jean Diwo (Denoel, 1981).

319

Дютур Жан (р. 1920) — фр. писатель, академик, эссеист, с замечательным юмором борется против рутины и предрассудков, явно чувствуя себя не слишком комфортно в современном мире. Автор эссе «Комплекс Цезаря», романов «Семинар в Бордо», «Мысли», «Седьмой день, или Рассказ из библейских времен».

320

Ведель Жорж (р. 1910–2002) — фр. юрист, профессор права, участвовал в создании Конституции 1958 года, член конституционного совета (1980–1989), избран в 1998 году в члены Французской академии.

321

«Francois Mitterrand, un homme president» par Claude Azoulay (Editions Filipacchi, 1987).

«Le temps qui reste» (Stock, 1973).

323

«Aimer Sagan pour elle-même» in «Ma vie entre les lignes» (La Table Ronde, 1982).

«Libération». 26 апреля. 1984 (записано Аннетт Леви-Вийар).

«Le Nouvel Homme» (Lattes, 1978).

«Marbre». № 2 (Январь/февраль. 1987).

«Le monde». 12 января. 1985.

Далида — фр. певица.

«L’Abeille et l’Architecte» (Flammarion, 1978).

«Cajarc au ralenti» de Françoise Sagan in «l'Humanité».

George Pompidou (J.C. Lattes, 1984).

332

Тайантер Роже Ле — автор детективной литературы. Один из его романов вдохновлен отчасти делом Дебаржа («Париж на игле»).

333

Пер. В. Львова.

«Contre bonne fortune…» de Guy de Rothschild (Belfond, 1983).

«Vogue». № 350. Октябрь. 1972.

«Playboy». Французское издание. Апрель. 1980.

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

338

Стайрон Уильям (р. 1925) — амер. писатель, автор повести «Долгий марш» о жестокости и бесчеловечности армейской жизни. В романе «Подожги этот дом» просматриваются экзистенциалистские мотивы. «Софи делает выбор» — беллетризованная автобиография, где он описывает страдания в Освенциме.

Cette paisible poussière et autres écrits (Gallimard, 1985).

340

Ромен Жюль (1885–1972) — фр. писатель. Автор многотомной эпопеи «Люди доброй воли» о жизни Франции в первое тридцатилетие XX века, мемуаров «Симпатии и встречи».

341

Барт Ролан (1915–1980) — фр. литературовед, семиолог, структуралист, глава направления «новой критики». Автор работ по семиотике культуры и литературы: «Мифологии», «Смерть автора», «Удовольствие от текста», «Война языков», «О Расине» и др.

«Un sang d’aquarelle».

343

См. ее биографию Сары Бернар «Le rire incassable» (Robert Laffont, 1987).

344

Триоле Эльза (1896–1970) — фр. писательница, родилась в России, жена Л.Арагона, первые произведения создала на русском языке, затем писала на фр., некоторые свои произведения перевела на русский («Розы в кредит», «Луна-парк»). Автор цикла социологических романов «Нейлоновый век», переводов на фр. язык русской поэзии.

«Les Lettres Francaises». 14 декабря. 1961.

«Le Figaro Litteraire». 16 декабря. 1961.

347

Мариво (Пьер Карле де Шамблен де) (1688–1763) — фр. писатель, автор социально-психологических романов «Жизнь Марианны, или Приключения графини де***», «Удачливый крестьянин, или Мемуары господина В***».

348

Порто-Риш Жорж де (1849–1930) — фр. драматург. Темой его творчества стали чувственные переживания. Собрал свои пьесы в сборник под названием «Театр любви» («Влюбленная», «Прошлое», «Старик», «Продавец эстампов»). Избран во Французскую академию (1823).

349

Клод Пердриэль жил в то время в просторной квартире на улице Франсуа Премье в доме № 3, где принимал время от времени Бернара Франка. Этажом выше жил Ален Делон.

350

Барсак Андре (1909–1973) — фр. режиссер, театральный художник. В театре с 1928 года. С 1940 года возглавлял театр «Ателье».

351

За три недели в Клостере в Швейцарии, посреди снегов, подобных тем, какие окружают ее героев.

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

353

Viens voir les comediens… (фр.)

«Cinematographe» (les Ecrivains et le Cinèma).

355

Шаброль Клод (р. 1930) — фр. кинорежиссер, из всех представителей «новой волны» вместе с Трюффо наиболее близок американскому кино — приверженностью жанру детектива и количеством продукции — снял около пятидесяти фильмов за тридцать лет, среди них «Добрые женщины», «Ландрю», «Церемония», «Ад», «Спасибо за шоколад».

«France-soir». 26 января. 1963.

«Cinematographe».

«Экстрасагантно! Рядом с этой громадой, излучающей высокомерную мудрость, чувствуешь себя маленькой девочкой», — говорит актриса («Le Nouvel Observateur»).

Flammarion (1976).

Пер. Л. Завьяловой.

361

Лорель Стан (1890–1965) — актер кино, по происхождению англичанин, приехал в США с труппой Ф. Карно и в 1926 году объединился с Джеймсом Гарди (1892–1957), составив комический дуэт. Они снялись более чем в ста фильмах, среди которых «Дни каникул», «Фра Дьяволо», «Упрямцы».

«Cinématographe» (les Ecrivains et le Cinema).

363

Романы Колетт

Книга Лами вышла в 1988 году.

365

Роман Стендаля

«France-Soir». 7 апреля. 1979.

«Une chaine sur les bras».

Высшая педагогическая школа (институт).

«Egoiste». № 9 («Elle travaille dans l’ombre» par Jean-Francois Josselin).

Coédition Ramsay-Pauvert, 1981.

Flammarion, 1980.

372

Бывшая пресс-атташе Франсуазы Саган в «Фламмарион».

Мадемуазель Исорни, адвокат «Фламмарион», квалифицировала как халтуру новеллы, которые Франсуаза Саган передала издателю. Что не помешало последнему говорить о «времени Стендаля» в рекламе этого сборника («Musiques de scènes»).

«Arts Magazine», 23 января 1981 года; аллюзия на тип латинской поговорки, напр.: «Ubi mel, ibi apes» — «Где мед, там и пчелы», по-фр. «roi» — король, «fils» — сын.

Под своим настоящим именем Эрик Арну он занимал пост министра культуры, сопровождал Франсуа Миттерана в его поездке в Латинскую Америку и находился в Боготе, когда с Франсуазой Саган случилось несчастье.

Три года спустя Франсуаза Саган покинет издательство «Галлимар», объяснив, что ей надоели семьи и династии… (интервью, взятое Клодиной Вернье-Паллие: «Пари-Матч». 2 октября. 1987). Она продолжает тем не менее работать с Франсуазой Верни, которая занимает пост в «Фламмарион». Подписывая теперь контракт только на одну книгу, она публикует следующий роман у Кристиана Буржуа, чей издательский дом связан с группой «Пресс де ла Ситэ», купленной ГЭК. Что позабавило Франсуазу, поскольку ее отец был одним из знаменитых сотрудников Генеральной энергетической компании.

377

Жан-Поль Сартр умер 15 апреля 1980 года в госпитале Бруссе.

378

После своей отставки 31 декабря 1977 года Марсель Жюйан получил следующую телеграмму: «Поздравления — Точка — Вы возвращаетесь к своим — Точка — Подписано: Франсуаза Саган».

Trotteur (фр.) — рысак.

«Alma». № 1. Ноябрь. 1986 («La chèvre de Mme Sagan»).

Он находился по долгу службы в Боготе, где с романисткой произошел несчастный случай. В то время посланником Франции в Боливии был Пьер Буадефр, который написал предисловие к книге Жерара Мурга «Франсуаза Саган» под названием «Секрет Франсуазы Саган».

382

Шевалье Морис (1888–1972) — фр. актер эстрадного жанра и певец, стал популярен после войны, создав образ денди предместий, был занят во многих опереттах, снимался в США в мюзиклах «Парад любви», «Веселая вдова». Вернувшись во Францию, продолжил карьеру певца и актера. Автор мемуаров «Моя дорога и мои песни».

«Stock» (1976).

«В память о лучшем», пер. Л. Завьяловой.

385

Джонс Джеймс (1921–1977) — амер. писатель, автор антимилитаристских романов «И спешат они», «Только позови», мемуаров «Вторая мировая война».

«Expression». № 6. Июль/август. 1987

«Vogue» (1955).

388

Пер. Н. Комина.

389

«Playboy», фр. изд., июль 1981 года

«F». № 5. Октябрь. 1983.

«Vogue». Июль. 1963.

«Жизнь Раснэ».

393

Гари Ромен (1916–1980) — фр. писатель, дипломат. Автор романов «Пляска Чингиз Хаима», где осмысливает события Второй мировой войны, «Европа», где затрагивает две свои любимые темы — любовь и закат Европы, «Свет женщины», «Воздушные змеи», «Страхи царя Соломона», «Псевдо» — о двойном существовании единственного в истории дважды лауреата Гонкуровской премии Ромена Гари (Эмиля Ажара).

«Elle». 1 мая. 1969.

«Romain Gary» par Dominique Bona (Mercure de France, 1987).

396

Франсуаза Саган написала в программе показа ее коллекции 1985–1986 годов: «Пегги Рош не столько заботится о моде, сколько об элегантности: она ею просто одержима. Это, вероятно, единственный человек, обращающий внимание на форму тюрбана и линию колодки ботинок героини в тот момент, когда на экране ее с дикой жестокостью закалывают кинжалом. Она одна из немногих в этой профессии, кто полагает, что каждая женщина способна создать свой образ сама».